

В.С. СВЕТИЛОВ

В КРАЮ САВАНН

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. С. СВЕТИЛОВ

В КРАЮ САВАНН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

Ответственный редактор
Л. Е. КУББЕЛЬ

Светлов В. С.

С24 В краю саванн, М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1971.

192 стр. с илл. (Путешествия по странам Востока).

Автор книги три года преподавал политэкономю в Высшей административной школе Республики Мали. Он рассказывает обо всем, что видел и слышал в столице и в отдаленных районах этой дружественной нам африканской страны.

ВСТРЕЧА С МАЛИ

Первые впечатления

Шел второй час пополудни по местному времени, когда самолет приземлился в аэропорту Бамако, столицы Республики Мали. Как только я вышел из самолета, на меня пахнуло жаром, будто из раскаленной печи. В тот январский день, мой первый день на малийской земле, я понял, что такое африканский зной и африканское солнце.

...И вот аэропорт и въездные формальности уже позади, мы въезжаем в город. Справа видны островки зеленых деревьев, за которыми начинается выжженная солнцем саванна. Слева тянутся кварталы темно-серых одноэтажных африканских домиков, обсаженных цепочками манговых деревьев и акаций. По обочинам дороги движутся вереницы женщин в широких пестрых одеяниях с тяжелыми, установленными в несколько ярусов тазами фруктов на голове. За спиной у многих привязан ребенок. Обращаю внимание на мужчину, который несет на голове два больших, положенных крест-накрест древесных ствола. Впоследствии я убедился, что для африканцев переноска грузов на голове так же обычна, как для нас — в руках или на плече. На голове, подложив скрученную жгутом тряпку, носят ведра с водой, железные сундуки, тес, тяжелые вязанки дров и хвороста, копны арахисовой соломы, учебники и даже чернильницы. Ручки школьники втыкают в свои густые выющиеся волосы. Одним словом, что бы ни несли африканцы, руки у них всегда свободны.

Самолет прибыл в Бамако во время «съесты» — трехчасового перерыва с двенадцати до трех часов дня, когда в учреждениях прекращается работа, а в учебных заведениях — занятия. Такой перерыв — требование по-

своему сурового африканского климата. В это время в воздухе висит тяжелый одуряющий зной, который изгоняет с улицы все живое. Даже дежурящие на перекрестках полицейские прячутся в тени деревьев. Мне приходилось наблюдать часового, который с наступлением съесты ставил к дереву винтовку и ложился отдыхать в его тени.

...В «Гранд-отеле» и «Мажестике» — двух гостиницах, где обычно останавливаются европейцы, мест нет. Теперь мы едем в загородный мотель, который должен стать моим первым жилищем в Африке.

Мотель — несколько одноэтажных зданий — расположен на зеленой поляне под сенью могучих манговых деревьев в километре от города.

В конторе мотеля навстречу мне поднимается высокий, величественного вида человек лет тридцати в просторной африканской одежде. Есть свободные номера. Узнав, что я преподаватель политэкономии, Сиси Геди — так звали администратора мотеля — неожиданно изъявил желание обсудить со мной некоторые вопросы политической экономии. Отвечаю, что согласен на любую дискуссию, но только после того, как отдохну от шестнадцатичасового перелета. Сиси Геди как будто недоволен, но кивает бою, и тот подхватывает мои чемоданы.

Вскоре оказываюсь в небольшом однокомнатном номере. Бой демонстрирует, как пользоваться кондиционером. Принимаю душ, затем включаю кондиционер и засыпаю сном праведника.

На следующий день отправляюсь в город пешком, чтобы лучше рассмотреть людей. С утра не жарко, и идти легко. Минут через пятнадцать нахожусь уже в районе «Воздушной базы» — квартала каменных домов, где не так давно располагался французский авиационный гарнизон, эвакуированный после завоевания страной независимости. Виллы утопают в густой зелени, и я иду в тени деревьев. Спешат на базар женщины и подростки с тяжелыми тазами на голове, велосипедисты везут на багажниках ящики с тощими африканскими курами. Иногда меня обгоняют повозки на резиновом ходу, запряженные лошадьми. Хозяин такой повозки за плату возит в город на базар торговки с их товарами. Но большинство крестьян приносят свой товар сами,

Малийцы в национальной одежде — бубу

иногда вышагивая при этом не один десяток километров. Пригородный транспорт почти не развит.

В тени деревьев группами и в одиночку расположились ткачи. На деревянных станках они ткут узкие полоски ткани. Потом из этой ткани, когда полоски сошьют и окрасят, будут шить одежду. Конечно, такая одежда не предназначена для богатых: зажиточные малийцы предпочитают импортные ткани.

Чем ближе к центру, тем больше людей. На улице довольно много невзрачных на вид лавок золотых дел мастеров. Здесь же помещается и мастерская. Малийские ремесленники широко известны своим искусством работы по золоту, серебру и слоновой кости. На многих вывесках значится, что ее хозяин — дипломированный ювелир. В окне выставлены образцы изделий. Цена на изделия у каждого мастера своя. Зависит она не только от стоимости золота и качества работы: мастер может снизить цену, если он знает покупателя и в данный момент не очень нуждается в деньгах.

Миную самый крупный в Бамако частный французский магазин «Прентанья» и оказываюсь на треугольной площади — Пляс такси. Важно, неторопливо проходят мужчины в традиционных белых, синих, темных бубу. Одежда эта весьма своеобразна. При изготовлении бубу ниток почти не требуется. Берут широкое хлопчатобумажное полотнище, перегибают его пополам и посередине перегиба делают отверстие для головы. Состоятельные малийцы носят бубу с богатой вышивкой на груди, тут же на груди делают карман. Бубу шьют длинным до пят. Ширина праздничных бубу почти равна длине. Излишек материи укладывают на плечах в складки. Бока у повседневных бубу не зашивают, что обеспечивает хороший доступ воздуха к телу. Бубу различаются по назначению, качеству материала и отделке. Повседневное бубу делают с рукавами или без рукавов, смотря по сезону, наподобие широкого халата. Праздничное бубу обычно белоснежное, тонкое, с красивой отделкой и длинными рукавами. По праздникам бубу надевают и многие из тех, кто в будни носит европейскую одежду (чиновники предпочитают френч без подкладки и брюки, учащиеся — рубашку навыпуск и брюки или шорты; молодые крестьяне к шортам добавляют укороченное хлопчатобумажное бубу).

Девушка из Бамако

Малийцы носят необычайно широкие шаровары *урусоба*, собранные в складки на поясе и перехваченные тесьмой ниже колен. На голову мужчины надевают разноцветные фески *фууля*, колпаки и иногда тюрбаны. Крестьяне, подолгу бывающие на солнце, носят конусообразные соломенные шляпы *гефан*. Но большинство малийцев, особенно молодежь, не признают никаких головных уборов. Не носят головных уборов и европейцы, несмотря на разговоры о вреде тропического солнца. Я убедился на собственном опыте, что оно более опасно для глаз, чем для головы.

На ноги малийцы надевают пластмассовые сандалии, а по праздникам носят особую обувь из воловьей кожи местного изготовления — *муке* — с глубоким носком, но без задников.

Малийские девушки славятся своей красотой. Точные плечи, красивые руки, прямая спина, высокий тонкий стан, неторопливая гордая походка.

Малийки любят одеваться ярко и разнообразно. Каждая находит для себя такой наряд, который больше всего подчеркивает ее привлекательность. Сиреневый, фиолетовый, золотистый нейлон хорошо гармонирует с темным цветом кожи. Даже в будний день трудно встретить в Бамако двух одинаково одетых женщин. Девушки и молодые женщины носят открытые кофточки без рукавов и длинные юбки с красными, зелеными и желтыми поперечными полосами. Юбка — это трехметровый кусок материи, который обертывается несколько раз вокруг талии, подчеркивая ее стройность.

Молодые девушки с раннего возраста большое внимание уделяют прическе. Как-то раз во время праздника Табаски я натолкнулся в одном из переулков на женскую парикмахерскую. В тени дома мужчина-парикмахер скручивал тонкие волосяные «антенны» на голове клиентки лет шести-семи. Вокруг стояли зачарованные зрители такого же возраста. Но женские парикмахерские в Мали скорее исключение, чем правило. Искусство женских причесок — дело семейных традиций. Иногда я встречал девушек с пышными волосами. Я принимал их за мулаток. Но однажды, находясь в гостях у приятеля, жившего по соседству с малийской семьей, я увидел, как молодая красивая малийка нагревала на открытом огне алюминиевую гребенку и

Прическа женщины-сонгай

принималась яростно расчесывать ею свои курчавые волосы. При этом волосы трещали и, видимо, расправлялись, от головы шел дым, но прическа становилась пышнее. Чего не сделаешь, чтобы быть красивой!

Многие девушки носят цветные тюрбаны, имитирующие высокую прическу. Замужние женщины поверх обычной одежды, особенно в праздничные дни, надевают широкие, ниспадающие с плеч прозрачные нейлоновые накидки всех цветов радуги, сшитые по типу бубу. Тюрбаны у них не столь высоки, как у девушек, в ушах красновато-золотистые сережки, напоминающие свернувшихся толстых гусениц.

У малиек считается модным красить нижнюю губу, ближе к подбородку, в темно-синий цвет. Десны у некоторых малиек тоже темно-синие. Чтобы иметь такие десны, надо выдержать мучительную операцию накалывания их иглой. В темно-синий цвет красят ступни ног и ладони рук.

Свою привлекательность девушки быстро теряют, становясь матерями. Государственные законы и религиозные обычаи запрещают ограничивать рождаемость, и малийские женщины многодетны. После замужества одеваться они начинают уже не так тщательно, стройная талия не видна из-за привязанного сзади ребенка. Если рождается двойня, то женщине приходится носить обоих детей сразу или поручать одного старшей дочери. Маленькие граждане Мали очень спокойны. Мне ни разу не приходилось слышать надрывного крика младенца. Женщины не расстаются с детьми ни во время работы, ни во время танцев, их берут даже на театральные представления. Во время молебна ребенок также находится за спиной матери и отвешивает вместе с ней поклоны аллаху.

По одежде малийца можно судить о его социальном положении. Ткани дороги. Пышность женских одеяний находится в прямой зависимости от материального достатка главы семьи. В деревнях женщины одеваются гораздо скромнее: юбка из грубой материи, поверх нее открытая кофточка без рукавов на узких бретельках или широкий короткий сарафан. В сельской местности, особенно в жару, нередко можно встретить женщин, одетых только в юбки. Мальчишки не носят одежды лет до пяти, девочек начинают одевать гораздо раньше.

По своему характеру малийцы приветливый, но сдержанный народ с ярко выраженным чувством собственного достоинства. При непосредственном общении они просты, умеют ценить юмор и шутку. Однако состоятельные хозяйчики порой раздражают своим высокомерием.

Надо признаться, что планировку центра Бамако я постиг не сразу и первое время много плутал. Виною тому была густая зелень, скрывавшая перспективу, неумение разговаривать с местным населением. Желая узнать дорогу, я обращался обычно к скромно одетому малийцу, принимая его за коренного жителя столицы. Но чаще всего я ошибался и попадал на крестьян, пришедших в город в поисках работы; им самим столица казалась сложным и запутанным лабиринтом. К тому же они просто меня не понимали и на мое обращение отвечали встречным вопросом на бамбара. Правда, малийцы знали универсальное средство помочь иностранцу:

— Такси! Такси! — вдруг начинало кричать несколько голосов.

Через несколько минут появлялся таксист и отвозил меня на одну из центральных улиц. После пяти-шести основательных прогулок я стал свободно ориентироваться в городе даже ночью.

Малийская столица расположена в неширокой долине на левом берегу Нигера. Городские кварталы протянулись на восемь километров вдоль берега. С юга город опоясывает почти километровая лента реки, на севере он упирается в красноватый отвесный склон куполообразной горы Кулубы.

Возле почты я купил открытку с видом президентского дворца и теперь прошу шофера отвезти меня к этому зданию.

— Это на Кулубе, мосье. Далеко, будет стоить триста франков.

Дорога на Кулубу вьется серпантином. Сквозь листву я вижу, что машина поднимается все выше над городом. Через полчаса я оказываюсь в центре застроенной красивыми зданиями асфальтированной площади. Вокруг много зелени. Это и есть Кулуба — административный центр Бамако. На Кулубе всегда тянет ветерок и воздух значительно свежее, чем в городе.

Раньше здесь находились резиденция губернатора Французского Судана, учреждения колониальной администрации и виллы чиновников. Теперь дворец губернатора перестроен и в нем располагается глава малийского государства.

Я подхожу к высокой железной ограде, за которой виднеется двухэтажное здание дворца. Из ворот выходят несколько солдат. Настроены они добродушно, и мы обмениваемся приветствиями.

— Камарад пришел осмотреть дворец?

Вопрос для меня неожиданный. Когда я сюда ехал, у меня не было такого намерения. К тому же я не знаю, как относятся к этому местные власти.

— Да, но у меня нет специального разрешения.

Один из солдат уходит во дворец и через несколько минут возвращается с положительным ответом. Я захожу в высокий красивый вестибюль, отделанный деревом. Здесь много барельефов и скульптур. Затем осматриваю фасад дворца, благодарю солдат и ухожу.

Таксист ждет меня. Теперь он предлагает посмотреть на Бамако с туристской площадки. При спуске в город мы сворачиваем на каменистую дорогу, проложенную по склону Кулубы, обращенному к городу. Отсюда столица видна как на ладони. Колонизаторам не очень уютно жилось в завоеванной стране, и они хорошо оценили господствующее положение Кулубы над городом. В тринадцати километрах отсюда стоял французский военный гарнизон. В случае нужды на Кулубу всегда можно было подвезти пушки, которые могли бы обстреливать любой район города.

На туристской площадке мы разговорились с шофером. Его зовут Амаду Ба. В прошлом он был солдатом французской колониальной армии, воевал во Вьетнаме. Сейчас получает небольшую пенсию и работает. Такси принадлежит не ему, а владельцу мебельной мастерской, который имеет еще две машины. Ежедневно Амаду должен платить хозяину две тысячи франков. Остальное — заработок водителя. Такси — дорогой транспорт для рядового жителя. Поэтому в поисках клиентов Амаду приходится с утра до позднего вечера разъезжать по городу.

На обратном пути Амаду сам останавливает машину возле пьедестала, оставшегося от памятника завое-

вателю Бамако Борни-Деборду. Вместо монументов завоевателям в малийских городах теперь поставлены скромные обелиски всем жертвам, павшим в борьбе с колониализмом. Амаду показывает мне единственный монумент, оставшийся от колониальных времен. Это памятник суданским стрелкам, отдавшим свои жизни за интересы французского империализма.

Амаду везет меня в новый район Бамако — Бадалабугу. Бамако стало тесно в старых границах, и он перешагнул на противоположный берег реки Нигер. Машина въезжает на красивый железобетонный мост длиной метров восемьсот. Проезжая часть неширокая — могут разъехаться лишь два автомобиля.

На противоположном берегу прошу остановиться. Здесь идет разгрузка больших деревянных шаланд с песком, которые рабочие подгоняют, упираясь бамбуковыми шестами о дно реки. К шаландам по пояс в воде подходят носильщики. Рабочие набрасывают в носилки мокрый песок. Носильщики выносят его на берег и рассыпают для просушки. Все работы производятся вручную, никаких признаков механизации.

Стоя на берегу, наблюдаю за разгрузкой. Вдруг ко мне подходит представительный мужчина с выхоленным лицом, одетый в дорогое голубое бубу.

— Вы хотите купить песок?

— Песок? — Я удивленно смотрю на голубого.

— Да, песок! — Он называет какие-то цифры, но, видя, что я не понимаю, показывает на вкопанный в землю столб.

На куске жести я читаю цену кубического метра песка. Голубой принял меня за предпринимателя. Я извиняюсь и спрашиваю, куда идет этот песок.

— На бетонный завод. — Мужчина показывает на виднеющиеся невдалеке дома.

Это и есть Бадалабугу, новый район столицы.

Через четверть часа мы въезжаем на высокий холм Бадалабугу. Здесь на средства Европейского экономического сообщества, «ассоциированным членом» которого является Мали, построено здание педагогического института. Внизу лежат кварталы аккуратных одноэтажных и двухэтажных домов. Среди них видна строящаяся мечеть. Я спрашиваю у беседующих невдалеке мужчин, на какие средства строится мечеть.

— На пожертвования верующих.

— Ну, а если верующий бедняк?

— Каждый дает сколько может.

Затем я прошу Амаду провезти меня по самой людной улице столицы. Это Бульвар дю пёпль — Народный бульвар, улица, проходящая через торговый центр. Здесь всегда интенсивное движение. Снуют мопеды, велосипеды, автомобили. О велосипедистах следует сказать особо. Пожалуй, они чувствуют себя бóльшими хозяевами улицы, чем водители автомобилей. Нисколько не заботясь о том, что делается позади, велосипедист быстро показывает пальцем в сторону и тут же поворачивает руль. Раза два Амаду резко тормозит, слышится ругань на бамбара, но велосипедисты мало на нее реагируют.

Густота транспортного потока возрастает в полдень, когда наступает сьеста. Каждому хочется поскорее выбраться из раскаленного пекла улицы. Чтобы умерить пыл водителей, полицейские взбираются на широкие табуреты на перекрестках и регулируют движение.

Не обращая внимания на транспорт, не спеша переходят дорогу величественные мужчины в бубу. Женщины более робки. Часто они перебегают улицу, взявшись за руки, но смотрят только на поток транспорта, идущий по противоположной стороне. Машины, идущие слева, их не интересуют.

Бамако — молодой город. В 1883 году, когда его захватили французские войска, он представлял собой деревню с глинобитными одноэтажными домами. Во времена колониализма город стал расти благодаря железной дороге, связавшей Нигер с Дакаром. Но колониальные власти не стремились благоустроить город и развивать его коммунальное хозяйство. До сих пор в городе совсем немного многоэтажных зданий. Когда смотришь на Бамако с Кулубы, то сразу же видишь минарет главной мечети, католический собор и гостиницу.

По вечерам освещается лишь несколько центральных улиц. Дома африканцев, как правило, не электрифицированы. Ведь электроэнергия очень дорогая, немало стоит и ее подключение. Так, плата за установку одного только импортного счетчика превышает два месячных заработка квалифицированного рабочего.

В архитектурном отношении Бамако можно услов-

но разделить на две части — европейскую и африканскую. Здания европейского типа построены с учетом тропического климата — с лоджиями, защитными козырьками. Встречаются дома в мавританском стиле. Здания расположены вдали от проезжей части в просторных тенистых двориках, обнесенных невысокой железобетонной оградой с красивым орнаментом.

Африканские кварталы однообразны. Вдоль дороги тянется сплошная застройка, образованная либо массивной глинобитной стеной выше человеческого роста, либо передними стенами одноэтажных домов. Окна маленькие, служат в основном для вентиляции. Вместо стёкол на деревянную раму набиты полоски железа, так что в домах полутемно. Каждый дом имеет глухой внутренний дворик, где на открытом воздухе готовят пищу и протекает вся жизнь семейства. Нередко из дворов слышится мычание коров, а в тени стен дремлют овцы. Зелень в африканских кварталах очень скудная.

Тротуары в Бамако существуют лишь в центре города, да и то лишь на нескольких улицах. Пешеходам приходится ходить либо по пыльной обочине, либо в непосредственной близости от транспорта. В колониальное время пешеходами бывали только африканцы. До сих пор таксисты не могут равнодушно смотреть на идущего пешком европейца. Во время моих прогулок по городу автомобильные гудки то и дело раздавались за моей спиной. Некоторые машины останавливались передо мной, и шофер распахивал дверцу.

Когда я проходил по улицам африканских кварталов, ко мне всегда подбегали детишки с протянутыми ручонками. Африканцы любят здороваться за руку даже с незнакомым человеком. Дети тоже не хотели упустить такой возможности. При этом мне часто кричали «бонжур, мадам» и «добрый вечер» вместо «доброе утро».

Торговцы

Сразу же по приезде в Бамако я обратил внимание на обилие торговцев и ремесленников. Это характерно и для других малийских городов, возникших как торговые центры. Возвратившись с Кулубы, иду по сердцу

торгового Бамако — кварталам, расположенным между магазином «Прентанья» и Домом ремесел — «Артизана». Это самая оживленная часть города, сплошь застроенная лавками и магазинами. Возле одной из лавок слышится грохот тамтама, толпятся пестро одетые люди. Торговцы разматывают ткани и помахивают ими в воздухе. На таких аукционах обычно распродают залежалые товары по сниженным ценам. Чаще всего это делается перед поездкой хозяина лавки в Абиджан или Дакар за новой партией товара.

Хотя некоторые магазины принадлежат государству, в Мали преобладает частная торговля, причем довольно много купцов-иностранцев: ливанцев, французов. Лавки частных торговцев, как и мастерские ремесленников, часто бывают семейными предприятиями. Торговцы помельче ведут торговлю прямо на улицах. Весь «магазин» мелкого торговца обычно умещается на широком прилавке, возле которого на скамеечке примостился и сам хозяин. По улицам проходят своеобразные коробейники, ведущие торговлю вразнос. Витриной и прилавком у них служат переносные щиты, к которым прикреплены темные очки, авторучки, зажигалки и разные блестящие безделушки. Часть торговцев промышляет перепродажей сигарет, шариковых ручек, жевательной резинки, открыток.

Центр торговой жизни Бамако — «Гран марше», большой крытый рынок, около которого перекрещиваются потоки людей и машин. Все стены этого сооружения увешаны тканями ярких расцветок, кружевами, платками, бубу. На многих тканях изображены африканские лидеры.

Солнце стояло почти в зените, и мне пришлось зайти под черепичную крышу рынка. Здесь наряду с фабричными товарами продаются изделия местных ремесленников — муке, гефан, бубу всевозможных размеров и расцветок, замки для велосипедов. Меня привлекают светло-алые и бледно-желтые орехи кола — распространенное тонизирующее средство. Часть их разложена на лотках, но основная масса хранится в устланных влажными листьями мешках и корзинах. Пробую купленный орех: он чуть горьковат.

Через поперечные проходы полутемного лабиринта попадаю во внутреннюю часть «Гран марше». Здесь

расположились продавцы раковин каури, привезенных с берегов Индийского океана. Теперь эти белые раковины величиной с небольшой желудь идут на украшение масок и праздничных причесок девочек. А раньше они служили деньгами.

Кроме каури здесь много любопытных предметов: тяжелые железные перстни и браслеты, пики и стрелы, бронзовые колокольчики, которыми пользуются во время танцев, старинные французские серебряные монеты, арабские книги, путеводители по Судану времен колониализма, всевозможные бусы и ожерелья из жемчуга.

В уголке примостились молчаливые продавцы высушенных на солнце голов обезьян и варанов, отрубленных обезьяньих лап, зубов каких-то животных и другого таинственного товара. Мне не удалось узнать точное назначение этих магических предметов. В ответ на мой вопрос продавцы молча пожимали плечами или вообще смотрели мимо меня. Но главный предмет продажи в этой части рынка — недорогие блестящие украшения, к которым, как и к яркой одежде, африканцы имеют большое пристрастие.

На деревянных лавках лежат пудовые бруски темно-серой соли из Тауденни. Более чистая соль истолчена и расфасована. Прежде Западная Африка испытывала большой дефицит в соли, и она была главным предметом торговли. Чтобы показать, как человек богат, говорили: «Он ест с солью». И теперь еще цена килограмма соли равна стоимости трех килограммов проса или бананов.

Здесь же продаются трех- четырехметровые питоньи шкуры, огромные мешки зеленого африканского табака *сирамугу*, который не курят, а кладут за щеку.

Рядом на лавке сидит босоногая девочка, перед которой лежит какой-то товар, завернутый в зеленые листья, перевязанные мочалом. Под листьями видна беловатая твердая масса. Это масло из плодов дерева карите.

С интересом разглядываю африканскую посуду — *калебасы*, вмещающие от нескольких литров до нескольких ведер. Эти «ведра» делают из огромных калевасных тыкв. На корню вырастают и ложки *галама* размером с небольшой черпачок. Их получают, разрезая пополам особый сорт тыквы. Некоторые галама

предназначены для декоративных украшений и расписаны змеями и крокодилами.

Внутренний двор рынка — большая бетонированная площадка, заставленная калебасами с толченой маниокой, просом, фонио, рисом. Кучки копченой рыбы лежат прямо на земле. Вот возвышаются пирамидки легких шариков. Это галеты. Белые галеты сделаны из толченой маниоки, желтые — из маиса, черные — из арахиса. Здесь продается самодельное мыло, множество корней, трав, порошков, ягод. При сжигании темно-серых корешков *гуэни* распространяется аромат, напоминающий запах духов. Из твердых бобов растения *мороморо* женщины делают пояса, придающие приятный запах коже. Вот корень *гасэ*, который жуют. Связки травы *конго-лили* кипятят в воде и получают напиток вроде чая, который улучшает пищеварение. Красные зерна *дья-фране* суеверные африканцы сажают вокруг дома, чтобы изгнать дьявола.

На улицах города предлагают связки палочек лопфы, которые малийцы употребляют вместо зубных щеток.

Я обратил внимание, что одни товары продают только мужчины, другие — женщины. Я ни разу не встретил на рынках Мали женщин, торгующих птицей, скотом, мясом, тканями, обувью, галантереей, орехами кола. И наоборот, не увидишь мужчину, продающего свежую рыбу, муку, местное лакомство — подсоленный жареный арахис, продукты огородничества и садоводства, плоды диких растений саванны, которые собирают женщины.

«Марше де легюм» — Овощной базар — расположен возле «Гран марше». Мои коллеги повезли меня туда вскоре после моего приезда в Бамако. Впоследствии мне приходилось бывать там часто, но первое впечатление осталось самым сильным. Не успел наш «Москвич» остановиться, как к машине бросилось человек восемь подростков лет двенадцати-четырнадцати, размахивавших картонными коробками. Они стали открывать дверцы машины, хватили нас за руки. Каждый старался изо всех сил обратить на себя внимание. Так я познакомился с «боями» — неотъемлемой принадлежностью овощного рынка. За небольшую плату они носили на голове по базару картонки с покупками. Когда подходящих клиентов не было, бои торговали марками.

Продащица масла карите

Бои предлагали свои услуги лишь европейцам. Причем они знали не только всех европейцев и их машины, но и то, какое вознаграждение можно ждать от каждого. Наша машина всегда встречалась с энтузиазмом.

Бои не могли равнодушно смотреть, если европеец сам нес по базару сумку. И вежливо и невежливо они старались заполучить ее в свои руки или, еще лучше, заменить своей картонкой. Чтобы избавиться от нескольких пристающих боев, надо было сразу взять одного.

Овощной базар, расположенный под высоким железным навесом, издали напоминает огромный улей. Здесь, как и на других африканских базарах, всегда царят шум и оживление. Десятки торговых, окруженных горами бананов, ананасов, помидоров, апельсинов, арбу-

зов, кокосовых орехов, крупного нежного салата, напёрбой зазывают покупателей.

Благодаря нелегкому труду огородников здесь круглый год можно купить любые овощи и фрукты. Но под тропическим солнцем они быстро портятся. Бананы, помидоры, манго гниют, апельсины и кокосовые орехи высушаются. Поэтому главная забота торговков — как можно скорее продать свой товар.

Стоит европейцу показаться возле овощного базара, как он сразу же подвергается атакам молодых торговков. Поднимается страшный шум, торговки протягивают свои подносы, заискивающе заглядывают в глаза покупателю. Если у вас в руках сумка и вы не проявите должной твердости, в нее пересыплют все, что есть на подносах.

Под навесом сидят пожилые дородные матроны. Они менее назойливы, но и менее склонны уступать в цене. Они не снижают цену, даже если часть загнивших фруктов приходится выбрасывать.

Торговцы фруктами награждают вас подарком, добавкой к купленному, особенно если вы берете много. Это обычай африканской торговли и, вероятно, способ обеспечить постоянную клиентуру. У торговцев существуют двойные цены: более высокие для европейцев, более низкие для местных жителей.

Часть овощного рынка занята мясными и рыбными рядами. Тут можно купить знаменитого нильского окуня — «капитэна», лучшую рыбу Нигера. Его вес достигает иногда нескольких десятков килограммов, а мясо очень вкусное. Продают и рыбу-собаку с мощными челюстями, способную перекусить металлическую рыболовную снасть.

Торговля на многих малийских базарах ведется почти круглосуточно. Во время полуденного зноя торговцы сидят под плетеными щитами из слоновой травы, установленными на подпорках, или дремлют на циновках в тени деревьев. С наступлением темноты в торговых рядах зажигаются керосиновые фонари или свечи. Малийский торговец даже глубокой ночью ждет покупателя.

Торговок фруктами в Бамако можно увидеть в тени каждого дерева. Многие торгуют вразнос, обходя квартиры европейцев и зажиточных малийцев. Некоторых из них сопровождает бой с тяжелым тазом фрук-

тов и овощей на голове. Матери приучают к торговле девочек с раннего детства. Из-за этого многие из них не посещают школу. Мать закупает на рынке оптом бананы, апельсины, арахис, а их розничная распродажа поручается девочкам шести-десяти лет, порой едва умеющим считать. Они располагаются возле учебных заведений, заходят в виллы, занимаемые европейцами. Почти у каждой из них есть своя клиентура. Малолетние торговки появились и у нас. Причем если мать поручила им продать два десятка бананов за сто франков, то далеко не всегда они были согласны уступить десяток бананов за пятьдесят франков.

На малийских рынках множество всевозможных посредников и перекупщиков. Ходовые товары, которые появляются в магазинах, моментально скупаются и тут же перепродаются по новым ценам. Как ни странно, мне ни разу не приходилось слышать, чтобы малийцы возмущались посреднической торговлей.

Выручка мелких торговцев мизерна, и я долго не мог понять, как они сводят концы с концами, продавая дюжину пачек сигарет или пакетиков с ландринном. Секрет я узнал только весной, когда начались первые дожди. В это время недели на две исчезли многие знакомые торговцы. По возвращении они рассказали, что в саванне у них есть поля, урожай с которых служит подспорьем семье.

На тротуарах вокруг «Гран марше» стрекочут швейные машинки портных. Они работают под открытым небом. Тут же вывешены для продажи брюки, шорты, рубашки. В течение двух-трех дней вам могут выполнить любой заказ. Шьют эти портные, правда, неважно, большинство из них — самоучки. Один из портных, Абдуллай Диалло, — мой знакомый. Его мастерская, открытая солнцу и всем ветрам, состоит из двух табуреток, скамейки и машинки-кормилицы. Абдуллаю лет двадцать пять. Он холост, живет с матерью и сестрами.

— Почему ты не женат? — спрашиваю я его.

— На женитьбу еще не заработал денег.

Абдуллай с завистью говорит о портных, работающих в отдельных помещениях, над которыми висит вывеска «Дипломированный портной». Плата за пошив там в два-три раза выше. Абдуллай мечтает поучиться

портняжному мастерству во Франции, да нет денег на поездку.

Возле рынков и магазинов стоит множество велосипедов и мопедов. Некоторые предназначены для продажи. На других приехали сотни торговцев и покупателей. На перекрестках Бамако в тени деревьев десятки «ремонтных мастерских», где вам быстро подтянут цепь, заклеют камеру. Механик по мопедам и велосипедам, вероятно, самая распространенная техническая специальность в стране.

На окраине города работают кузнецы. Они изготавливают на продажу мотыги, топоры, ножи, железные крашенные сундуки и жаровни. До недавнего прошлого доля ремесленного производства в валовом продукте в пять раз превышала долю местной промышленности.

Малийский купец любит поторговаться. Не моргнув глазом он называет вначале баснословную цену. Дальнейшее зависит от вашего опыта и терпения. Фантастической игрой цен особенно славятся торговцы произведениями искусства — масками, статуэтками, изделиями из крокодиловой кожи, маленькими препарированными крокодильчиками. Двери их лавок, сосредоточенных вокруг «Прентаньи», всегда распахнуты, изделия выставлены напоказ. Покупка тут любой вещи — своеобразный психологический поединок.

В лавку торговец приглашает вас почти спокойно: — Зайди, только посмотри!

Но это западня. Торговец прекрасно знает, какое действие оказывает его товар на европейца. Произведения малийского ремесленного искусства на самом деле прекрасны и разнообразны. Раз увиденные чудовищные маски и великолепные статуэтки из эбенового и красного дерева долго не дают вам покоя, будоражат воображение. Торговец вначале не торопит, он издали наблюдает за вами. Но вот вы снова подходите к понравившейся диковинной маске: гневное широконосое лицо, открытый толстогубый рот. А на голове маски — три обезьяны. Одна из них лапами зажала рот, вторая — уши, третья закрыла глаза. Они изображают свадебный совет: ничего не говорить, ничего не слышать, ничего не видеть.

Вы берете маску в руки, любуетесь ею, прикидываете, где ее можно будет повесить дома. Торговец в

это время безошибочно читает ваши мысли, но молчит. Безразличным голосом спрашиваю цену. Поединок начался. Следует первый, давно подготовленный удар.

— Пятнадцать тысяч! — твердым голосом говорит торговец.

Если у вас есть опыт, вы знаете, что маска стоит от силы тысячи три-четыре. Потрясенный, я ставлю маску на место. Но не тут-то было. Торговец теперь уже возле меня. Он хватает маску и сует ее мне в руки.

— Ну, сколько, сколько? — кричит он.

Маска снова у меня.

— Четыре тысячи, — говорю я и ставлю маску на прилавок.

— Четырнадцать с половиной!

Маска опять оказывается у меня в руках.

— Четыре тысячи, — как можно спокойнее повторяю я и протягиваю маску.

Торговец убирает руки.

— Четырнадцать! — кричит он распаляясь. — Смотри, это же старая маска! — Он показывает изъеденное термитами дерево.

Так повторяется несколько раз. Пора пустить в ход главное оружие.

— Таковую же маску я купил вчера на соседней улице за четыре тысячи, — говорю я.

Торговец подсакивает, как ужаленный.

— Где? Это была не такая маска! Я дам тебе четыре тысячи, купи мне такую маску!

Лицо торговца становится злым. Он смотрит на меня, как на последнего бедняка с пустым кошельком, который осмелился его побеспокоить. Но я чувствую, что уверенность его поколеблена. Однако так быстро он не уступит.

За поединком молча наблюдают еще два торговца. Втроем они арендуют помещение лавки. Подхожу к прилавку одного из них. Он молча смахивает с фигур опилки и пыль. Я его старый клиент. Выбираю деревянную фигуру догона с поднятыми вверх руками. Быстро договариваемся о цене. Когда я расплачиваюсь, остальные торговцы не спускают глаз с моего кошелька. Теперь уже третий из них приглашает меня к своему прилавку. Я выхожу из лавки, когда сзади раздается голос:

— Мосье, подожди! — Первый торговец протягивает мне маску.

— Четыре тысячи,— повторяю я.

— Давай деньги,— говорит он безразличным голосом.

Когда в лавке нет ничего интересного, я просто наблюдаю за работой торговцев.

— Что-нибудь из догонских изделий,— просит покупатель.

Тотчас же весь арсенал лавки становится догонским.

Ни один из встреченных мной торговцев не мог объяснить назначения той или иной ритуальной маски и, казалось, совершенно не интересовался этим.

Иногда я заглядывал в подсобные помещения лавки, где покрытые серым налетом в беспорядке хранились изделия из белого, красного или черного дерева. Всякий раз мне становилось не по себе от множества обступивших меня пыльных фигур. Здесь были маски — гневные, угрюмые, ехидные, сидели или стояли бесстрастные истуканы почти в рост человека. Казалось, что я попал в какой-то древний музей. Почти на всех фигурах и масках можно обнаружить сколы и трещины, дерево источено термитами.

Многие из этих экспонатов могли бы немало рассказать о людях и их вере в давние времена, о том, как деревенский кузнец, прежде чем приступить к изготовлению фигурки, тщательно выбирал дерево, приносил жертву, чтобы не разгневать духа леса, освящал инструмент, говел. Не так-то просто было сделать святыню анимистов или ритуальную маску, которые служили средством связи с таинственным миром духов, окружавших затерянную в саванне деревню.

Но наряду с действительно ценными старинными фигурками и масками в лавках торговцев множество изделий, сделанных для продажи. За последнее время резко возрос спрос на деревянную скульптуру со стороны иностранцев. Многие ремесленники специализируются на изготовлении женских и мужских бюстов, фигурок обезьян, игроков на тамтаме, женщин с ребенком за спиной, антилоп с теленком и т. д. К сожалению, работа на рынок и приспособление к вкусам потребителей часто ведут к снижению художественной ценности и оригинальности изделий.

Старой деревянной скульптурой можно восхищаться до бесконечности.

И все же в лавках попадаетея немало интересных вещей. Но их символический смысл известен только людям той общины, где они были созданы. К торговцам они попали оптом, и те в лучшем случае могут назвать лишь народность, которой принадлежит та или иная статуэтка или маска. Распад родовой общины, исчезновение древних религиозных обрядов и церемоний приводят к тому, что маски и статуэтки теряют прежнее культовое значение и перекачевывают в лавки торговцев.

С первого взгляда африканская традиционная скульптура вызывает недоумение. В ней сознательно нарушается привычное соотношение размеров: головы, туловища, ног. Особенно тщательно обрабатывается голова. На фигурке всегда передается татуировка, обозначающая племенную принадлежность. Ноги изображаются в виде двух коротких обручков. На туловище намечены половые органы и пупок.

Каждый из народов Мали имеет свой стиль резьбы по дереву. Этим объясняется большое многообразие скульптур и масок. Скульптуры догонов представляют собой один из самых древних образцов африканского искусства. Статуэтки часто располагаются парами одна над другой на одном и том же основании. Встречаются деревянные замки и доски от деревянных дверей догонских хижин, сплошь покрытые рядами стилизованных резных фигур. В одной лавке мне попала деревянная трость с резной рукояткой. По преданию, предки догонов достали такой тростью кусочек солнца, чтобы разжечь необходимый для кузнецов огонь.

Я видел статуэтки, изображающие предков бамбара играющими на тамтаме, разнообразные маски для обрядов и танцев, огромные табакерки в виде горшка на четырех ножках с крышкой, на которой установлена табакерка поменьше. Мировую известность имеет стилизованная деревянная антилопа с откинутыми назад необычайно длинными рогами, непомерно большой по сравнению с туловищем головой и длинным свернутым в кольцо хвостом. Это символ плодородия и старая эмблема народа бамбара. По преданию, творец мира Пемба послал эту антилопу, чтобы научить бамбара возделывать зерновые культуры.

БУДНИ В БАМАКО

Дом служащих

Приближалось начало моих лекций в Высшей административной школе, а я все еще жил в мотеле, в четырех километрах от школы. Добираться туда было очень неудобно. Я уже обращался к администрации школы с просьбой помочь мне переселиться поближе к месту работы, но определенного ответа не получил.

И вот я снова у директора по учебной работе. Сайси Фохана — высокий малиец в коричневом бубу — выслушивает меня молча и поручает секретарю школы Сумано, симпатичному молодому человеку, заняться моим переселением. В моем присутствии Сумано улаживает этот вопрос. Завтра я могу прийти за «боном» — разрешением на поселение.

На следующий день я разыскиваю «Бюро де лужман» — Жилищное управление Бамако. Найти его не просто, так как вывески здесь нет, как, впрочем, и на многих других учреждениях. В Жилищном бюро уже очередь: французы, малийские служащие, советские специалисты ждут приема у шефа бюро господина Минту. Проблема обеспечения иностранных специалистов жильем в Мали очень острая. Жилищное бюро арендует у частных домовладельцев виллы. Многие государственные служащие сдают свои виллы в аренду, неплохо зарабатывая на этом.

Господин Минту поручает своему заместителю показать мне мое новое жилье. Такси останавливается возле красивого трехэтажного каменного дома с необычной архитектурой. Его лестницы находятся снаружи здания. Это Дом служащих. Построен он еще во времена колониализма. Здесь живут иностранные специалисты. Моя квартира на втором этаже. Мне очень

нравятся просторная комната метров двадцати пяти и выходящая на юг веранда. Вместо стекол на всех окнах натянута частая металлическая сетка от комаров и москитов. Отсюда до школы всего десять минут ходьбы, а в трехстах метрах от дома начинается саванна.

Моя первая ночь в новом доме прошла не совсем спокойно. Надоедали соскучившиеся по человеку комары, громко бились о металлическую сетку какие-то летучие кузнечики. А под утро ночную тишину разорвал повелительный рык льва. «Неужели львы так близко подходят к городу?» — подумал я, невольно оценивая крепость двери. На следующий день выяснилось, что недалеко от дома находится зоопарк, где звери живут почти в естественных условиях в огороженной части саванны.

После семи утра улицы города начали оживать. Дом служащих расположен рядом с женским лицеем. Сегодня понедельник, и главы семей подвозят на автомобилях своих молодых жен и дочерей, которые провели воскресенье дома. С узелками в руках тонкие и подтянутые ученицы не спеша идут в ворота лицея.

Собираются бои, работающие в Доме служащих. Они моют машины, прогуливают собак. Один из боев — невысокий старик — встает на колени посреди двора и начинает молиться. Мальчик лет четырнадцати выводит на прогулку девочку-мулатку от смешанного брака африканца и француженки. Говорят, африканцы — лучшие няньки. Заметив меня, бой предлагает марки. Из соседнего двора приходят ребятишки лет пяти-шести и начинают кланчить деньги. Появляется торговец с мешком.

— Отличные лягушки, мосье!

— Ну нет, лягушек я не ем!

В доме живет много французов, и покупатель вскоре находится. Торговец усаживается во дворе и начинает свежевать свой товар.

Около восьми утра обитатели дома уезжают на работу. Возвращаются они в полдень. Пока их нет, бои убирают квартиры, стирают белье, готовят обед. Они громко и весело переговариваются между собой, иногда величая друг друга полковниками. Они неплохо говорят по-французски: многие служили во французской армии.

*Административная школа.
Мои студенты и коллеги*

Высшая административная школа расположена возле высокого красного обрыва у подножия Кулубы. Это красивое двухэтажное здание из стекла и бетона, построенное Советским Союзом в дар Республике Мали. Школа имеет вид замкнутого четырехугольника с зеленым двором посередине и вместительным водоемом. Здесь есть актовый зал на двести пятьдесят мест, библиотека. Школа — первое высшее учебное заведение в республике. Она готовит экономистов, финансистов, администраторов, юристов, дипломатов.

В Административной школе два директора — генеральный директор и директор по учебной работе. До моего приезда, хотя школа функционировала уже четвертый год, пост директора по учебной работе занимал француз, господин Вене, преподававший всеобщую историю. Только с этого учебного года директором по учебной работе стал малиец Сайон Фофана, географ по специальности, окончивший педагогический институт во Франции. В школе работало человек двенадцать французов, столько же малийцев и два советских преподавателя — экономист и философ. Я стал третьим.

В школе трехлетнее обучение. Набор в нее производится путем конкурсных экзаменов. По степени подготовки все студенты разделены на два потока, или цикла. Студенты цикла «А» — наиболее подготовленные, закончившие полный курс двенадцатилетнего лица и получившие диплом бакалавра. Они уже могут работать учителями начальной школы. Цикл «Б» объединяет тех, кто окончил девять классов лица. Некоторые студенты пришли в школу с практической работы. Женское образование в стране развито слабо, поэтому женщин в школе немного — процентов 10—15, большая часть из них замужем.

Система обучения в школе французская. Учебный год делится на три триместра. В конце каждого триместра проводится письменный экзамен. Чтобы перейти на следующий курс, студент должен набрать определенную сумму баллов. На выпускном курсе студенты проходят практику в государственных учреждениях

и пишут дипломную работу. Сочинения оцениваются по двадцатибалльной системе. Преподаватель должен не только поставить оценку, но и дать подробную письменную рецензию с разбором достоинств и недостатков экзаменационной работы, включая грамматические и стилистические ошибки. При определении проходного балла низкие оценки по одним предметам компенсируются более высокими оценками по другим. Забегая вперед могу сказать, что после первых же моих оценок в аудитории развернулись дебаты, шумели те, кто считал, что его сочинение заслуживает более высокого балла. Тут я заметил быструю обидчивость африканцев. Приходилось аргументировать каждую оценку.

Довольно часто в школе были публичные лекции государственных деятелей, представителей ведомств, зарубежных гостей. Сам доклад продолжался не более часа, но ответы на вопросы, выступления и жаркие споры затягивались еще на три-четыре часа. Зал не мог вместить всех пришедших на лекцию, так что часть слушателей располагалась снаружи, следя за дискуссией по радиотрансляции.

Главной темой большинства докладов были положение финансов, сельского хозяйства, внешняя задолженность страны, работа первых государственных предприятий. Когда была пущена сигаретная фабрика, ораторы обращались к публике с вопросом:

— Покажите, какие сигареты вы курите?

В воздух поднимались сигареты отечественной марки. Все присутствующие считали своим долгом курить сигареты национального производства, тем более что «свои» сигареты раза в три дешевле импортных.

Сегодня моя первая лекция. Фофана представляет меня студентам и уходит. В аудитории главным образом мужчины. Сосредоточенные лица, сдержанность, ожидание. На мое приветствие по-французски и на бамбара несколько человек робко пытаются ответить по-русски. В лицее они изучали русский язык, но, конечно, у них не было практики.

Представляю и кратко рассказываю о структуре и порядке изучения курса, даю план лекции и начинаю излагать ее содержание. Студенты внимательно слушают, пишут. Рабочая обстановка меня успокаивает, и в глубине души я даже недоволен таким спо-

койствием аудитории. В конце лекции прошу задавать мне вопросы. Моментально треть аудитории взрывается. Речь быстрая, темпераментная, с акцентом. Большая часть вопросов с темой лекции не связана.

У африканцев своеобразная манера задавать вопросы. Вначале две-три минуты они развивают свою мысль и лишь в конце делается короткое резюме, содержащее вопрос. Некоторые вопросы задаются явно с подвохом. Это закономерно. Молодежь развивающихся стран испытывает самое разное идеологическое воздействие. Буржуазная пропаганда не жалеет усилий, чтобы привить молодым африканцам свои взгляды, и студенты были не прочь со мной подискутировать.

К тому же они очень мало знают о нашей стране, и их интересуют многие стороны нашей жизни: и система социального и пенсионного обеспечения, и уровень зарплаты, и условия жизни в колхозах, и покупательная способность населения, и правила распределения молодых специалистов, и помощь борющемуся Вьетнаму. Несколько раз студентка Маладо Сидибэ принимается расспрашивать меня, почему у советских мусульман нет многоженства. Полигамия в Мали довольно распространена, и девушка хотела знать, как этот вопрос был разрешен у нас.

Мои студенты — выходцы из разных социальных слоев: из семей торговцев, скотовладельцев, государственных служащих, крестьян. Одни приезжают на собственных машинах, другие ежедневно вышагивают многие километры пешком. Каждый студент получает стипендию, которая выше заработка квалифицированного рабочего. Те, кто победнее, на стипендию питаются, покупают одежду и книги (а книги в Мали необычайно дороги), снимают комнату. Некоторую часть стипендии отсылают родственникам.

Первое время я чувствовал, что студенты присматриваются ко мне, больше слушают, чем говорят. Мне же хотелось как можно скорее разобраться в новой обстановке, понять интересы окружающих меня людей. Мне удалось пайти несколько книг французских этнографов, посвященных религии и быту отдельных народов Мали. Но книги были написаны во времена колониализма, а с завоеванием независимости старина на-

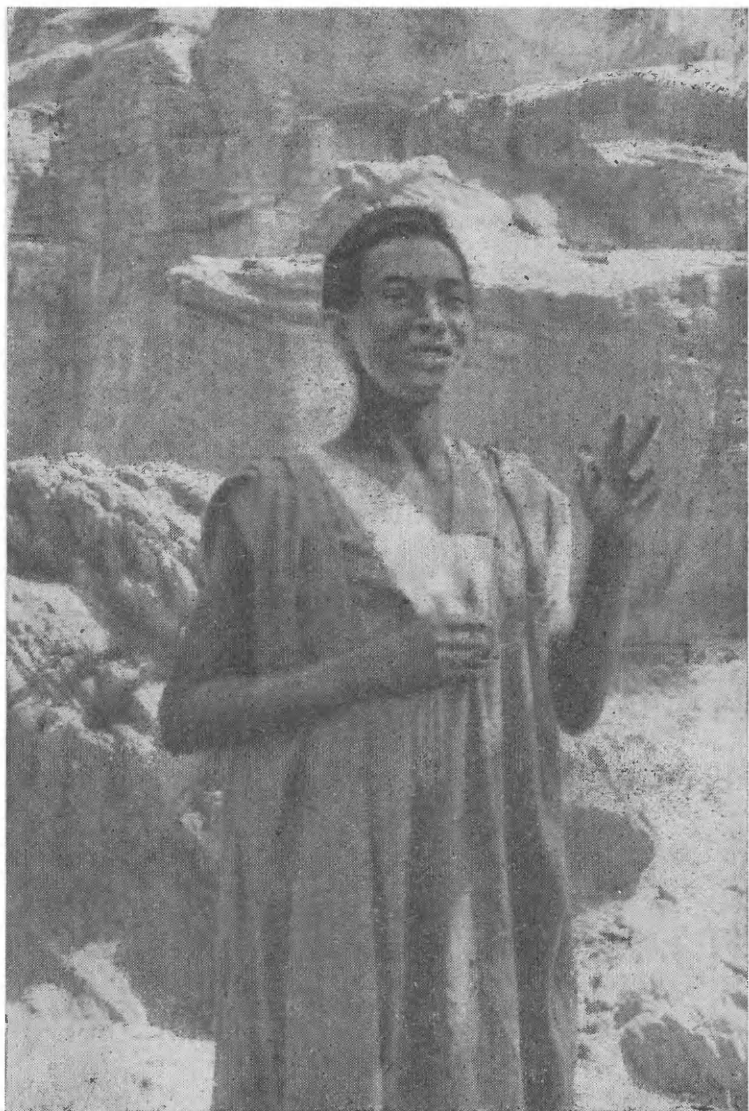
чала быстро уступать место новым веяниям. На многие мои вопросы могли ответить только живые люди. Но захотят ли они со мной — иностранцем — быть достаточно откровенными? Не усмотрят ли в моем любопытстве посягательство на свое национальное достоинство? Ведь малийцы знают, что в некоторых европейских изданиях их жизнь изображалась в искаженном виде, и очень болезненно реагируют на неосторожные расспросы.

Мне так и не удалось приобрести никакой литературы по экономике Мали, не считая нескольких статистических ежегодников, которые я нашел в Торговой палате. Такая литература была мне крайне нужна, так как после первых же семинаров я почувствовал, что студенты весьма слабо знают экономику страны. Это было на выпускном курсе. Я стал просить Фофану организовать чтение курса лекций по национальной экономике силами малийских преподавателей. Первоначально этот курс был записан за мной, но читать я его не мог, поскольку не располагал необходимыми материалами и сам только что начал знакомиться со страной.

Вскоре у меня появился стажер Камара Каба — работник министерства планирования, который приступил к созданию такого курса. Трудности у него были немалые. На следующий год этот курс закрепился за Фунеке Кейта, начальником отдела министерства планирования, получившим образование в Советском Союзе.

Студентов волновали пути развития производительных сил страны. На семинарах по переходному периоду в СССР у них почти всегда вставал вопрос о Мали: о социальной структуре, сельском хозяйстве, путях и возможностях индустриализации, культурной революции, накоплении национального капитала и иностранной помощи, роли финансов в развитии экономики. Что делать дальше? С чего начать, чтобы поднять жизненный уровень народа, его культуру?

Семинары проходили бурно. Первое время, особенно в больших группах цикла «Б», семинар становился почти неуправляемым. Каждый высказывал свою точку зрения, настаивал на ней, горячился, не слушал, что говорили другие. Страсти разгорались так, что мы

*Мой студент Умар Касоге рассказал немало
интересного о догонах*

мешали занимающимся в соседних аудиториях. Мои замечания о том, что семинар превращается в «Гран марше», не достигали цели. Однажды, услышав шум в аудитории, к нам пришел встревоженный Фофана, чтобы узнать, что происходит.

Студенческие споры по, казалось бы, ясным вопросам объяснялись опять же отсутствием соответствующей литературы по социально-экономическим проблемам Мали. В учебниках по истории Мали, написанных французскими авторами и изданных во Франции, много говорилось о средневековых империях Западной Африки и почти ничего о колониализме.

Довольно часто ко мне приходили студенты. Одни — за тем, чтобы выбрать что-нибудь из литературы, другие — просто посмотреть, как живет советский преподаватель. Мои гости не отказывались познакомиться с русской кухней. Жена угощала студентов пловом, и они считали, что он похож на их национальное блюдо *кус-кус*. Правда, перцу было маловато. Некоторые хотели узнать, как пахнет русская водка, но дальше простого любопытства шли немногие. Ислам запрещает употреблять спиртные напитки.

Интересным собеседником был Саму Кулибали — двадцатисемилетний студент. Он снабжал меня материалами об обычном праве африканцев, довольно часто просил книги, в которых рассказывалось о первых шагах Советской власти, о том, как молодая Советская Республика находила в себе силы преодолевать многочисленные трудности. Его интересовал вопрос о соотношении гуманитарного и технического образования в СССР. При колониализме в Мали преобладало общее среднее образование.

— Теперь, — говорит Саму, — необходимо, чтобы грамотные люди все больше участвовали в производительном труде, отдавали свои силы и знания экономическому развитию страны.

С каждой встречей я узнавал что-то новое о своих студентах. Саму Кулибали был сторонник теории негритюда. Как-то он сказал, что европейцу никогда не понять африканца. В его представлении белый человек был индивидуалистом, рационалистом, использующим технику для достижения материальных благ. Африканцам, по мнению Саму, наоборот, более свойст-

венно чувство коллективизма, взаимопомощи, заботы о ближнем. На мои возражения о том, что в Бамако я не вижу равенства среди африканцев, он отвечал, что это влияние Запада. Саму — бамбара и немало мог рассказать о религии этого народа. Он принял ислам, но знал много интересного и о прежних верованиях. Как-то я попросил его рассказать о духах-покровителях его рода.

— Вы европеец, вам нельзя их знать, — отвечает Саму, хитро сверкнув глазами.

— Но ведь о религии бамбара написаны толстые книги. Откуда же узнали французы об этих богах?

— От своих поваров, — недовольно морщится Саму.

Частым гостем у меня был невысокий, хрупкого вида юноша Умар Касоге, происходивший из догонов. От него я услышал немало о жизни и быте этого удивительного африканского народа. Под влиянием рассказов Умара я совершил два путешествия в страну догонов, оставивших неизгладимые впечатления.

Красивый, стройный, деликатный, постоянно улыбающийся Мамаду Диаби Сангаре, фульбе по национальности, рассказывал мне о быте кочевников-скотоводов в Масине — области, где живет большая часть фульбе в Мали. Он говсрит, что многие представители африканской интеллигенции являются выходцами из бедных семей. В период колониализма в деревню периодически приходили приказы французского коменданта о посылке нескольких мальчиков в школу. Жалея своих детей, деревенская верхушка нередко отправляла учиться детей бедных крестьян. Кроме того, человек, посланный в город на учебу, считался потерянным для семьи. Получив образование, он становился чиновником, материально возвышался над родственниками, презрительно относился к физическому труду.

Раза два в год студенческая общественность школы вручала преподавателям пригласительные билеты на балы. Балы были излюбленным развлечением в учебных заведениях Бамако. Красочные объявления о них расклеиваются на деревьях вдоль главных улиц. Один-два бала в год бывают и в Административной школе. Танцевальной площадкой служит вестибюль школы, залитый электрическим светом. Играет джаз. Женщины

одеты в праздничные национальные одежды или в светлые короткие европейские платья. На мужчинах — белоснежные нейлоновые рубашки, черные европейские костюмы, галстуки, блестящие черные ботинки Бубу не видно ни одного. В перерыве между танцами можно посидеть за столиками. Европейцам подают виски со льдом. Малийцы пьют холодный крушон.

Многих своих студентов я не вижу. Посещение бала — дорогое удовольствие: билет стоит столько же, сколько получает за два дня квалифицированный рабочий.

Иногда французы, с которыми мне приходилось сталкиваться в Мали, узнав, что я преподаватель, при первом же знакомстве спрашивали: «Ну как ваши студенты?» Они обычно подчеркивали, что уровень подготовки и способностей африканских учащихся ниже, чем европейских. Теперь африканцы сами начали управлять государством, предприятиями, финансами, торговлей — те африканцы, которым столько лет не доверяли, которым поручались лишь третьи роли в управлении. Конечно, в любой стране умение управлять народным хозяйством рождается не сразу. Немало ошибок и у африканцев. Но именно этого неумения, именно этих ошибок, казалось, и ждали многие из бывших «просвещенных» хозяев, которые не сомневались, что все хорошее, что создано в Африке, держится на их присутствии, чтобы саркастически улыбнуться и заявить о неспособности африканцев, чтобы вспомнить старую теорию о «больших детях».

С одним из приверженцев такой теории я столкнулся вскоре по приезде в Мали. Раз за завтраком в мотеле моим соседом по столу оказался словоохотливый толстяк лет пятидесяти. Это был заместитель директора крупной французской фирмы, занимавшейся перевозкой грузов из Дакара в Бамако. После завтрака мы вышли во двор мотеля. Последовал традиционный вопрос о моих студентах. Я ответил, что пока их не знаю. Собеседник помолчал, задумчиво посмотрел на работавших во дворе боев-садовников, которые весело и громко переговаривались, и с грустью сказал: «Наши большие дети».

Я не согласился с такой характеристикой африканцев и возразил, что если бы этим людям с юных лет

создать такие же условия, в каких растет молодое поколение, скажем, во Франции, то неизвестно, в ком осталось бы больше детства: к моменту завоевания независимости из каждых ста малийских детей школьного возраста обучалось только девять. Расстояние между школами в сельской местности было 70—80 километров.

Я стремился к беседам с малийскими и французскими преподавателями, особенно теми, кто давно работал в стране. Первым моим собеседником стал известный малийский историк Мамби Сидибэ, работавший в школе. Я сразу же обратил внимание на невысокого сухощавого человека, одетого даже в жару в темное бубу из толстой материи и в блестящую шапочку, похожую на корону. Ходил он не спеша и, казалось, с некоторым трудом. На педагогических советах молодые руководители школы всякий раз выказывали ему подчеркнутое уважение, называя старейшиной и как будто прося извинения, что не он — старший, а они — младшие — открывают собрание. Мамби улыбался в ответ и воспринимал эти знаки почтения как должное. Хотя ему было 73 года, он работал начальником отдела министерства информации. Дважды в неделю можно было слышать по радио неторопливую беседу Мамби Сидибэ о прошлом и настоящем в тех или иных областях жизни Мали. Основной упор делался на происшедшие перемены.

Мамби оказался простым общительным человеком и хорошим рассказчиком. Местом наших встреч обычно было министерство информации, где я к тому же мог почитать выходящий нерегулярно журнал «Мали». Несмотря на свой преклонный возраст, Мамби не упускал случая поехать по стране. От него я услышал немало интересного о географии отдельных районов Мали, о старинных обычаях сватовства, о его собственной жизни.

Я побывал в Национальном архиве страны, который находится в небольшом здании на Кулубе. Здесь много интересных рукописных материалов о периоде колониальных завоеваний Судана: донесения командиров воинских частей о ходе завоевания, о карательных экспедициях против отдельных деревень и местных вождей. Но архив этот пока не разобран и хранится

недостаточно хорошо. Национальный музей в Бамако по существу еще только создается.

Я обратил внимание, что учащиеся больше читают свои записи в тетрадях, чем книги. Многие мои студенты, особенно цикла «Б», даже при наличии учебников хотели подробно записать лекцию и обижались, если я давал материал слишком быстро. Условий для занятий дома у большинства из них не было. Библиотека школы работала только в часы занятий, книги на дом не выдавались. Студенты занимались в библиотеке лишь накануне экзаменов и при написании дипломных работ. Надо сказать, что библиотека школы комплектуется за счет литературы из разных стран. Здесь имеются книги, отражающие самые разнообразные взгляды. Причем книги из США и других капиталистических стран присылаются по почте без запроса школы.

В Бамако несколько книжных магазинов. Здесь продается учебная и общественно-политическая литература, но значительное место занимают иллюстрированные журналы с изображением кинозвезд и полицейские романы. Один из магазинов принадлежит евангелической миссии. Торговлю ведет здесь высокий, довольно молодой канадец, женатый на африканке. Он потратил пять лет на обращение в христианство малийских крестьян в глубине саванны. Я интересуюсь, как он доводит христианское учение до неграмотного населения. Он говорит: первое — это изучение местного языка (он хорошо владеет бамбара), второе — перевод с помощью французского алфавита христианской литературы на местный язык.

Следовательно, малийцу достаточно знать лишь французский алфавит, чтобы читать Священное писание на родном языке. Я спрашиваю, чем же еще кроме слова божьего миссионеры завоевывают авторитет у крестьян. Канадец говорит, что каждый миссионер получает хорошую медицинскую подготовку и занимается врачеванием.

В книжном магазине удобные кресла и стол, за которым двое обращенных в христианство молодых малийцев что-то читают. Посетителей в лавке нет, и словоохотливый миссионер готов говорить со мной сколько угодно. Иногда в лавку забегают двое его сыновей

со светло-оливковой кожей. На прощание канадец предлагает мне купить Библию на французском или русском языке.

Иностранцы в Мали

Первый год я был в Мали без семьи и сильно страдал от одиночества. Поэтому я старался как можно чаще бывать в клубе нашей колонии. По субботам и воскресеньям здесь работала библиотека, демонстрировались фильмы, происходили горячие сражения команд КВН, представлявших преподавателей, геологов, строителей, работников посольства, врачей. При клубе была создана столовая, которую обслуживали африканские повара. В воскресные дни организовывались поездки на водопад и в другие примечательные места в окрестностях Бамако. А в зимние каникулы преподаватели могли попутешествовать по стране.

И малийцы и иностранцы обращали внимание на то, как дружно живут советские люди. В нашем клубе я часто видел работавших в Мали болгар, поляков, немцев из ГДР.

За рубежом люди сближаются довольно быстро. Вскоре у меня появилось много знакомых. С одними связывала работа в Административной школе, с другими — интерес к быту малийцев, поездки по стране.

Особенно я сблизился с врачами — Станиславом и Майей Душейко. Станислав, эпидемиолог, работал в кишечно-бактериологической лаборатории, Майя — в поликлинике, обслуживавшей советских специалистов. У Станислава, возглавлявшего группу советских врачей, часто бывали его коллеги, приезжавшие из отдаленных районов страны.

Однажды я встретил у Душейко доктора Георгия Александровича Леонова. Он работал в маленьком городке Ниоро, на границе с Сахарой. Я слышал об этом чудесном докторе уже не раз. Теперь я рад, что мне довелось с ним познакомиться. Доктор — высокий, симпатичный. У него спокойный приятный взгляд, к такому человеку сразу проникаешься доверием.

Мне хочется побольше узнать о жизни и работе в отдаленном уголке Мали. Доктор рассказывает просто, только констатирует факты.

— Начало было трудным. До меня в Ниоро не было ни одного врача-европейца. Местные жители относились ко мне с недоверием, а знахари и «святые» не скрывали своей враждебности. Ведь я лечил бесплатно, значит, возникла конкуренция. Фельдшер передавал мне рассказы о могуществе знахарей и «святых», которые будто бы могли даже заставить рыбу выскочить из реки на берег.

Через месяц-два недоверие к «доктору Жоржу», как называли его малийцы, было поколеблено. В городке и деревнях у врача появилось немало друзей. Местные врачеватели сами стали лечиться у русского доктора. Слух о нем дошел даже до соседней Мавритании. И жители этой страны, нимало не заботясь о пограничных формальностях, стали направляться на исцеление в Ниоро.

— Условия работы в небольшой больнице Ниоро тяжелые. О кондиционере или даже вентиляторе нечего и мечтать, так как электричества в городе нет. Воду привозят за несколько километров. На всю больницу один, работающий на керосине холодильник, где хранятся медикаменты. С марта по июнь на город раз за два в неделю налетают пыльные бури. Чтобы сохранить воду и продукты, нужно тщательно их закрывать. На дверях и окнах висят плотные шторы, но все равно после каждой бури в больнице приходится все долго чистить и отмывать. Во дворе дома, где я живу, много скорпионов и фаланг. Скорпионы иногда забираются в комнату и прячутся под кровать. Как-то я обнаружил одного в своем ботинке. По вечерам на свет фонаря приползают фаланги. Когда я приехал, во дворе жила кобра. Хорошо, что поселился варан и выгнал ее.

Через год я еще раз встретился с Г. А. Леоновым накануне его возвращения на родину. Теперь сам доктор уезжал лечиться. Вновь мы заговорили о его деятельности в отдаленном районе.

— Я вижу, что мою работу ценят и малийская администрация округа и сами больные,— говорит Георгий Александрович.— Я делал что мог. Но все-таки я был единственным врачом, и мои возможности были ограничены. Там нужны десятки врачей и несколько больниц. Надеюсь, что труд мой будет продолжен.

Советские врачи пользовались большой популярностью в Мали. Поэтому к каждому из них ежедневно обращалось до сотни человек. И рабочий день их зачастую продолжался гораздо дольше положенного.

Пожалуй, самым большим отрядом среди советских специалистов были геологи. Именно советские геологи открыли запасы золота в Мединанди, имеющие промышленное значение. Директор педагогического института в Бадалабугу, малийский географ Бакари Камиан рассказывал мне, как он присутствовал при бурении скважин на воду в присахарских районах.

— В Мали много пастбищ,— говорит Камиан,— но они пересыхают из-за отсутствия воды. Возникает угроза скотоводству. Поэтому малийское правительство обратилось к геологам за помощью. Советские геологи доказали, что под необозримыми выжженными просторами Сахары плещется огромное море пресной воды. Если эту воду поднять на поверхность, то в пустыню вернется жизнь. Когда бур достиг значительной глубины, из земли ударил сильный фонтан пресной воды. Вокруг скважины быстро образовалось небольшое озеро. Вскоре появились кочевники со своими стадами. Воды было так много, что можно было не только напоить скот, но даже и выкупаться. Но кочевники, несмотря на уговоры, так и не последовали примеру геологов и малийских рабочих. Дефицит воды в Сахаре с детства воспитывает бережное к ней отношение. Не так-то легко туарегу решиться постирать свою одежду, когда к колодцу подходит требующее воды стадо. Немало надо потрудиться, чтобы с помощью кожного ведра и веревки напоить скот. И вот теперь советские геологи оборудуют скважины насосами с качалкой, приводимой в движение двумя верблюдами в упряжке.

Бескорыстие и благожелательность советских специалистов были широко известны среди малийцев. В профтехцентре работал мой знакомый, большой любитель фотографии и путешествий Михаил Елисеев. Центр профессионального образования, построенный в Бамако с помощью Советского Союза, был хорошо оснащен станочным оборудованием и напоминал небольшой механический завод. Здесь не только осуществлялась подготовка национальных кадров под руководст-

вои советских преподавателей и мастеров, но и изготовлялись простейшие сельскохозяйственные орудия по заказам государственных предприятий и частных лиц.

Однажды в моем присутствии ученики подвели к М. Елисееву пожилого малийца. Он просил сварить лопнувшую раму автомобиля. Возле цеха стоял потрепанный «ситроен», похожий на облезлую черепаху. Владелец, по его словам, получил отказ во всех частных мастерских Бамако. Михаил велит поставить автомобиль на яму, осматривает его и молча берется за работу. Когда машина была починена, владелец неуверенно спрашивает о цене. Услышав, что платы не нужно, малиец некоторое время недоумевает, затем трясет Мишину руку, что-то бормоча и поминая аллаха.

Работая в Административной школе, я был связан с преподавателями из разных стран. Недели через три после моего приезда Фофана пригласил нас к себе на день разговления. Это большой мусульманский праздник после сурового поста. Так как только центральные улицы Бамако имеют названия, мы боимся не найти дом Фофаны и поэтому просим его встретить нас в условленном месте. Теперь мы пробираемся на «Москвиче» за его «ситроеном» по немощеным, одинаковым на вид улицам африканских кварталов. Фофана живет в небольшой белой вилле с внутренним двориком. В холле уже много гостей, которые рассаживаются на стульях вдоль стен. Каждый вновь прибывший должен обойти всех по кругу и представиться. Моими соседями оказываются два француза — преподаватели Административной школы Аллэн Капиан и Франсуа Трикар.

С Капианом мы уже знакомы. Он преподает в школе планирование. Капиан «милитэр». Так называют французских специалистов, которые окончили высшие учебные заведения и должны были идти служить в армию, но вместо этого согласились работать в Африке. С Капианом мы впоследствии не раз встречались. И всегда он с энтузиазмом рассказывал о том, как все свободное время посвящает изучению этнографии Мали и сбору коллекции догонских фетишей.

Франсуа Трикар работает в Африке уже одиннадцатый год и хорошо знает местные обычаи.

Разговор среди гостей тянется вяло. Единственное

развлечение — разглядывание вновь прибывших. Поодиночке и парами входят малийцы, французы, группами появляются вьетнамцы, китайцы. Всего собирается человек тридцать.

Наконец Фофана приглашает всех во внутренний дворик, где хлопочут несколько поваров. Руководит ими жена Фофаны — Фанта. Фанта — высокая, тонкая, миловидная женщина — получила акушерское образование во Франции и работает в Медицинском училище, построенном Советским Союзом в дар Республике Мали. Открываются ворота, и четверо боев вносят на кольях двух целиком зажаренных баранов, которых кладут на стол. Время уже обеденное, и гостей упрашивать не приходится. Каждый отпиливает себе зубчатым ножом кусок немного недожаренного мяса. Тут же подают пиво, фрукты.

На приеме у Фофаны я познакомился с французскими коммунистками мадам Левин и ее подругой мадемуазель Пратт — географами по специальности. Мадам Левин было лет тридцать пять. Она окончила Сорбонну и хорошо говорила по-русски. В Африке она работала уже больше десяти лет, сначала в Сенегале, потом в Мали. В свободное время мадам Левин ездила по деревням, собирала для диссертации материал по сельскому хозяйству страны. Для того чтобы объясняться с крестьянами, она изучила язык бамбара на курсах, организованных американцами.

С мадам Левин и с мадемуазель Пратт мы стали обмениваться книгами. Они интересовались экономической географией СССР, я — всем, что могло расширить мои знания о Мали. У мадам Левин живой, общительный характер, среди ее многочисленных друзей немало прогрессивно настроенных французов.

В квартире мадам Левин я увидел двенадцатилетнюю африканскую девочку, которая называла ее мамой. Это была приемная дочь мадам Левин Мария-Луиза. Как-то мадам Левин рассказала историю девочки. В Сенегале Иоланта Левин вышла замуж за африканца, которого арестовали за политическую деятельность. Это было еще во времена колониализма. Однажды при посещении многодетной семьи брата мужа, у которого было несколько жен, одна из девочек потянулась к белой женщине и назвала ее мамой. При попытке Иолан-

ты уйти ребенок стал неистово кричать и звать её. «Мама, мама!» И вот Иоланта, получив согласие родителей девочки, взяла Марию-Луизу к себе. Теперь они разлучались лишь во время каникул, когда девочка уезжала в родную семью, а мадам Левин — во Францию, но в сентябре они снова встречались в Бамако.

Мадам Левин познакомила меня с несколькими французами, побывавшими в СССР в качестве туристов. Среди них были супруги Ноэль и Колеетт Тибо, которые изъявили желание изучать русский язык. Они были филологами и преподавали французский язык в лицеях. Мы договорились, что сорок минут говорим по-русски, сорок минут — по-французски. Год назад Тибо совершили поездку в Москву и Ленинград. Теперь они собирались посетить Сибирь и хотели бы поменьше прибегать к услугам переводчика.

Иногда я бывал у своих соседей Клода и Ани Лангуа. Клод преподавал всеобщую историю, в том числе историю СССР. Меня заинтересовал учебник, по которому преподавали историю СССР в Мали. Это была весьма объемистая книга, начинавшаяся с характеристики России в начале XX века. Затем излагались важнейшие события этого периода: русско-японская война, революция 1905 года, первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции. О социализме ничего не говорилось; было лишь сказано, что Россия строит новое, не похожее на другие общество.

Касты и классы

В Западной Африке с IV по XVII век существовали три сильных государства — Гана, Мали, Сонгай. С XVII до конца XIX века Западная Африка переживала период раздробленности, борьбы внутри правящих династий, столкновений между различными государствами и этническими группами.

В конце XIX века глинобитные крепости феодальных суданских государств не устояли против огня французской артиллерии. Малийская земля стала колонией — Французским Суданом.

Как же оценивали мои студенты значение колониального периода для своей страны? Колониальные за-

В Доме ремесел

воевания разрушили старую цивилизацию — этого они не отрицали. Старшее поколение малийцев познакомилось с пушками европейцев раньше, чем с другими достижениями их культуры. Правда, в результате колониальных завоеваний европейская культура все же проникла в страну. Это студенты считали положительным явлением. Но они отмечали, что европейская культура стала достоянием лишь небольшой кучки малийцев, получивших французское образование и привлеченных на службу в аппарат колониальной администрации. Широкие же массы народа узнают о достижениях мировой культуры только сейчас, после получения страной независимости.

Годы колониализма не способствовали промышленному развитию страны. Во время моих прогулок по Бамако я не видел ни одной заводской трубы. Промышленности в столице не было. Исключение составляли

небольшие полукустарные предприятия. В других городах положение было еще хуже. Лишь в годы независимости с помощью социалистических стран в малийской столице было построено несколько фабрик и заводов.

Отсталая экономика Мали не могла изменить и неразвитую социальную структуру, ликвидировать пережитки старины. Я имел случай в этом убедиться. Я жил возле профтехцентра, где получали рабочие профессии 350 малийских юношей. Согласно порядку, существующему в профтехцентре, учащиеся сами убирают свой цех. И вот однажды ученик нового набора отказался работать, заявив, что придет вместо себя раба.

— Как раба? — удивился советский мастер. — Ты сам должен убрать свое рабочее место.

При вмешательстве малийской администрации конфликт был быстро улажен. А я недоумевал: о каких это рабах шла речь? Правда, из работы советского ученого А. Б. Летнева я знал о пережитках рабства в Мали, но мне было интересно поговорить на эту тему с малийцами. Я отправился к Мамби Сидибе.

Он рассказал, что ко времени французского завоевания у многих суданских народов существовали аристократия, простые свободные люди и касты ремесленников, гриотов и домашних рабов. К свободным людям относились земледельцы, охотники, рыбаки, которые были обязаны выполнять повинности в пользу царя. В основном рабы добывались во время войн. Но человек мог попасть в неволю и за неуплату долга, за преступление, а иногда просто продавал свою свободу ради сохранения жизни. Во время голода отец, случалось, продавал своих сыновей или менял их на съестные припасы.

Что касается каст, то они были замкнутой организацией. Браки допускались только внутри каст. С провозглашением республики были отменены все касты и запрещены все виды домашнего рабства.

В книге Бакари Камиана «Знакомство с Мали» меня заинтересовали слова о том, что по фамилии малийца можно узнать, к какой социальной группе принадлежал человек. Оказывается, во время существования каст кузнецы носили фамилии Думбиа, Канте, Дьявара, частично Сиссоко. Куяте, Камара и некоторые Сиссоко были гриотами.

Я вспомнил об этом при посещении Дома ремесел. Тут можно видеть, как появляются на свет маски, фигурки толкущих просо женщин, чудесные тонконогие газели, головки из слоновой кости, можно наблюдать работу по золоту и серебру. Здесь я познакомился с Адама Канте, который возглавлял целый коллектив родственников — резчиков по дереву. В Мали кузнецы издавна занимаются изготовлением масок и деревянных фигурок. Здесь же я встретился и с Ламином Думбиа — резчиком по слоновой кости, и с Джбрилом Сиссоко, одним из сыновей владельца ювелирной мастерской. Действительно, ремесленники носили именно те фамилии, какие называл Камиан. Хотя теперь нет каст, люди продолжают заниматься делом своих предков.

Вечерняя столица

В Бамако независимо от сезона светает в седьмом часу утра, а после шести вечера начинает темнеть. В это время солнце медленно садится за Кулубу. В воздухе разлит мягкий розовый свет. Чувствуется легкая прохлада.

Как только солнце зайдет, сразу же становится темно. В это время во дворе прекращается игра французов в шары, а с высоких стен Дома служащих падают крупные летучие мыши — крыланы. В Мали их множество, и зовут их здесь летающими собаками. Я не понимал этого названия до тех пор, пока не увидел сбитых крыланов в руках мальчишек. Действительно, мордочка крылана — темная, гладкая, с черным носиком и крупными бусинками глаз — удивительно напоминала собачью. Размах крыльев летучих собак — около метра. Множество их живет в Бамако на гигантских сейбах по берегу Нигера. Днем они без конца ссорятся, противно пищат и возятся в полумраке ветвей. По вечерам армады крыланов заполняют небо над Нигером.

Очень часто, как только спадала дневная жара, мы отправлялись в зоопарк. У моей дочери с собой всегда много арахиса, ведь от него не отказываются ни обезьяны, ни страус, ни слон, ни жираф.

Но сегодня мы решили познакомиться с вечерней столицей. Главное и, пожалуй, единственное развлече-

ние для европейцев в Бамако — это кино. В столице семь кинотеатров, но хороший фильм выбрать трудно. Как правило, показывают пустые коммерческие фильмы. За один сеанс крутят два фильма, причем второй обычно ковбойский.

Сеанс начинается в девять вечера, и у нас еще много времени. Отправляемся побродить по вечернему городу. Идем по Народному бульвару. Под фонарями подростки ведут бесконечные баталии в настольный футбол. На деревянных толчанах возле стен домов отдыхают главы семейств. Перед многими стоят транзисторы. Возле Дома борцов слышится яростный треск барабанов: по субботам здесь дает представление танцевальный ансамбль.

На узкой асфальтированной улице без фонарей возле входа в один из дворов горит электрический свет. Здесь стоят несколько юношей. Другие то входят, то выходят из двора.

— Что здесь находится? — спрашиваю я.

— Клуб нашего квартала.

— Можно нам войти?

— Почему же нет? Скоро начнутся танцы и будут петь гриоты.

Мы входим. В левой части двора небольшая бетонированная площадка, вокруг которой стоят деревянные скамейки. Возле глинобитной стены сидит молодой гриот в очках и настраивает свою кору. Во дворе человек тридцать молодых людей, одетых в белые бубу и белые шапочки. Золотистые одежды женщин переливаются под электрическим светом.

Видимо, мы попали к началу, так как через четверть часа во дворе яблоку было негде упасть. Мы стояли сдавленные со всех сторон, и я жалел, что не послушался юношу, советовавшего занять место на скамейке.

Наконец послышалась музыка и стоявшие на бетонированной площадке люди, подняв руки, задвигались. Движения их были медленны и чем-то напоминали некоторые фигуры вальса. Такие танцы я видел впервые. На площадку устремлялись все новые люди, и вскоре там стало еще теснее, чем вокруг нас. Всякое движение стало невозможным. Раздались недовольные крики. Смолкла музыка, танцующие остановились.

Организаторы вечера предлагали части публики

уйти. Мы могли, конечно, только догадываться о смысле разговора, который шел на бамбара. Но никто не тронулся с места. Все хотели танцевать. Тогда погас свет. И это не помогло. Вокруг нас не стало просторнее. Вновь зажигают свет и возобновляют танцы. Чем все это кончилось, мы не знали, так как поспешили выбраться из толпы.

Пора к кинотеатру. В центре заходим в один из баров, работающих по вечерам. Здесь можно выпить холодного пива или лимонада. Кроме баров в Бамако есть несколько ресторанов. Посещение ресторанов — дорогое удовольствие, и бывают там главным образом европейцы. Все подступы к «Рексу» — так называется кинотеатр — забиты автомобилями и мопедами зрителей. У входа на табуретах горят фонари и свечи торговцев сигаретами, лимонадом. Подростки предлагают жевательную резинку, сигареты.

О билетах в кинотеатр беспокоиться не надо. Они дороги, и далеко не каждый малиец может позволить себе сходить в кино. Кинозал разгорожен на три части. Каждая имеет свой вход. Самые дорогие места — в удаленной от экрана части. Здесь обычно сидят европейцы и состоятельные малийцы. Стоимость билета вдвое больше дневного заработка нашего дворника Яя Дигиба. Эта часть кинотеатра подведена под крышу, а в других секторах зрители сидят под открытым небом.

Возвращаемся домой в половине первого ночи, когда горят лишь немногие фонари. На нашей улице в час ночи гаснут и они.

Когда же пойдет дождь?

В конце февраля бой моего соседа Муса Койта начинает вздыхать:

— Скоро наступит плохое время, станет очень жарко, люди будут обливаться потом, ночью будет невозможно спать.

Муса Койта — коренной малиец, бывший солдат французских колониальных войск. И если абориген боится жары, то как же мы, жители средней полосы нашего Союза, перенесем ее? Вскоре предсказания Мусы начинают сбываться.

У меня в комнате стоит деревянная статуэтка богини догонов — сидящая женщина с поднятыми руками, в которых она держит пустые калebasы. Богиня молит небо о дожде. И сам я все чаще и чаще начинаю смотреть на опаловое небо, на котором плавает раскаленный диск солнца. И жжет, и жжет... В воздухе висит тонкая пелена сухой пыли. Пыль беспрепятственно проникает в комнату, ложится красноватым налетом на белье, книги, мебель. Достаточно раз-два надеть рубашку, как она становится красноватой. Этот оттенок так и не удается уничтожить.

Вот уже несколько месяцев на небе нет ни облачка. Иногда меня охватывает сомнение: бывают ли вообще облака на малийском небе, идут ли здесь дожди? Спрашиваю своих студентов. Оказывается, в присахарских районах дождя надо ждать 10—11 месяцев. Фульбе Мамаду Диаби Сангаре говорит, что в его родной Массине (область сахеля) дожди идут через девять месяцев, а в районе Бамако между последним и первым дождем проходит 7 месяцев.

В Мали четко различаются три климатических периода: сухой прохладный — с декабря по февраль; жаркий сухой — с марта по май и сезон дождей — с июня по октябрь. В ноябре жарко и влажно, это переходное время от сезона дождей к прохладным зимним месяцам.

Период с декабря по февраль можно только условно назвать прохладным. Это скорее период прохладных ночей. Днем же солнце жжет почти так же неистово, как и в жаркое время.

С конца февраля жара усиливается. Солнце стоит в зените, тени коротки, небо безоблачно. Со второй половины дня до глубокой ночи земля пышет зноем. Стены квартиры нагреваются, белье кажется только что вынутым из-под утюга. В апреле — мае из водопроводных кранов течет горячая вода, температура в комнате 34—35°, в тени на улице 41—42°. Работоспособность резко падает. Сухость воздуха усиливает жажду. Это самое тяжелое время.

По вечерам отправляюсь на улицу, надеясь, что там легче дышать. На тротуарах возле своих домов, спасаясь от духоты, на циновках лежат малийцы. Нигер тоже как будто разомлел от жары, обмелел и, кажется, не течет.

В это время излюбленным местом отдыха на реке служит Старый мост — узкая бетонная дорога, проложенная прямо по каменистому ложу Нигера в семи километрах от города. Старый мост расположен на возвышенности, недалеко от порогов Сотуба. С декабря по июль Нигер здесь обычно почти полностью пересыхает, обнажив черное ноздреватое каменное ложе. От могучей реки остаются лишь две узкие бурные протоки.

В жаркий сезон разницы между дневной и ночной температурой почти нет. Ночь не освежает. Лишь к трем-четырем часам утра потянет свежий ветерок, громко зашуршат сухие длинные стручки на акациях, как будто там возятся обезьяны. В комнате из-за духоты уснуть невозможно. Переносу свою постель на веранду. Ложусь без противомоскитной сетки. Она хоть и совсем легкая, но все же мешает проникновению свежего воздуха. И хотя беспокоят москиты и комары, мгновенно засыпаю.

В это время в саванне господствует харматтан — ветер, приносящий жар Сахары. Он сушит и обрывает листья деревьев, превращает в ломкие соломинки травы.

Когда едешь по саванне, горячий воздух от нагретой земли обжигает глаза. Растительность саванны становится серовато-зеленой. Да и эта зелень — редкая, скромная. Земля и растения кажутся измученными. И у людей, и у растений одни помыслы: когда же пойдет дождь?

И вот в конце мая на исходе дня небольшая синяя тучка появляется из-за уступа каменной стены. Ни ветерка, ни грсма. Я собираюсь в город, но Муса Койта меня предупреждает:

— Скоро будет дождь.

Я сомневаюсь. Слишком уж незначительной кажется тучка, да и от города она далеко.

— Посмотри, где муравьи, — говорит Муса.

Во дворе Дома служащих в земле живут крупные черные муравьи. Обычно они снуют по проделанным ими дорожкам, как по автостраде. Но сегодня их не видно. Деревья стоят не шелохнувшись. Все замерло в ожидании.

Вдруг в небо неожиданно поднимается столб пыли, песка, сухих листьев. В одно мгновение воздух стано-

вится тяжелым, красноватым. Пыль и песок набиваются в глаза, в нос, в волосы, скрипят на зубах. Все живое стремится покинуть улицу. Видимость плохая, машины медленно ползут с зажженными фарами. Из-за горы, подгоняемые ураганным ветром, на город стремительно наваливаются низкие рваные тучи.

Падают на землю первые крупные капли дождя, и через две-три минуты землю как будто начинают поливать из огромной лейки. Босоногие ребяташки с радостными криками высыпают на улицу и умываются, подставляя руки и лицо дождю. Бой тоже ловят хлещущую с крыш воду и моют руки. Струи воды похожи на толстые жгуты. Гора Кулуба едва видна сквозь густую водяную сетку. Хлопают, как выстрелы, двери Дома служащих. Ветер стремится сорвать их с петель. У меня под окном растет несколько исполинских акаций. Порыв сильнейшего ветра как бы зачесал на одну сторону их ветви. Падает вырванная с корнем папайя. Гаснет свет: где-то оборвало провода. Наслаждаюсь наступившей прохладой, открываю окна и двери, чтобы ветер выдул жару из всех углов.

Тропическая гроза великолепна! Небесная канонада грохочет не переставая. Гигантские молнии непрерывно разрывают небо. Дождь, то затихая, то усиливаясь, длится часа четыре. Мутные потоки покрывают всю землю. Они уносят листья, ветки, сухую кору.

После грозы по городу трудно проехать: асфальт, как дорожка в осеннем саду, покрыт толстым слоем сорванных листьев. Дорогу преграждают большие сучья, а то и поваленные ветром деревья. После дождя начинается возрождение природы. Деревья, кусты и травы саванны, да и сама голая каменистая земля кажутся вымытыми и вычищенными. Саванна очень чувствительна к дождю. Вскоре здесь появляются первые робкие островки зелени. В небе исчезает знойное сероватое марево, воздух чист и прозрачен до самого горизонта.

Но солнце, кажется, не хочет разделять радость земли. Через несколько часов земля снова суха. Воздух насыщен испарениями. Влажность воздуха доходит до 96%. Нашими спичками невозможно пользоваться, соль становится мокрой, а табак приобретает непонятный (и довольно-таки неприятный) запах. Появляются тучи

комаров, по ночам истошно кричат огромные африканские лягушки.

Первые дожди идут обычно во второй половине дня. Спустя несколько часов после них начинается вылет поденки. По вечерам наподобие мелькающего снега они лихорадочно кружатся вокруг уличных фонарей, пробиваются в комнату. Особенно много поденки вокруг фонарей на мосту через Нигер. Упавшую на землю поденку ребяташки собирают в мешочки. Говорят, она съедобна. Вылет продолжается всего несколько часов. Утром под фонарями остаются лишь легкие кучки прозрачных крыльев этих летучих существ.

Если в сухой сезон саванна имеет однообразный унылый вид, то во время дождей ее не узнать. Кажется, удовлетворение разлито во всем. Красная глинистая земля досыта напоена водой. Через переполненные речушки уже не перейти. Ветер покачивает высокие шелковистые травы, над которыми порхают красивые птицы и крупные яркие бабочки. Воздух влажный. Солнце купается в сероватой дымке испарений, не так печет и кажется подобревшим.

В сезон дождей саванна живет полной жизнью. Как-то вечером, возвращаясь от Старого моста, мы остановили машину и вышли на дорогу. Мир саванны окружил нас. Что-то шуршало, скреблось, вздыхало. Но больше всего нас поразила музыка. Невидимые музыканты сидели на деревьях и позванивали в легкие колокольчики, издававшие нежнейшие звуки. Разнообразие звуков было немного, но музыканты сидели на разном расстоянии, и это создавало впечатление удивительной гармонии. Ночных музыкантов можно было послушать и в городе, но там их было гораздо меньше.

С появлением во дворах Бамако зелени и лягушек из саванны приползают змеи. Сентябрьскими вечерами ходить по двору без фонаря небезопасно. К живущему подо мной французу змея заползла прямо в квартиру и устроилась на стуле. Жильцам ничего не остается, как велеть дворнику Яя Дигиба уничтожить убежище змей — густую зеленую траву. Вырубая под корень траву, Яя убил сразу четырех змей. Сезон дождей — время их размножения. Жители Бамако настроены по отношению к змеям весьма решительно. Мне не раз приходилось видеть, как группы ребяташек, вооруженных пал-

ками, преследовали обнаруженных змей. В саванне обитает много ядовитых змей, тут есть и кобры и гадюки. Местные жители нередко погибают от змеиных укусов. Большую опасность представляет плюющаяся черная кобра, которая может выплюнуть свой яд прямо в глаза человеку, находящемуся от нее на расстоянии трех метров. Последствие этого — слепота или смерть.

Река, несущая жизнь

Измученный зноем всегда тянется к воде. Вот и я, отправляясь в город, стараюсь проехать по набережной Нигера. И не только я. Днем все водители сбавляют здесь скорость и смотрят на реку. С утра на берегу начинается стирка белья. Здесь не только женщины — белье стирают и мужчины. Это бой-прачки. Я наблюдаю, как они свертывают покрывала в толстые жгуты, взмахивают ими над головой и бьют их о камни. Стирают они без мыла. Тут же на земле разостлано выстиранное белье: африканцы не сушат белье на веревках.

В сухой жаркий сезон по вечерам особенно приятно посидеть на берегу Нигера. При виде черной безмолвной воды вспоминаются другие реки, свежая зелень лугов и лесов. И считаешь, сколько же времени осталось до отпуска. На берегу Нигера кучками сидят малийцы, некоторые купаются. Но это небезопасно: вода малийских рек заражена шистоматозом.

Вечером на Нигере тишина. Не слышно ни смеха, ни громких возгласов. Я замечаю стоящего невдалеке поэта Гаусу Диавара, с которым познакомился в самолете, когда первый раз летел в Бамако из Москвы. В нашей стране Гаусу Диавара окончил литературный институт и выпустил на русском языке первую книжку своих стихов. Это невысокий человек с задумчивым лицом и характерной морщиной на лбу. Когда он молчит, то кажется целиком погруженным в свои мысли. Но когда он увлекается разговором, то в упор смотрит на собеседника, его открытый взгляд полон внутреннего огня и любопытства.

Гаусу Диавара — преподаватель в Национальном институте искусств, где после завоевания страной независимости началась подготовка первых групп профессиональных артистов. Гаусу часто говорит о драматургии

Шекспира, Горького, Арбузова, об одном французском актере-энтузиасте, работавшем вместе с ним, о своей диссертации по литературе Западной Африки, которую он готовит под руководством советских специалистов.

Со мной Гаусу Диавара говорит только по-русски. Под настроение вспоминает русскую березку, которая произвела на него большое впечатление.

Я спрашиваю Гаусу, есть ли у него стихи о Нигере. Помолчав, поэт начинает читать:

Река животворной воды,
    предтеча истории древней!
Империи рушились в прах,
    тонули в пучине веков.
Но ты продолжала свой путь,
    торжественный и повседневный,
Кормилица черных племен,
    надежда простых пастухов...
Будь мудрой и доброй рекой,
    будь матерью нашей земли.
Обуздывай засухи гнев,
    смирй ненасытное пламя.
Смывай животворной водой
    горючие слезы Мали*.

Я повторяю вслед за Гаусу: «Империи рушились в прах, тонули в пучине веков, но ты продолжала свой путь, торжественный и повседневный...» Я понимаю почтение малийцев к своей великой реке. Вспоминаю первую поездку на Кулубу. Оттуда открывается величественная панорама реки с ее рукавами, островками, плесами. Река бесстрашно катит свои воды навстречу Сахаре. Долина Нигера — колыбель древних цивилизаций Западной Африки. На Нигере или на его притоках расположены все важнейшие города Мали: Бамако — столица республики, Сегу — столица бывшего королевства бамбара, крупные торговые и сельскохозяйственные центры — Мопти, Сан. На нем стоят древние культурные центры страны — Томбукту, Гао. Около трех четвертей населения Мали живет в бассейне Нигера. Он является важнейшей транспортной артерией, так как дорожная сеть в стране развита крайне слабо. Эта река имеет для Мали почти такое же значение, как Нил для Египта.

В районе Бамако Нигер пересекает гранитный мас-

---

* Перевод М. Курганцева.

сив и его течение прерывается порогами Сотуба. Режим Нигера тропический: высокий уровень воды летом и низкий зимой. В связи с тем что река питается в основном за счет тропических дождей, регулярная навигация на ней невозможна. В сухой сезон на приколе стоит немало речных судов, шаланд. Они тоже ждут дождей.

В октябре — ноябре уровень воды в реке поднимается метров на восемь-девять, почти полностью закрывая железобетонные опоры моста. Масса бурой воды затопляет берега. Малийцы строят деревни на возвышенном правом берегу, но и здесь наводнения не редкость.

Одно из сильных наводнений мне пришлось наблюдать в 1967 году. Вода прибывала с каждым днем, и ее уровень был выше обычного. За несколько дней река затопила высокий берег и залила набережную. Скрылись под водой оптовый банановый рынок и мастерские ремесленников. Между торчащими из воды верхушками хижин теперь разъезжали на пирогах. Затем река двинулась в город и затопила лицей «Нотрдам дю Нижер», жилые и общественные здания. Полицейские, установившие деревянные заграждения на дороге, ведущей к реке, каждый день отодвигали их все дальше в город. Старожилы помнили наводнение, когда вода доходила до «Прентаньи», то есть до центра города.

Радио ежедневно передавало тревожные сообщения о затопленных дорогах, полях, складах с зерном, населенных пунктах. На борьбу с наводнением были брошены войска. В городах, куда наводнение еще не дошло, спешно сооружались земляные дамбы. Ущерб от наводнения был большой: разрушены десятки деревень, на полях уничтожен урожай проса и сорго, хлопка, арахиса. Пострадали жилые кварталы городов, остановились предприятия в Куликоро, сахарный завод в Дугабугу, керамический завод в Джикорони.

Как только вода спадает, начинается рыболовный сезон. По вечерам на набережной много рыбаков. Удилищем они не пользуются. В воду подальше от берега забрасывают капроновую леску с грузилом. На конце лески имеется несколько крючков с наживкой.

Если в период паводков Нигер грозен, то в жаркий сезон он похож на немощного старца. В Бамако русло его достигает в ширину восьмисот метров, но он так мелет, что с моста можно пересчитать камни на дне.

САВАННА

Саванна горит

Со школьных лет у меня сложилось представление о саванне как о море колышущихся трав, среди которых растут могучие баобабы. Попав в Мали, я захотел увидеть саванну наяву. И вот я еду по неасфальтированной дороге, идущей в сторону гвинейской границы.

Сразу за городом потянулись заросли высоких сухих трав, из-за которых выглядывают остроконечные верхушки деревенских хижин. Кое-где над травами возвышаются плантации манговых деревьев. Но через несколько километров исчезают всякие следы цивилизации и кругом только красноватая, усыпанная камнями земля, поросшая гигантскими травами, над которыми поднимаются кустарники и редкие невысокие деревья с искривленными стволами. Иногда встречаются группы деревьев или участки, сплошь заросшие молодым зеленым кустарником. Возле деревень, где земля между деревьями возделывается, саванна похожа на поросший редкими травами парк или яблоневый сад. А в тех местах, где человек долгое время не занимался сельским хозяйством, лесной покров восстанавливается.

Основной цвет малийской саванны красновато-бурый. Земля как бы посыпана толченым кирпичом и песком. Цвет почвы связан с высоким содержанием в ней окислов железа и алюминия.

Вот показался участок саванны, где недавно прошел «фе де брус» — пожар саванны. Останавливаюсь, чтобы осмотреться. Травы на месте пожара совершенно выгорели, и земля кажется покрытой жестким черным ковром, посыпанным пеплом. На этом ковре, вызывая удивление, растут яркие желтые цветы на коротком стебле с широкими мясистыми лепестками. Цветы на

этой жаждущей земле! Низкие кривые деревья, не дающие тени, палящее солнце — и вдруг цветы. Листья на кустарниках обгорели или свернулись в трубочки, стволы и ветки кустов покрыты копотью. В некоторых местах огонь поднимался на три-четыре метра над землей и опалил нижние ветки деревьев.

Проехав несколько километров вперед, я заметил в долине Нигера густые клубы сизого дыма. Вся долина покрыта кустарниками и высоченными травами, буйно разросшимися на аллювиальной почве. Еду по неровной проселочной дороге: хочется поближе посмотреть, как горит саванна. По обеим сторонам неширокой дороги стеной стоит сухая трава, смыкающаяся над головой.

Вскоре запах гари стал сильнее. Я оставил мотоцикл и пошел пешком. Травы поредели, стали ниже. Все пространство впереди затянуто густым серым дымом, в котором видны перебегающие языки огня. Хотя стоял знойный безветренный полдень, огонь продвигался довольно быстро. Он то прятался между корнями трав, то взбегал по их стеблям на двухметровую высоту и оттуда перебрасывался на высокие кустарники.

Я взял кинокамеру и принялся снимать, когда из-за дыма показался крестьянин с легким африканским топориком и палкой в руках. Его одежда — полотняная рубашка и широкие штаны — покрыта сажей. Это «поджигатель», который сам обязан следить за движением огня вблизи деревни. Таких людей обычно бывает несколько. Он стоял в дыму и молча наблюдал за мной.

От него я позднее узнал, что самая высокая трава называется на бамбара *цага*, трава от полутора до двух метров — *тэкаля*. Жизнь трав коротка и ограничивается сезоном дождей. В сухой сезон они становятся несъедобными для скота и идут на покрытие хижин, изготовление матов, из которых делают стены хижин, заборы, навесы. Травы саванны ежегодно выжигают. Высушенные солнцем и харматтаном, они вспыхивают, как порох. Еще раньше я видел, как брошенная в траву зажженная спичка даже в безветренную погоду создает очаг пожара фронтом в двадцать-тридцать метров. Но огонь идет так быстро, что почва не успевает прогреться и корневища трав и семена не страдают. Через две-три недели от корней отрастают молодые побеги, которые идут на корм скоту. Это важно в сухой и жар-

кий сезон, так как крестьяне не делают запасов сена. Кроме того, при пожаре погибают вредные насекомые.

Впоследствии во время поездок по саванне мне много раз приходилось слышать грозный треск и гудение пожара и наблюдать за пляской огня на обочине дороги. Особенно эффектно выглядел пожар ночью, когда в небе разгоралось багровое зарево. Незабываемы огненные зигзаги на склонах Кулубы.

Ежедневно диктор радио Бамако проникновенным голосом говорил о земле, «съеденной» Сахарой. Это было откровенное предупреждение крестьянам: будьте осторожны с огнем при выжигании саванны. Пожары ведут к гибели молодой поросли, обезлесению и в конце концов истощению почвы. Издавна человек выжигал растительность, чтобы легче было охотиться и расчищать землю под посевы. Площадь вторичного редколесья и кустарников, появившихся на месте сведенных лесов, также сокращается, уступая место многолетним злакам.

Поскольку в стране применяется примитивная подсечно-огневая система земледелия, то, с одной стороны, правительство ведет соответствующую пропаганду среди крестьян, пытаясь ограничить палы, чтобы свести до минимума вред от пожаров, с другой — государственная Служба вод и лесов начала посадку ценных пород деревьев.

Деревья саванны

В любое время года большинство деревьев суданской саванны стоят зелеными. Смена листвы происходит постепенно и незаметно. Исключение представляют хлопковое дерево и баобаб, голые в сухой сезон.

Основное назначение деревьев саванны — служить людям топливом. Дров нужно много, так как пищу готовят на открытом огне. Во всех городах есть дровяные базары. Заготовка дров — дело частного предпринимательства. Ежедневно под вечер, тяжело работая педалями, из саванны возвращаются велосипедисты. Сзади на багажнике искусно выложена ровная высокая поленница наколотых и высушенных дров. Поленницы настолько высоки, что полностью скрывают велосипедиста, если смотреть на него сзади.

Пейзаж североафриканской саванны образуют не-

сколько типичных деревьев: баланзан, карите, нере, сейба, хлопковое дерево, сенегальская кайя, вен, пальма ронье, камедное дерево, баобаб. Каждое из этих деревьев по-своему замечательно. Больше других меня заинтересовало дерево, которое, казалось, жило наперекор законам природы. Оно сбрасывало листву в начале сезона дождей, а в сухой и жаркий период стояло зеленым. Это баланзан — акация, достигающая двадцати метров высоты, с гладким стволом и красивой развесистой вершиной в виде зонта.

Мамби Сидибэ рассказал мне, что со способностью баланзана не поддаваться солнечному зною и харматану было связано поклонение народа бамбара этому дереву. По преданию бамбара, бессмертный дух — творец вселенной Пемба превратился в зеленую акацию, пророс в ней, и баланзан стал первым среди всех деревьев. Он олицетворяет в себе могущество Пембы, создателя земли, животных и растений. Баланзану поклонялись старики, желающие восстановить свои жизненные силы, женщины, страдающие бесплодием. От мужчин дерево требовало крови. Во время ритуальных церемоний кровью из пальца смазывали кору дерева. В больших семьях мужчины поклонялись деревянному высушенному брусу из баланзана — *пембеле*. Во время церемоний на брус клали кусочки мяса, которые съедали через некоторое время. Считалось, что после этого увеличиваются человеческие силы.

Оставаясь зеленым в сухой и жаркий сезон, баланзан очень требователен к воде. Его корневая система уходит глубоко в землю. В этом секрет силы баланзана. Баланзан дает отличную древесину, идущую на изготовление ступ, пестов, досок для пирога. А в период бескормицы скот охотно поедает листву этого дерева.

Однажды в конце жаркого сезона, когда солнце пекло немилосердно, я завернул на одно из расчищенных крестьянских полей, где дымился костер. Пожилой крестьянин жег сухие стволы каких-то больших деревьев. На краю поля стояло еще несколько таких же деревьев с ободранной корой. Только теперь я узнал баланзан. У комля одного из деревьев также горел костер. Это делалось для того, чтобы людям было легче свалить дерево. Пилы очень дороги, их нет у крестьян, а рубить сухое толстое дерево легким африканским

топориком — дело трудное. Упавшие деревья сжигают, а полученную золу используют при посадке растений.

Плоды многих деревьев саванны играют важную роль в питании малийцев и в экономике страны в целом. В июне в Бамако начинают продавать мягкие темно-зеленые плоды величиной с крупный желудь. Под тонкой кожурой — сладковатая, нежная, очень вкусная мякоть, а внутри — твердый орех. Это молодые плоды масличного дерева карите. Главная их ценность — орешки, из которых получают масло. Оно стоит гораздо дешевле других растительных и животных жиров.

Карите — типичное дерево саванны. «Там, где появляется карите, начинается Судан», — говорится в малийской поговорке. В Мали распространена легенда, что дерево карите образовало границы империи знаменитого правителя альмами Самори, который в конце прошлого века 18 лет сопротивлялся французскому завоеванию и умер в плену у колонизаторов. Выглядит карите скромно: очень ветвистое, высота от 5 до 17 метров, корни уходят глубоко в землю, кора толстая. Деревья карите, растущие на крестьянских полях, по обычаю принадлежат всей деревенской общине.

Плодоносят карите с пятнадцати лет. Молодые деревца очень чувствительны к огню до семи-восьмилетнего возраста, пока не образуется толстая кора. Пора цветения карите — время самого крупного сбора меда. Урожай карите нерегулярен и часто зависит от того, коснулся ли огонь дерева в период цветения. Средний урожай с дерева — 20 килограммов свежих плодов. Из пяти килограммов плодов получают один килограмм сухого ядра. Ядра содержат в среднем 45% жира.

Бывая в деревнях, я почти в каждом дворе видел кучки темных, как желуди, засохших плодов карите. При получении масла карите вначале отделяют мякоть от ореха. Для этого плоды либо складывают в ямы или кучи и там они начинают бродить, либо обрабатывают паром, а затем сушат на солнце или в глиняной печи. При высушивании млечный сок в орехе створаживается. Для отделения ядра от скорлупы орехи толкут в ступе и провеивают. Перед приготовлением масла ядра жарят, затем толкут до образования пасты. На заключительном этапе масло извлекают или растирая пасту вручную, или погружая ее в горячую воду. Всплывающее масло

собирают, а когда оно затвердеет, его заворачивают в зеленые листья, чтобы оно не прогоркло.

Технология кустарного получения масла карите очень длительная и трудоемкая. Выход масла при примитивной обработке составляет около 20% веса ядра, а при промышленной обработке ядер карите можно извлечь до 40% жирового вещества с выходом побочных продуктов.

Местное население использует масло карите для приготовления пищи. Применяется оно при изготовлении мыла, а также в качестве косметического средства, в медицинских целях, для освещения.

Сбор плодов карите составляет в среднем 150 тысяч тонн. Масло и ядра карите — традиционный экспортный товар Мали. В Европе масло карите используется в парфюмерной промышленности для производства высших сортов крема и мыла, в кондитерской и маргариновой промышленности.

Крепкая, не поддающаяся атакам термитов древесина карите идет на строительство хижин, изготовление ступ, пестов, художественных изделий.

Во время одной из поездок по саванне в конце мая я увидел возле дороги двух малиек, которые что-то сбивали длинными шестами с высокого красивого дерева с зонтикообразной кроной. У каждой за спиной был привязан ребенок. На земле лежали кучки желтых стручков длиной сантиметров тридцать. Я приветствовал женщин на бамбара. Они ответили, продолжая орудовать тяжелыми шестами. Затем собрали стручки и направились к видневшемуся невдалеке хутору.

Мне хотелось узнать назначение стручков. Шел второй час пополудни, солнце палило нещадно, и я колебался: ехать ли поскорее домой или завернуть на хутор. Мои колебания работавшие возле хижин женщины истолковали по-своему. Вскоре я увидел, как они замахали руками: меня звали.

При моем приближении с криком бросились прятаться голопузые ребятишки. На солнцепеке работали три женщины. Они лепили из глины круглый низкий курятник. Одной из них было года двадцать два. Держась за ее юбку, на меня со страхом поглядывал малыш. Молодая мать старалась держаться побойчее и что-то говорила мне на бамбара. Двое других, девушки лет по шестнадцати, работали молча, не глядя на меня.

Вооружившись длинными шестами, крестьянки сбивают съедобные стручки с дерева нере

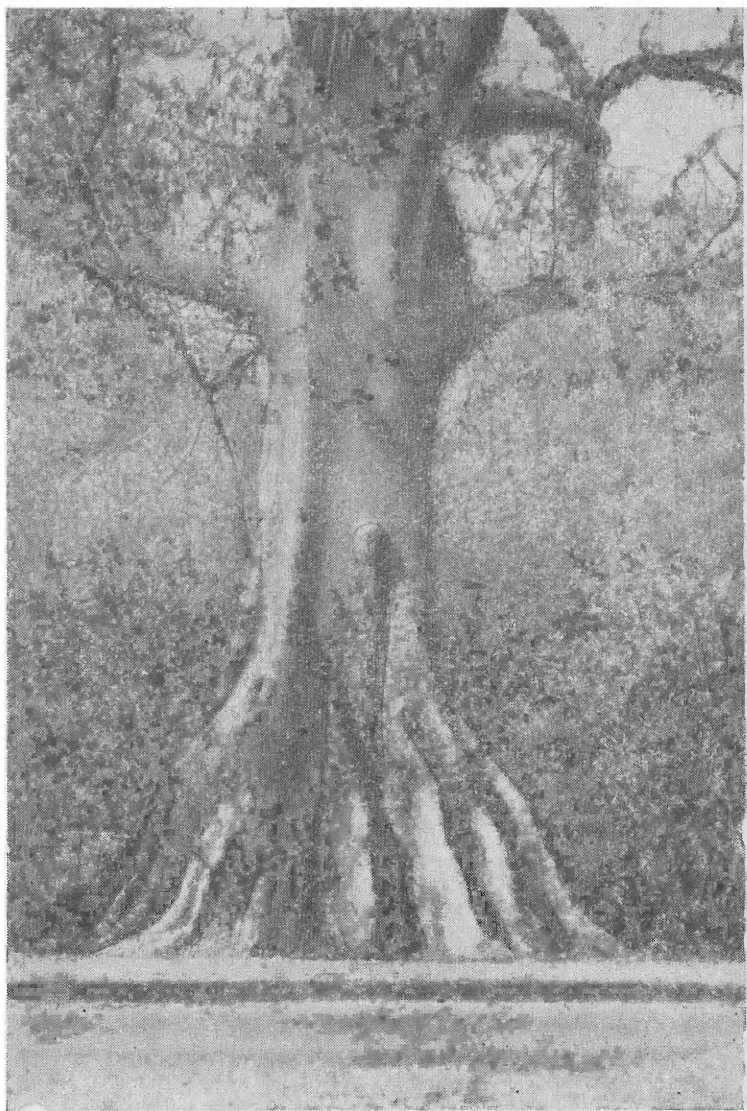
На дворе хутора, состоявшего из пяти-шести хижин, повсюду были видны кучки желтых длинных стручков. Сидевшая в тени пожилая женщина с добрым лицом предложила мне скамеечку и, поймав мой взгляд, устремленный на стручки, протянула несколько штук. Но я не знал, что с ними делать. Тогда она разломала стручок и начала есть его содержимое. Я последовал ее примеру. Внутри оказалась светло-желтая мучнистая масса, сладковатая и нежная на вкус. Пожилая женщина улыбалась, видя, что содержимое стручка мне нравится. Под мякотью находились твердые крупные зерна с черной оболочкой.

Вскоре из саванны пришел молодой мужчина. Он говорил по-французски, и я узнал, что деревья, на которых растут эти стручки, называются *нере*. Мучнистую массу употребляют непосредственно в пищу, а толченые ядра едят с молоком. Сквашенные и поджаренные ядра *нере* идут на приготовление острого соуса *сумбала*. Жир горошин *нере* вообще ценится в местных приправах. Из золы *нере* получают поташ, используемый при приготовлении местного мыла. Слегка поджаренные и растертые листья служат для лечения ран от ожогов. *Нере*, как и карите, охраняется обычаями и законом.

Однажды в мае, проезжая под огромными сейбами с характерными досковидными корнями-подпорками, я заметил людей, что-то собиравших с земли. Остановившись, я увидел бело-желтые волокна, загрязненные опавшей листвой. В воздухе мелькали желтоватые клочки ваты, как при цветении нашего тополя. Так я увидел сбор *капока*, используемого для набивки подушек, матрацев, для звукоизоляции.

Плоды-коробочки сейбы дают желтоватые и светло-коричневые шелковистые волокна *капока* длиной 1—3 сантиметра, которые после раскрытия коробочки падают вниз. Их собирают, очищают и сортируют.

Вторым поставщиком волокна служит хлопковое дерево, очень характерное для саванны. Жестокий зной не позволяет расти никаким цветам в саванне даже в период тропических ливней. Поэтому меня всегда поражало дерево, на голых, почти черных раскидистых ветвях которого поднималось и как бы плыло в знойном африканском небе золотисто-розовое облако необычайно крупных, похожих на лилии цветов. Так цветет в

В долинах рек растут гигантские сэйбы, дающие капок

холодный сезон хлопковое дерево. При ударе камнем или палкой по ветке вниз падают крупные золотые шары с мясистыми, отнюдь не нежными лепестками и крупными желтыми тычинками. Нет никакого желания собирать эти цветы. Но, очевидно, только такие цветы и могла создать суровая природа этого края.

Хлопковое дерево — «капокье» по-французски — достигает 15 метров в высоту. Его плоды — большие эллипсоидные коробочки, растрескиваясь на дереве, освобождают белое шелковистое волокно, которое падает на землю. Число коробочек на дереве может быть от нескольких десятков до полутора тысяч и более. В среднем одна коробочка дает пять-восемь граммов волокна. Плодоносить дерево начинает с шестого-восьмого года, и урожай считается хорошим, если к десятому году оно дает три-пять килограммов шелковистого волокна.

«Капокье» — нетребовательное дерево, но, как и карите, очень чувствительно к огню до семи-восьмилетнего возраста, то есть до образования толстой коры. Как-то я попытался измерить толщину этой коры у основания дерева. Но она была настолько тверда, что даже при помощи ножа мне не удалось добраться до луба. Я смог отломить лишь кусок толщиной 7 сантиметров.

Как-то раз я отправился в «Артизана» к скульптору Адама Канте, чтобы заказать большую эбеновую маску по образцу той, которую я увидел у одного из моих коллег. Братья и племянники Канте, с которыми он работал, еще раньше похвалялись сделать любое изделие, если им покажут оригинал.

— Нет дерева, — начал вдруг вздыхать Адама. Он отложил в сторону работу, чтобы, как всегда, обстоятельно поговорить. Адама повел меня к кучке лежащих неподалеку древесных стволов со снятой корой.

— Вот смотри, какое сегодня эбеновое дерево. Можно выбрать отдельные куски только для небольших изделий, — он показывает мне на корявые, узловатые, в глубоких трещинах стволы черного дерева.

Черное дерево крепко как железо. Немало пота стекает по голой спине работников Адама, пока они ножовкой отпиливают заготовки. Черное дерево растет на западе Мали. Его привозят в Бамако и продают здесь.

— Закажи лучше что-нибудь из красного дерева. Тут мы можем даже сделать статую в твой рост.

Адама добродушно смеется. У него спокойный уравновешенный характер и незаметно особого пристрастия к деньгам, которое сразу же проявляется у большинства других торговцев и ремесленников. Он показывает мне ровные темно-красные стволы. Это сенегальская кайя, или каильседра, как называют ее французы и местные жители. С кайей я уже знаком. Проходя в знойный полдень по Авеню де ля либерте — Проспекту свободы, я всякий раз отдавал дань уважения гигантским деревьям, спасавшим прохожих от палящих лучей на центральной улице Бамако. Огромные темно-серые стволы этих деревьев наподобие гигантских тумб занимали добрую половину широкого тротуара. Наиболее крупные экземпляры красного дерева встречаются в долинах рек. На сухих землях невысоких плато и на латеритных почвах деревья гораздо ниже.

Кайя имеет темно-красную, не поддающуюся атакам термитов древесину, которая используется для изготовления пирога и художественных изделий. Кора этого дерева обладает жаропонижающим и тонизирующим свойствами.

По берегам пересыхающих в сухой сезон водоемов встречается красивое ветвистое дерево с широкими листьями — ленге. Высота его 10—18 метров, кора достаточно толстая, чтобы противостоять огню. Снизу кора чешуйчатая, темная, наверху — беловатая. Плоды ленге имеют форму вытянутого стручка черного цвета. Зола, полученная при сжигании плодов ленге, служит для изготовления мыла, истолченная кора в смеси с просом используется для лечения животных.

От владельцев балафонов — больших музыкальных инструментов типа ксилофона — я узнал, что резонирующие пластинки изготавливаются из дерева вен. Это довольно распространенное дерево западноафриканской саванны. Вен считается в саванне деревом верхнего яруса, достигает 15 метров высоты и 60 сантиметров в диаметре. Оно часто встречается на латеритной почве. Древесина вен имеет светло-табачный цвет, однородна, не поддается насекомым, имеет красивые прожилки. Она хорошо обрабатывается и используется для изготовления художественных изделий, в столярном деле и при строительстве пирога. Листья дерева вен служат кормом для скота.

В ДЕРЕВНЕ

Сельский учитель

Мне давно хотелось побывать в деревне. Именно здесь можно познакомиться с жизнью и бытом малийцев. Бывая в саванне, я проезжал через селения, но, как, вероятно, и многие европейцы, поначалу чувствовал себя чужим в африканской деревне. Здесь шла своя жизнь, были свои веками сложившиеся обычай и порядки. Однако в одной из деревень у меня появились знакомые, и с тех пор я стал бывать в ней часто. Это была деревня Сананкороба, расположенная в пятнадцати километрах от Бамако по дороге на Сикасо.

Впервые я попал сюда в конце сезона дождей, когда на крестьянских полях стоит трехметровая труднопроходимая стена проса. В это время все крестьяне от мала до велика выходят в поле на уборку арахиса. Я остановился у развесистого карите, под которым работали женщины и дети. Они обрывали орехи арахиса и бросали их в широкие калebasы. Девушка веяла арахис, пересыпая его из одной калebasы в другую. На соседнем поле мужчины с помощью мотыг выдергивали арахис и подносили охапки стеблей женщинам.

Я мог сколько угодно любоваться этой идиллией, пока не поднял фотоаппарат. Тотчас же женщины заволновались, стали отворачиваться и закрываться платками. Ко мне решительным шагом направился один из мужчин. Настроен он был явно агрессивно. Я остался на месте и стал с улыбкой поджидать подходящего человека. Это подействовало на него успокаивающе. Он перестал кричать и милостиво разрешил сфотографировать работающее семейство, не потребовав даже платы.

Подъехав к деревне, я слез с мотоцикла и направился к группе мужчин, сидевших в тени под навесом.

Любой разговор в Мали начинается с нескольких стереотипных фраз, которые поначалу чрезвычайно удивляли меня. В самом деле, с кем бы я ни начал разговор, меня всегда спрашивали, как у меня идут дела, как себя чувствует моя жена, дети, мать, отец, как я спал и т. п. Это лишь общепринятая условная вежливость. Собеседнику вовсе не обязательно рассказывать о своих делах. На стереотипный вопрос существует такой же ответ. А сейчас я обращаюсь к малийцам по всем правилам местного этикета. На мои вопросы они отвечают, что дела у них идут очень хорошо, что деревня называется Сананкороба.

Молодой симпатичный парень лет двадцати двух, одетый в белое бубу, хорошо говорит по-французски. Для малийской деревни это редкость. Парень оказывается учителем, зовут его Драман Траоре.

После взаимных приветствий Драман ведет меня в длинный глинобитный дом. В комнате стоят простая железная кровать, железный стул, маленький деревянный столик со стопкой книг. Коллега рассказывает о себе. Два года назад он окончил лицей в Бамако. Школа, где он учительствует, небольшая. Ее недавно построили сами крестьяне. Классов всего три. Ходят в школу дети из пяти окрестных деревень. Учеников немного: не все крестьяне еще пускают детей в школу. Восьми-десятилетние помощники нужны дома. Не хватает книг, тетрадей, наглядных пособий. Только недавно появился глобус. Жалованье сельского учителя — 30 тысяч малийских франков. Для деревни это деньги немалые, так как годовой доход крестьянской семьи составляет примерно 12—15 тысяч. Драман не женат. Что думает о будущем? Хочет стать хорошим учителем, а потом поступить в педагогический институт. Один раз Драман был в Советском Союзе, правда недолго. Он восхищен постановкой народного образования в нашей стране.

Я прошу Драмана показать мне деревню. Но мы не сделали и двадцати шагов, как к нам стремительно подошел пожилой малиец в темном бубу и начал что-то резко и быстро говорить на бамбара. При этом он смотрит на меня явно недоброжелательно. Что ему не нравится: мой фотоаппарат или еще что-нибудь?

Драман, кажется, немного смущен, но слушает мол

ча. Наконец он говорит мне, кивая на незнакомца, что это Умар Кулибали, староста деревни. Он хотел бы посмотреть мои документы. Я протягиваю удостоверение и разрешение на съемку. Староста вертит их в руках, не поднимая глаз. Ясно, что читать он не умеет и по-французски не говорит.

Я спрашиваю Драмана, чем вызван гнев старосты. Оказывается, все иностранцы, прибывающие в деревню, должны прежде всего явиться к нему. Я прошу Драмана передать мои извинения старосте. На этом недоразумения с местным начальством кончаются.

Драман согласовывает со старостой план осмотра деревни: сначала мечеть, затем дом старосты, потом хозяйства других жителей. Когда мы трогаемся в путь, я спрашиваю Драмана, зачем нам надо наносить визит старосте.

— Староста самый богатый человек в деревне, у него три жены. Наконец, сам староста этого хочет.

По деревне нас сопровождают человек шесть подростков, видимо учеников Драмана. Встречные жители почтительно здороваются с Драманом. Он пользуется здесь уважением.

Быт крестьян

В деревнях вокруг Бамако строят круглые или четырехугольные хижинки с конической крышей из травы тэкаля или из стеблей мия. Стены делают из саманного кирпича. Окон нет. Вместо них оставляют небольшие круглые дырочки, служащие скорее для вентиляции, чем для освещения. Пол глинобитный. В четырехугольных хижинах крыши делают плоские. На стены кладется ряд жердей, затем хворост, и все это сверху обмазывается толстым слоем глины. Для прочности ставят одну-две подпорки. На крышах иногда сушат кукурузу, хлопок. Чтобы забраться на такую крышу, надо обладать определенной ловкостью, ибо лестница для подъема на нее необычна. Она представляет собой цельный ствол дерева с насечками и развилкой на том конце, который упирается в край крыши.

Жилище малийского крестьянина непрочно, его может размыть ливень. Но оно и восстанавливается легко.

На помощь крестьянину приходят сородичи, односельчане. Несколько дней работы — и можно снова праздновать новоселье.

Хижины не запираются, по существу нет и дверей. Проем закрывается приставным соломенным матом. Этого достаточно, чтобы никто не зашел.

В большинстве хижин нет мебели. Малийцы едят, сидя на земле или циновке; спят на циновке, которую днем убирают. Лишь у зажиточных хозяев можно увидеть бамбуковые топчаны, над которыми висят противомоскитные сетки.

Малийские деревни в большинстве случаев застраиваются без плана. Земли много, и каждый ставит хижину там, где ему вздумается. По мере того как деревня разрастается, между стенами, окружающими дворы, образуются улицы, узкие и кривые. Ходить по таким улочкам постороннему человеку — сущее наказание. Во всяком случае, заблудиться здесь ничего не стоит. Глинобитные стены бывают настолько высоки, что скрывают внешние ориентиры и перспективу. От улочки то вправо, то влево отходят переулочки-тупички, ведущие во дворы.

Улица неожиданно расширяется, и мы выходим на площадку, где в тени манговых деревьев женщины толкут в ступах зерно. День малийской деревни, да и африканских кварталов Бамако начинается с глухого стука пестов. Это женщины толкут миль к завтраку.

Колодцы в малийской деревне без журавля. Воду черпают калексами, привязанными на веревке, или резиновыми ведрами. Возле колодцев по утрам и вечерам всегда людно. Невдалеке стирают белье. Сюда же приходит на водопой скот.

Подходим к дому старосты, обнесенному глинобитной стеной. Чтобы войти внутрь двора, надо пройти своеобразный вестибюль. Это особая хижина. Внутри таких хижин часто стоят ступы и работают женщины. По краям довольно большого внутреннего двора шесть глинобитных хижин. Драман говорит, что каждая из жен старосты с детьми занимает особую хижину. В глубине двора стоит хижина хозяина. Две хижины принадлежат женатым сыновьям старосты.

Малийцы живут большими семьями: родственники объединяются вокруг самого старшего в роде — главы

Амбары в деревнях близ Бамако

большой семьи. Средний состав деревенской семьи. 15—20 человек. В Службе статистики в Бамако, проводившей сельскохозяйственное обследование в 1965 году, мне говорили, что есть отдельные семьи, насчитывающие до ста человек. Вместе с отцом живут женатые сыновья, племянники, образуя внутри большой семьи малые семьи. Патриарх безраздельно руководит своим маленьким мирком: собирает семейный совет, выслушивает все жалобы, восстанавливает справедливость, особенно в спорах между мужем и женой. Большая семья занимает обычно несколько хижин, обнесенных глинобитным или соломенным забором.

Посреди двора расположен семейный очаг. Он очень прост: несколько закопченных камней, на них стоят кастрюли. Вокруг очага на земле разложены калebasы разных размеров, эмалированные блюда, тазы. Возле

очага на скамеечке в окружении внуков сидит первая жена старосты — Фатумата. Ей около шестидесяти лет, и она считается старшей среди женщин семьи.

Невдалеке два круглых соломенных амбара. Хочется посмотреть, что в них, но не вижу ни дверей, ни окошек. Драман говорит, что надо сдвинуть вбок конусообразную соломенную крышу. Внутри стоят корзины с неочищенным рисом и метелками проса. Чтобы вода не подмочила зерно во время ливней, амбары строят на камнях. Сверху на них укладывают ряд толстых жердей.

Пока мы осматриваем хозяйство и беседуем с Фатуматой, во двор входит староста. Теперь он уже не кажется сердитым и предлагает зайти в хижины, где живут его жены. Здесь он обращает мое внимание на марлевые накомарники, висящие над топчанами, где спят женщины. Заметив жест старосты, Драман поясняет, что тропическая малярия — бич крестьян. Особенно она свирепствует в период дождей, который совпадает с полевыми работами. Больные слабеют, не могут работать в эти драгоценные для посева дни. Чтобы уберечь себя от болезни, зажиточные крестьяне покупают накомарники.

Я весьма доволен тем, что староста сменил гнев на милость, и предлагаю ему орехи кола. Такой подарок считается знаком внимания и уважения. Недаром все старинные церемонии сватовства начинались с подношения кола родителям невесты. Кола хорошо восстанавливают силы. Старики жуют их с удовольствием; если нет зубов, трут на терках. Отправляясь по деревням, я теперь всегда запасаясь магическими орешками, иногда жую их и сам. После подношения орехов главе большой семьи и его женам я получаю право на участие в разговоре и на фотографирование.

Прошу разрешения войти в жилище старосты. Пол хижины чисто выметен, на самом видном месте стоит бамбуковый топчан. У стены сложено пять-шесть мешков с просом, с крыши свешиваются пучки высушенных трав. В соломенную крышу воткнуто несколько серпов, мотыг на короткой ручке, африканских топориков с узким, как долото, лезвием, всаженым поперек рукоятки. На стене замечаю пару широких деревянных рогулек с насаженными на один из сучков неровными

осколками калебасы. Драман объясняет, что это *вас-самба*, ритуальный музыкальный инструмент, который применяется при обряде обрезания. Перед входом в хижину висит какой-то серый матерчатый узелок. Драман предупреждает, что трогать его мне нельзя. В нем находятся священные вещи, которые унаследовал глава большой семьи от своих предков.

Я спрашиваю у старосты, сколько человек в его семье. Вместо ответа он достает из стоящей на полу калебасы со сложенной в ней одеждой какую-то книжечку и протягивает мне. В ней я вижу фамилии, имена, годы рождения и степень родства всех членов семьи. Здесь есть даже и племянники. Всего в списке 28 человек. Первым записан сам Умар Кулибали. Ему 70 лет. Спрашиваю старосту, все ли дети живут с ним.

— Нет, не все. Из восьми сыновей со мной живут четверо. Двое уехали в Бамако, остальные — в Берег Слоновой Кости. Дочери повыходили замуж. Сейчас в семье шестнадцать человек.

История деревни

Как-то раз во время одной из воскресных прогулок — это было накануне сезона дождей — я ехал возле участка, где крестьяне жгли выгоревшую на солнце высокую траву и кустарник. Я остановился на шоссе недалеко от очага пожара. Вдруг в двухстах метрах от меня из высокой травы выскочила напуганная пожаром антилопа. Тут я заметил группу крестьян, стоявших за кустами. Антилопа бежала прямо на них. Может быть, это была засада. Когда животное приблизилось к людям, за кустами раздался выстрел и вслед за ним отчаянный человеческий крик. Антилопа метнулась в сторону и пропала.

Крики за кустами повторились. Почувствовав неладное, я поспешил к месту происшествия. Возле кустов, размахивая руками, прыгал молодой парень. Рубаха и лицо его были забрызганы кровью. На земле валялось ружье с разорванной казенной частью. Я сразу все понял. Самопал, изготовленный местными кузнецами, разорвался в руках незадачливого охотника. Его товарищи помоложе разбежались и стояли поодаль, не смея приблизиться.

Надо было быстрее перевязать руки пострадавшего и доставить его в больницу. Но чем перевязать? До ближайшей деревни километра три. Да и есть ли там медицинский пункт? Действовать надо было быстро. Я снял майку, разорвал ее на полосы и стал бинтовать руки парня. Он полностью мне подчинился. Через десять минут я вез его в Бамако в больницу. Во время происшествия я не спросил ни имени охотника, ни названия его деревни.

Недели через три, захватив несколько книг, которые просил Драман, я вновь посетил Сананкороба. Каково же было мое удивление, когда на базарной площади, где жарят огромные шашлыки для проезжающих на Сикасо пассажиров, ко мне подошел потерпевший несчастье охотник. Одна рука его забинтована. Он улыбается, всячески выказывая свое расположение, что-то говорит односельчанам. Но объяснить непосредственно с ним мне не удастся, так как по-французски он не говорит, а мои познания в языке бамбара очень скудные.

Наконец появляется Драман, от которого я узнаю, что парень, которому я оказал помощь, младший сын старосты. Зовут его Бубакар. Пока мы беседуем с Драманом, Бубакар куда-то исчезает. Возвращается он вместе с Умаром Кулибали, на лице которого я замечаю на этот раз больше простых человеческих чувств, чем официальности. Он приглашает меня и Драмана к себе обедать.

Часа через два мы сидим в хижине старосты. Для меня поставлена деревянная скамеечка, все остальные сидят на разостланных циновках. Кроме Умара и его сыновей здесь присутствуют еще несколько пожилых крестьян. Женщины вносят большое блюдо с жареными курами и рисом. Умар засучивает рукава своего бубу и деловито перемешивает руками мясо и рис. Затем, показывая мне пример, берет кусок мяса в одну руку и горсть риса в другую. Следующим должен выбрать кусок я. Рис сильно наперчен, так что, несмотря на поскрипывание песчинок на зубах, я не жалею на отсутствие аппетита. Обед заканчивается процедурой омовения рук в тазу, которая начинается с главы семьи.

Так благодаря случаю я стал чаще бывать в доме Умара Кулибали и узнал от него немало интересного об истории и жизни деревни. Умар рассказал, что де-

ревня Сананкороба была основана в конце XVII века охотником Дау Кулибали. Дау поставил в этих местах хижину, потому что здесь было много дичи. Затем к нему пришел младший брат, чтобы помочь в охоте, но основным его занятием было земледелие. Постепенно к Дау пришли и другие родственники, появился здесь и кузнец. Так возникла деревня, в которую заходили бродячие торговцы *диула*, продававшие соль, ткани, орехи кола.

Со временем в деревне поселились представители других родов. Теперь в Сананкороба более шестисот жителей. Здесь есть базар, куда каждую среду собираются крестьяне пяти окрестных деревень. Для каждой деревни отведено особое место. Рынок играет большую роль в хозяйственной жизни деревни. Крестьяне продают здесь излишки своей продукции, чтобы иметь деньги, необходимые для уплаты налога и брачного подарка родителям невесты в случае женитьбы сына.

Умар рассказывает историю возникновения этого рынка, которая относится к 1880 году. Божества, покровители деревни, называли жертвы, которые должны были обеспечить процветание и постоянство торговли. Кроме того, надо было положить небольшое количество золота в четыре угла будущего рынка. До прихода колонизаторов платежным средством были раковины каури, большинство сделок совершалось путем прямого товарообмена.

— Правда, — вздыхает Умар, — с появлением асфальтовой дороги и автомашин деревенский рынок теряет свое былое значение. Торговля все больше начинает тяготеть к базарам Бамако.

Главная тема моих разговоров с Умаром — это деревенское хозяйство и уклад быта сельского населения.

Сельское хозяйство страны сохраняет в основном все черты, которые были характерны для него до появления европейцев. Деревня Мали по существу не знает частной собственности на землю. Ее делами управляет деревенский совет во главе со старостой. Староста обычно — самый пожилой мужчина из рода основателя деревни. Мне приходилось встречать больных и почти слепых старост, но этот пост сохраняется за ними до конца жизни. Деревенский совет состоит из глав больших семей и отдельных кварталов. Правда, в последнее:

Звуки балафона сопровождают молотьбу проса

время в него стали выбирать и молодых наиболее толковых мужчин. Драман познакомил меня с несколькими молодыми крестьянами, которые окончили сельскохозяйственные школы, называемые «центрами модернизации», где осваивали пахоту плугом, применение удобрений и средств борьбы с вредителями. Полученные знания они должны были на общественных началах передавать другим.

И все же беспрекословное повиновение старшим как в своей семье, так и во всей деревне — закон большой семьи. К кому бы из членов семьи вы ни пришли, приветствия всегда надо начинать с главы семьи сначала по мужской, а потом по женской линии. Таков обычай.

Чувство коллективизма и взаимопомощи, прививаемое с детства, очень развито у малайцев, наемный труд в деревне — явление редкое. Раз я был свидетелем коллективной молотьбы. Человек двадцать молодых ребят, выстроившись в ряд, длинными кривыми палками

молотили разложенные на ровном участке земли метелки проса. Еще издали, подходя к ним, я услышал азартные, подбадривающие крики. Сзади в тени дерева сидели трое стариков и наблюдали за работавшими. Возле них на земле стоял большой балафон с калебасными тыквами-резонаторами, на котором наигрывали двое крестьян. Молотьба шла под музыку. Никому не хотелось отставать, и дело спорилось, несмотря на полуденный зной и тучу пыли, висевшую над работавшими.

В Сананкороба я познакомился с основными орудиями труда малийских крестьян. В сезон дождей — период интенсивных сельскохозяйственных работ — основной фигурой на поле был крестьянин с мотыгой, изготовленной деревенским кузнецом. Форма и вес мотыги различались в зависимости от типа обрабатываемых земель и характера выполняемых работ. Для вскапывания мягких земель применялась так называемая большая *даба* весом 2—4 килограмма. Это мотыга со слегка загнутыми внутрь краями, насаженная под углом на короткую рукоятку. Взмахивая большой дабой над головой, крестьянин вскапывал свое поле. Работа дабой требует много сил и очень изнурительна. Для подготовки лунок при посадке, при прополке и повторном вскапывании применялась легкая даба. Урожай проса крестьяне срезают ножом, серпы используют при сборе урожая фоню. Коса в Сананкороба неизвестна.

У каждой деревни есть ближние и дальние поля. Возле деревень расположены небольшие поля, на которых выращивают арахис, кукурузу, гомбо, баклажаны, сажают папайю, манговые деревья. Здесь ведется интенсивное земледелие, применяются естественные удобрения. Эти поля никогда не бывают под паром. На них работают в основном престарелые члены больших семей, которые не могут ходить на дальние поля, расположенные иногда в трех-пяти километрах от деревни.

Земледелие в Мали примитивное — подсечно-огневое. Однако крестьяне не ведут кочевого образа жизни. Вновь осваиваемые участки чаще всего бывают не целиной, а залежью, которую легче расчистить.

На возделываемых участках крестьяне применяют чередование культур. В первый год на поле воз-

Метелки проса связывают в пучки и сушат на воздухе

дельвают просо или хлопчатник, во второй — высевают арахис и просо в смеси, в третий — смесь сорго и кукурузы.

Не имея возможности возделывать большие площади, крестьяне добиваются максимальной плотности посевов на одном и том же участке. При этом они так подбирают растения, чтобы те не мешали росту друг друга, а по возможности и помогали. На мой вопрос об удобрениях староста отрицательно качает головой.

— Скота у крестьян мало, и он круглый год в саванне, а привозные удобрения крестьянам не по карману. Если у них и появляются деньги, то они их тратят на что-нибудь другое. Сейчас все хотят иметь побольше денег. Именно деньги породили непокорность старшим, нежелание молодежи работать в деревне, ее стремление уйти от большой дабы в город.

Вопрос о внутренних противоречиях в большой семье был для меня не новым. Об этом я слышал и на студенческих дискуссиях и от Драмана. Эти противоречия связаны с усилением экономической самостоятельности младших членов семьи и стремлением их к личной свободе.

Внутри большой семьи уже давно существуют малые семьи, состоящие из женатых сыновей и младших братьев патриарха. Малые семьи получают от главы семьи участки, которые обрабатывают в свободное время, когда нет работы на коллективном поле.

— Чтобы не подрывать единство большой семьи, вначале на полях малых семей запрещалось сеять арахис, хлопчатник и другие основные культуры, которые возделывала большая семья, — рассказывает староста. — Но жизнь оказалась сильнее. Колониальные власти требовали подушный налог деньгами, а не натурой. Брачный выкуп за невесту также стали платить деньгами. Появились велосипеды, фабричная обувь и одежда. Так на полях малых семей тоже появились арахис и зерновые. Малые семьи стали выступать конкурентами больших семей.

Теперь в дни работ на коллективном поле пища готовится из запасов большой семьи. В дни, когда малые семьи работают на своих полях или приглашают гостей, они питаются из своих собственных запасов.

Второй удар по устоям большой семьи нанесло отходничество. Чтобы добыть деньги, необходимые для хозяйства, патриархи разрешали молодым крестьянам уходить на работу в города. Когда эти крестьяне возвращались в деревню, они начинали тяготиться властью патриарха, стремились завести свое хозяйство, не хотели отдавать патриарху всех заработанных денег, уходили на заработки без его позволения.

— Вот так и мои сыновья,— говорит Умар,— ходили на заработки, да так и не вернулись.

После разговора с Умаром Кулибали я вспомнил беседу со старостой другой деревни. Это был 72-летний старик со слезящимися глазами. Он одиноко жил в своей хижине, и все его имущество, по его словам, состояло из одной козы. Жена умерла, а большинство детей разъехалось по городам. Бывший патриарх жил в страшной бедности.

Я не раз слышал о «конфликте сознания» между молодым и старым поколением. Суть конфликта в разном понимании задач, стоящих перед сельским хозяйством. Старики стоят за следование традициям предков, неизменность методов производства, сохранение коллективного начала и общинного хозяйства большой семьи. Всякие новшества они считают идущими извне, чуждыми африканскому обществу.

Молодежь же стремится к коренным экономическим переменам, скорейшей модернизации деревни. В этом она видит единственный путь преодоления отсталости страны, однако задачу преобразования деревни молодежь намерена решать путем убеждения стариков в необходимости перемен.

— Главный метод убеждения стариков — практический показ преимуществ нового,— говорят выпускники сельскохозяйственных школ, получившие в кредит по плугу и паре волов.— Для этого надо много плугов, волов, тележек для перевозки зерна. А у нас в деревне нет даже ослов. Доходы крестьян слишком малы для нового инвентаря.

Речь заходит о механизации сельского хозяйства. В условиях Мали вопрос этот сложен. Дорого горючее, покупаемое у капиталистических нефтяных монополий, слаба ремонтная база. Да, решение задач, стоящих перед малийской деревней,— дело не простое.

Утро для женщины начинается с работы на семейной «мельнице»

Кус-кус

После трапезы у старосты я стал проявлять большой интерес к малийской кухне. Мне хотелось знать не только названия блюд, но и способы их приготовления. При очередном посещении Сананкороба я высказываю Драману свое пожелание.

- Ты хочешь попробовать малийскую еду?
- Да.
- Но ведь ты воду редко пьешь в деревне.
- Я привык к кипяченой воде.
- Что ты хочешь пробовать: *кус-кус* или *то*?
- Оба блюда.

Драман задумывается.

— Я холостяк, столуюсь у хозяев. Но погоди.

Он встает и направляется в другую половину дома. Там живут хозяева. Через несколько минут вслед за

Драманом входит худой малиец лет пятидесяти. Это Иса Конате, хозяин дома. С ним мы уже знакомы.

— Иса во французской армии был поваром у офицера, даже в Алжире был. Теперь работает поваром у француза в Бамако. Может быть, он тебе поможет.

Однако, узнав, в чем дело, Иса отказывается.

— В шесть утра я уезжаю в Бамако. Туда полтора часа езды на велосипеде. В половине восьмого хозяину надо подать завтрак. Вечером, пока не накормишь ужином, тоже не уйдешь. Кроме того, здесь я на кухню не заглядываю. Когда мужчин женят, им говорят в напутствие, чтобы они не совали нос на кухню.

— Хорошо,— говорит Драман,— тогда попросим хозяйку.

Через четверть часа вопрос согласован с Хауой, хозяйкой дома. Она обещает завтра покормить нас кус-кусом. В тот же день я вижу, как дочери Исы — Фанта и Даме — несколько раз промывают в калебасах просо, высыпают его на циновку, сушат, выбирают камешки. На следующий день Фанта и Даме с утра толкут просо, поочередно опуская песты в ступу. Для кус-куса просо надо толочь три раза: первый раз для того, чтобы отделить зерно от несъедобной шелухи. Отруби удаляют путем провеивания. После второго раза через сито отсеивают мелкую крупу. Остальную крупу толкут в третий раз. Кус-кус будет тем лучше, чем мельче крупа. В Бамако я видел несколько мельниц с электрическим приводом, принадлежащих частным лицам. Но большинство хозяек предпочитает толочь просо вручную. Так дешевле и не надо никуда ходить.

Затем Хауа разожгла огонь под большим глиняным горшком с водой. Когда вода закипает, она ставит на горшок кастрюлю с крупой. Кус-кус варится на пару. Хауа добавляет коровье масло и сыплет из узелка темный порошок.

— Что это?

— Толченые листья баобаба,— говорит Драман.— Они придают крупе клейкость. Иначе она будет рассыпаться, как песок.

Тут я узнаю, что малийская кухня использует сушеные и зеленые листья баобаба, маниоки, фасоли, гомбо, батата. Они применяются для приправ, соусов и употребляются в свежем виде.

Рядом на огне стоит кастрюля, из которой идет пар с приятным запахом. В ней варится соус, с которым едят кус-кус. Драман рассказывает, что соус делают либо из мяса, либо из сушеной или копченой рыбы. Если их нет, то соус приготавливают из *сумбала* — горошин из стручков дерева пере. Они придают соусу остроту и содержат много протеина. Существует много способов приготовления соуса. В него добавляют лук, красный и зеленый перец, баклажаны, помидоры, масло карите, пасту из арахиса, капусту.

Драман говорит, что сегодня будем есть кус-кус с мясным соусом. Он купил баранью ногу, так как при варке соуса должно быть много костей. Хозяйка положила в соус для запаха кусок рыбы-собаки.

В половине пятого начинается обед. Хауа расстилает циновки в тени навеса, устроенного на высоких шестах. На крыше такого навеса крестьяне обычно сушат хлопок, арахис, кукурузу. Днем в его тени отдыхают мужчины. Драман приглашает к трапезе двух сыновей хозяина и его племянника. Хозяйка ставит на циновку расписанную яркими цветами миску, наполненную сероватой кашей. Посредине миски в каше сделано углубление, в которое налит ароматный соус.

Мужчины ложатся на бок, так, чтобы правая рука у них была свободна. Драман следует их примеру и предлагает мне начать трапезу. Ложек нет, вилок малайцы не употребляют. Хауа что-то слышала о том, как едят европейцы, и положила возле меня галама вместимостью стакана в полтора. Для кус-куса галама непригодна. Буду обходиться без ложки. Беру рукой кашу, макаю ее в соус и отправляю в рот.

Кус-кус без соуса был бы, конечно, суховат, а соус великолепен. Такого аппетита у меня еще не бывало. Драман посмеивается, глядя, как я быстро двигаю рукой. Вероятно, я не отстаю от братьев Конате, хотя и неудобно есть без ложки. Вскоре младший брат Конате тщательно вычищает согнутым пальцем остатки пищи в миске. Драман говорит, что кус-кус с мясом бывает только по праздникам. Едят кус-кус также с молоком и сладкой водой. Иногда кус-кус сушат. В высушенном виде он сохраняется месяцами, и его берут с собой, когда отправляются в дорогу.

Еду малайцы-мусульмане обычно запивают несколь-

кими глотками воды. Но сегодня в семье Конате как бы внеочередной праздник. Хауа протягивает мне полную калебасу праздничного розового напитка из имбиря. Напиток приготовлен для всех, но первым должен пить гость. Я видел, как Фанта очищала корни имбиря от кожуры, резала на мелкие куски, толкла их, клала в воду, затем процеживала сок через материю. В напиток добавляют сок лимона и сахар. На базарах в Бамако девушки продают этот напиток со льдом.

Когда трапеза мужчин подходит к концу, начинают усаживаться женщины семьи Конате. Отдельно обедает Хауа с внуками — детьми женатых сыновей. Я спрашиваю Драмана, почему женщины едят после мужчин.

— Они должны обслужить мужчин, потом есть сами. Таков обычай. Кроме того, женщины могут стесняться есть в присутствии мужчин. Когда в семье одна жена, она обедает одновременно с мужем, только она располагается рядом с дочерьми, а муж — с сыновьями.

В следующую субботу я пробую второе национальное блюдо, называемое *то*. Оно заменяет малийцам хлеб. *То* приготавливается из проса и имеет вид густой плотной каши. Вместо листьев баобаба Хауа добавляет в кастрюлю немного соды. Благодаря соде *то* становится вязким и лучше сохраняется.

То, как и кус-кус, едят с соусом. На этот раз в соус положено очень много перца.

Я мог приезжать к Драману только по субботам во второй половине дня, потому что с утра мы оба были заняты. Но однажды мне неожиданно пришлось заночевать в деревне. Было начало июня, и к вечеру разыгралась тропическая гроза. Мы сидим с Драманом при свете керосинового фонаря и слушаем, как гром старается раздробить небо на тысячи кусков. Порывы ветра и дождевые потоки неумолимо хлещут по глиняным стенам. Возле дверей по стене расползаются темные пятна от проникшей воды.

Я несколько раз выглядываю на улицу. Не видно ни зги. Отблески молний вырывают из тьмы согнутые ветром деревья, силуэты хижин. Дождь продолжается почти всю ночь. Драман приносит для меня бамбуковый топчан и одеяло от хозяина, который уж все равно не вернется из Бамако. Мы укладываемся и вскоре засыпаем под шум дождя и грома.

В воскресенье встаем довольно поздно. Земля успела немного просохнуть, хотя глина еще не затвердела. Мужчины Конате уже в поле. Хауа приветствует нас, ставит на стол эмалированную миску с жидкой кашей и кладет галеты. У каши кисловатый вкус.

— Это *мони*,— говорит Драман.— Ее готовят из проса или сорго. При варке в воду добавляют сок лимона, сахар или молоко. Сегодняшнее мони с лимоном. Мони едят на завтрак, а также дают детям и выздоравливающим.

Без ложки мони есть нельзя. Хозяйка приносит нам две галамы, из которых горячую кашу приходится отпивать.

От Драмана узнаю, что малийцы едят три раза в день. Завтракают на рассвете и едят мони, галеты, но очень часто разогревают остаток ужина. Обед бывает в два часа дня и состоит, как правило, из то, а в городской среде в зажиточных семьях — из риса. На ужин, который начинается поздно, готовят кус-кус. Основу питания составляют зерновые: просо, сорго, фоньо, кукуруза, рис. Рис больше распространен в средней дельте Нигера.

— Ну а мясо? Ведь в стране много скота.

— Мяса малийцы едят мало, особенно в деревне. Оно дорогое. Исключения бывают в праздники и при ритуальных церемониях. Даже в сахеле, основной скотоводческой зоне, потребление мяса невелико.

— Почему?

— Кочевники испытывают отвращение к убою своих животных. Они продают их только в особых случаях, таких, как уплата налога, праздник, женитьба. Поэтому кочевник может иметь много скота, но мало денег.

Эти слова мне напомнили недавнюю дискуссию в Административной школе. Выступал видный общественный деятель Мамаду Сарр. Говорил он о животноводстве:

— Нам надо развивать товарное животноводство — мясное, молочное. И надо преодолеть старое представление о скоте. Как смотрит фульбе на своего быка? Как на брата. Он не хочет с ним расставаться.

Слова оратора потонули в возгласах одобрения и аплодисментах. Но смысл их стал ясен для меня только сейчас.

— Кроме того,— говорит Драман,— у отдельных этнических групп и религиозных общин есть временные запреты на некоторые виды пищи при беременности или болезни. Так, беременные женщины остерегаются есть мясо зайца и кролика, чтобы уберечь детей от истерии и припадков. В ряде мест осуждается употребление свежего молока и рыбы сома, которые считаются переносчиками проказы. В некоторых районах не рекомендуется давать яйца детям немых, слабоумных, воров. Мусульмане не едят свинину.

По пути в Сананкороба я заезжаю иногда к Усени Кунаре, живущему в четырех километрах от Бамако. Познакомился я с этим крестьянином в один из жарких дней при возвращении из дальней поездки. Мучила жажда. Недалеко от дороги в поле работал пожилой мужчина, и я направился к нему, с надеждой поглядывая на жестяной чайник, какие крестьяне обычно берут в поле. Но в чайнике ничего не оказалось. Был уже полдень, и Усени собирался домой. Жил он недалеко, и я пошел к нему, чтобы напиться. Узнав, что я из Советского Союза, Усени обрадовался. Он рассказал мне, что в Ниоро, где раньше жила его семья, он лечился у советского доктора Жоржа. Я сразу понял, что речь идет о Георгии Александровиче Леонове.

Теперь Усени перебрался поближе к столице, надеясь подыскать работу, но до сих пор не удалось найти ничего подходящего. Пока что родственник, богатый торговец из Бамако, пустил его на свою землю, где с помощью наемных батраков выращивал манго, просо и картофель на продажу.

Около хижины я увидел жену Усени, его двух дочерей и трехлетнего сына. Всего у Усени было восемнадцать детей, но теперь осталось только трое. Мальчик, по-видимому, тоже болел. Он был невесел, часто клал голову на колени матери, начинал беспричинно плакать.

Кунаре принадлежали к народности хасонке. Я обратил внимание на три поперечные полосы татуировки под глазами женщин. Это был знак рода. Усени хотел устроить старшую дочь на работу, но это было трудно. Кроме того, никто из женщин не знал французского языка. Семья Усени была проста, симпатична, и я искренне сочувствовал ей.

Однажды Хауа, жена Исы Конате, угостила нас запеченной в золе замечательной сладкой маниокой. Корнеплоды — батат, иньям, таро и особенно маниоку — едят либо в вареном, либо в жареном виде. Печеная маниока оказалась не хуже свежей. Свежую маниоку я впервые попробовал на территории государственного сельскохозяйственного предприятия «Оффис дю Нижер», расположенного в средней дельте Нигера.

Дорога шла по берегу неширокого и неглубокого канала с крутыми песчаными берегами. Возле деревень женщины стирали белье. Мужчины бросали в воду наметку, пытаясь поймать дремлющую в иле рыбу. За машиной тянулся тяжелый шлейф пыли. Очень много песка. Я читал официальные малийские документы, в которых говорилось, что в этих песках белеют кости тысяч малийцев, согнанных сюда колониальной администрацией для освоения этого в прошлом дикого края. Люди погибли от чрезмерного труда, плохого питания, болезней, побоев.

На дороге было много людей. Мы все время обгоняли навьюченных ослов, волов, тянувших легкие двухколесные тележки. Но большинство людей несли свой багаж на голове. За поворотом открылся обширный базар, куда, вероятно, сошлись крестьяне из многих деревень. Видны верблюды — здесь недалеко Сахара.

Мы вышли из машины и направились в торговые ряды в надежде найти бутылку фруктовой или газированной воды. Не тут-то было. Никто не повезет этот товар из Бамако в сахель. На земле лежали веретенообразные шершавые розовые корни маниоки длиной 20—40 сантиметров. Ими торгуют женщины. Я знал, что столовые сорта молодой маниоки можно есть в свежем виде.

Выбираю несколько корней маниоки и протягиваю женщине деньги. Она сама берет, сколько ей нужно. Теперь мы снова в машине. Счищаем ножом кожуру и утоляем жажду сладковатым соком хрустящего корня.

Второй раз я увидел маниоку на сельскохозяйственной выставке, которые каждой весной устраивают в Бамако. На земле широким снопом были выложены крупные корни этого растения, а поверх них поставлен огромный корень маниоки с многочисленными отростками, отходившими вниз от центрального ствола. В нем

На границе с Сахарой часто встречаются вооруженные длинными мечами кочевники-туареги

было не меньше 20 килограммов. Чтобы корень не упал, его придерживали мужчина и женщина.

В условиях Мали маниока дает 160 центнеров с гектара и не требует специального ухода. Маниоку отличает высокое содержание крахмала, спирта, ацетона. Тапиока — крупа из маниоки — пользуется большим спросом, но пока ее привозят из соседних стран.

Проходя по базарам Бамако, я круглый год вижу сложенные на земле темные, очень похожие на артиллерийские снаряды корнеплоды. Длина их около полуметра, вес 2—5 килограммов. Это иньям, нечто вроде картофеля.

С иньямом у меня связано несколько комических историй. Я захотел сфотографировать этот огромный корнеплод так, чтобы его держал африканец. Но мне долго не удавалось этого сделать из-за привередливости торговки.

Поскольку иньямом торгуют только женщины, то, естественно, я обращаюсь к одной из них с вежливой просьбой сфотографировать ее с плодами. Торговка некоторое время раздумывает и как-то нехотя соглашается. Она встает и берет по моей просьбе самый крупный корень иньяма. Но только я поднимаю фотоаппарат, как торговка садится. Я недоумеваю и опять начинаю ее уговаривать. Торговка слушает и кивает. Снова поднимаю фотоаппарат — и все повторяется сначала.

В следующий раз я подхожу к торговкам с дежурящим на рынке полицейским, который начинает их уговаривать. Поначалу дело вроде налаживается. Но как только я беру фотоаппарат, согласие торговки превращается в решительное «но».

Отчаявшись получить фотографию на овощном рынке, я стал ездить на другие базары. Иньям на них был мельче, но и там я не добился успеха. Я уже стал терять надежду получить жившую в моем воображении фотографию, как вдруг однажды во время моего разговора с торговками ко мне подошел один из моих студентов — Эмиль Даку. Я рассказал ему о своих неудачах. Даку говорит несколько фраз на бамбара торговке и на время становится хозяином иньяма. Теперь можно сделать любую фотографию: у большой кучи иньяма, у весов, стоя, сидя, как угодно. Так я и запечатлел Эмиля Даку

Торговец бататом

в качестве продавца корнеплодов. В это время хозяйка иньяма с безразличным видом смотрит куда-то мимо нас и с особой тщательностью полирует свои зубы разжеванной на конце палочкой лофиры.

Манго, или «спор» по политэкономии

Освоившись в Мали, я все чаще вспоминаю важного администратора мотеля, который в первый же день моего приезда хотел поспорить со мной по вопросам политэкономии. И вот я еду в мотель. Сиси Геди сидит за столом и смотрит иллюстрированный журнал. Я напоминаю ему ячварский разговор. Сиси Геди не забыл его. Правда, тон его сегодня лишен той воинственности, которая удивила меня в первый раз.

Я ставлю ему маленькое условие: сначала он должен сказать, где изучал политэкономия. Сиси Геди говорит, что один советский преподаватель подарил ему учебник профессора Никитина на французском языке. Потом он ходил в местный кружок.

— По каким же вопросам вы хотите дискутировать?

— У меня есть несколько возражений. Никитин говорит, что человек должен работать, чтобы одеваться, обуваться, иметь жилище и пищу. Я согласен со всем, кроме пищи.

— Почему?

— Никитин не учитывает географическую среду. Вот вы, например, знаете манго?

Сиси показывает на высокие деревья с густой листвой, растущие во дворе мотеля.

— Да, знаю. Плоды его очень вкусные.

Разговор наш происходит в апреле, когда манговое дерево сплошь увешано слегка сплюснутыми темно-зелеными плодами, бока которых начинают желтеть.

— Кому принадлежат манговые деревья? Никому. Подходи, рви, ешь. Разве для этого надо работать?

— Эти деревья все же кто-то сажал, поливал. Вероятно, они числятся за мотелем.

— А те, что растут в саванне, по берегам рек, на улицах города? У них нет хозяина. Они плодоносят много месяцев.

— Допустим, что это дар природы. Но человек не может питаться лишь плодами манго.

— Есть и другие фрукты.

— От собирательства люди не случайно перешли к земледелию и промышленности.

С этим Сиси Геди согласен.

Я знал, что малийцы очень любят манго и на бесхозных деревьях начинают их обрывать еще зелеными. К этому их толкают и высокие базарные цены. В саванне, особенно по берегам речушек в окрестностях Бамако, действительно встречаются небольшие рощи могучих манговых деревьев, которые щедро одаряют желающих золотистыми плодами. Вероятно, они были посажены жителями существовавших здесь некогда деревень. В окрестностях Бамако имеются частные плантации манговых деревьев, созданные для коммерческих целей.

В Мали растет несколько сортов манговых деревьев. В феврале начинают плодоносить так называемые дикие манго, дающие небольшие плоды, приторные на вкус. В марте появляются более крупные манго другого сорта. По величине они равны большой картофелине. Если очистить плотную кожуру, то под ней окажется светло-оранжевая мякоть, пропитанная ароматным соком. Внутри плода имеется крупная косточка.

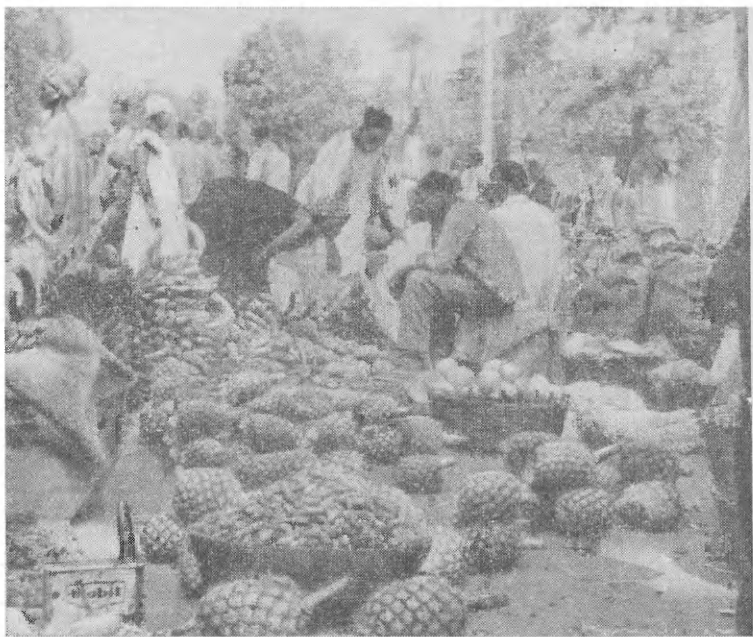
С начала апреля на базарах становится тесно от тяжелых, величиной с небольшую дыню, буро-зеленых и золотистых плодов. Это созрели королевские манго — так называют культурный сорт манго, выращиваемый на плантациях. Вес плодов королевского манго 300—400 граммов. У королевского манго кожица настолько тонка, что плоды можно есть, не срезая ее. Косточка очень маленькая, а мякоть необычайно толстая.

Манго никогда не надоедает. Вкус манго очень своеобразен. Это целый букет — вы ощущаете и сладость, и кислоту, и что-то острое, и в то же время нежное, приятное, освежающее. Манго быстро портятся, и в свежем виде их можно вывозить только на самолетах.

После постройки с помощью Югославии консервного завода в Багинедде из плодов манго стали делать сок и компоты. Таким образом, плоды манго приобрели промышленное значение, что потребовало создания плантаций этих полезных и неприхотливых деревьев. Возле Багинеды созданы также плантации ананасов и бананов.

Дынное дерево папайя плодоносит круглый год

Базар в Сикасо

В споре Сиси Геди упоминает и дынное дерево папайю. Папайя — невысокое деревце, встречающееся на крестьянских огородах, — настоящий конвейер свежих плодов. Почти круглый год они лежат на базаре. Зрелые плоды папайи по виду и вкусу напоминают дыню. Они сладковаты, ароматны, в жаркую погоду хорошо освежают.

Бананы также не переводятся на базарах круглый год. Правда, для них климат Мали суховат. Их выращивают вдоль рек, но основные производители бананов — южные районы Мали и соседние с Мали страны с более влажным климатом.

Случайно я наткнулся в Бамако на банановый оптовый рынок. В конце одной из улиц близ Нигера я заметил островерхие крыши деревенских хижин. Деревня в столице? Еду туда и вскоре оказываюсь среди рядов примыкающих друг к другу четырехугольных хи-

жин, стены которых сделаны из плетеных матов. В каждой из них лежат большие кучи дозревающих бананов, слегка закиданные сухой травой и листьями. Перед хижинами стоят весы и сидят степенные торговцы. На краю рынка молодые подручные разгружают огромный грузовик с тяжелыми зелеными кистями бананов. Каждая кисть весит килограммов 8—10. Бананы укладывают на большие весы, взвешивают и уносят в плетеные склады, где они дозревают за 3—4 дня.

Ежедневно с утра к оптовому базару тянутся вереницы торговков с широкими плоскими тазами на голове. Здесь они закупают бананы на вес, а перепродают поштучно. Разница составляет их доход.

В столицу бананы, апельсины и ананасы привозят из Сикасо. Торговцы, имеющие машины, скупают их там оптом. Во время одной из поездок по Мали мне пришлось побывать в этом самом южном городе Мали. Сколько же здесь фруктов! Сезон ананасов начинается в мае. В базарные дни ананасами завалена вся земля. Бананы, по существу, ничего не стоят. Вы берете себе понравившуюся кисть килограммов на семь-восемь, а хозяин бежит следом и тащит вторую, говоря, что вы заплатили за две. В Бамако цены на бананы и ананасы во много раз выше. Все дело в транспорте. Железной дороги между Бамако и Сикасо нет, хотя их разделяет всего 350 километров.

НАРОДНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

На представлении деревенского театра

Слышу ритмичные удары:
Работают руки, работают руки —
Темно-коричневые искры...
Рассыпаются барабаны!
Работают руки, работают руки —
Пальцы, беременные громом,
Черную молнию вырубает.
Спины, вспотевшие от танца,
На губах — звездопад улыбок*.

(Гаусу Диавара)

В городах Мали нет театров с регулярными представлениями по определенной программе. Но у народов Западной Африки издавна сложились свои оригинальные формы театрального зрелища, в которых переплетаются лирическое, эпическое и драматическое начала. Все выступления сопровождаются музыкой. Музыка сопутствует всем обрядам, празднествам, развлечениям, ритуальным пляскам, различным видам труда.

В Мали существует своеобразный деревенский театр, где после музыкальных выступлений разыгрываются комедийные бытовые сцены, пантомимы, смеющиеся общей пляской. В целые театральные представления развертываются праздники охотников, кузнецов. Особый характер носят выступления гриотов, которые свой рассказ сопровождают жестами, мимикой. Выступления балета и музыкальных ансамблей глубоко эмоциональны и пользуются огромной популярностью у зрителей. После захвата Западной Африки христианские миссионеры и колониальные власти стара-

---

* Перевод М. Курганцева.

лись ослабить влияние традиционного искусства и усилить воздействие колониальной пропаганды. С этой целью в учебных заведениях ставились спектакли на французском языке силами малийцев, получивших европейское образование. И сейчас публика охотно ходит на представления французского театра, который изредка появляется в Бамако, но это несколько не ослабляет тягу к национальному искусству. В настоящее время в Мали существует несколько государственных ансамблей, которые завоевали широкое признание.

Побывать на представлении деревенского театра было давним моим желанием, однако осуществить его оказалось далеко не просто. Некоторые европейские журналисты до сих пор тенденциозно описывают жизнь и быт африканцев, поэтому местные жители не любят, когда на их праздниках присутствуют незнакомые европейцы. На деревенское представление я попал по приглашению студентов Мамаду Ниэре и Уалеге Диарра. Мы должны были приехать в Уадугу-Сигоро — так называлась деревня, находящаяся примерно в 30—35 километрах от Бамако, — не позднее 5 часов пополудни. Мамаду Ниэре, ехавший с нами, сказал, что нас будет ждать вся деревня. Это было 10 апреля, в день праздника Табаски.

Примерно половину дороги едем по едва заметной пешеходной тропе, усыпанной коричневыми камнями величиной с человеческую голову. Уадугу-Сигоро раскинулась в долине, поросшей высокими желтыми травами. Из-за высокой травы трудно было определить величину деревни. Нас действительно встречали. Человек 20 подростков и детей ждали, не приближаясь, пока мы поставим машины и заберем из них свои вещи: фотоаппараты, кинокамеры, магнитофоны.

Вступление в деревню и весь путь по ней до дома Бакари Ниэре, брата Мамаду, сопровождалось рукопожатиями. По правилам малийского этикета здороваться надо начинать со старших. Старики — их человек семь — сидят на земле возле одной из хижин спиной к стене. Вся их поза выражает неторопливость, достоинство, сдержанность. Поскольку мы приглашены молодежью и, может быть, не совсем по воле стариков, они в разговор с нами не вступают.

Во дворе хижины Бакари Ниэре для нас пригото-

лены скамейки. Тут же и Уалеге Диарра, который рассказывает, что среди жителей есть мусульмане и фетишисты, но сегодняшние танцы не религиозного характера, а просто чтобы повеселиться по случаю праздника.

Тут же во дворе происходит обмен дарами. Мы преподносим хозяину полмешка риса. В ответ нам приводят молодого козленка и передают большую корзину папайи и бананов. Бакари и Мамаду ведут нас познакомиться со своими родителями, живущими метрах в тридцати от хижины Бакари. Затем они представляют нас танцорам, музыкантам и хористам в одном из двориков. Обращаю внимание на танцора в маске. На нем коричневая широкая рубаша и суженные книзу штаны. Вдоль одежды висят длинные беловатые волокна сизаля с красными поперечными полосами. На голове танцора деревянная, расписанная красным и белым маска с четырьмя рогами, длинным носом и толстыми красными губами, выражающая обиду и недовольство.

Молодой парень настойчиво увлекает меня куда-то в сторону и говорит, что надо сфотографировать его старшего брата. Иду за ним, но никого не вижу. Вдруг из-за глинобитной стены, распугивая детей, на нас устремляется нечто подобное злему деревенскому быку, с красно-белой мордой и загнутыми подковой рогами. Только бык этот постоянно припадает на немощные деревянные передние ноги, и голова его сзади затянута платком. Судя по реакции женщин, которые защищаются от нашествия быка, маска эта не из добрых.

Во всю длину деревенской площади слева возвышается большой навес с толстой крышей из могучей травы. Это «место мудрости», где заседает деревенский совет. Сегодня здесь расположились молодые женщины, девушки. Подальше сидят дети. На противоположном от нас конце площади врыто в землю несколько столбов, на которых лежат бревна. Здесь отдыхают старики в прохладное время.

Вся площадь плотно окружена зрителями: подростки, дети, женщины. Стариков не видно. Трое мужчин настраивают тамтам — сушат кожу на огне для лучшего звучания. На площади появляются две высокие девушки в юбках и темно-синих трикотажных кофтах с короткими рукавами. В руках у них музыкальные ин-

Вот появились артисты и солистки. Сейчас начнется представление деревенского театра

струменты — гиты. Это половинки калebasы, обтянутые снаружи свободно висящими бечевками, на которых в три ряда укреплены белые раковины каури.

Вот девушки мелодично запели. Им вторит женский хор. Гиты взлетают вверх, затем влево и вправо, издавая шуршащие звуки, похожие на шум тропического ливня. Затем вступают тамтамы, и звучит уже слаженный музыкальный ансамбль. Африканская музыка легко воспринимается, быстро создает приподнятое настроение. Я не раз видел, как при звуках тамтама майлицы непроизвольно начинали пританцовывать.

В круге появляются обиженная маска и злой бык, но они ведут себя спокойно. Вдруг врывается новая большая маска. Вероятно, эта маска — главная, потому что остальные кидаются спасаться. Хромая маска со злым лицом забила под бревна и там притихла,

растянувшись на земле, в дальнем углу спряталась обиженная маска.

В стремительном, жизнерадостном танце мечется по кругу главная маска с красными глазами, красными губами, очерченным, как у человека, ртом и длинным прямым носом. Деревянная серая голова маски с оскаленными зубами и длинными ушами напоминает лошадину. Но Уалеге говорит, что маска не олицетворяет какого-либо конкретного животного. На груди и спине у главной маски белое полотнище с красными и голубыми полосами, обрамленное внизу густой, длинной, ниспадающей до земли бахромой наподобие мочала.

Вот вихревой танец маски захватил и злого хромого быка, который ловко втыкает в землю свои тонкие деревянные передние ноги-палочки, и обиженную маску.

Почти вплотную перед зрителями маска вдруг останавливается, поворачивается спиной, и в толпу летят песок и земля. Дети с ревом удирают, женщины закрывают лица руками.

При обычных плясках под тамтам танцующие сменяются через каждые 2—3 минуты. Здесь же маскам приходится особенно тяжело. Главная маска часто дышит, рубаха на ее плечах почернела от пота. В руках у обиженной маски и злого быка появляются цветные платки, которые они бросают зрителям, в том числе и нам. Это означает вызов в круг. В африканском театре зрители могут стать и танцорами. За танцами масок следуют парные танцы девушек в синих кофточках.

Затем показывают свое мастерство деревенские тамтамщики, медленно двигаясь вокруг площади. Это мужчины и подростки. Их семь. Тамтамы разной величины. Первым спиной вперед выступает старший — в широченных, как у запорожского казака, штанах, перехваченных под коленями. Шествие тамтамщиков замыкают девушки в синих кофтах, аккомпанирующие на гитах. Затем хор девушек поет песню о своей родине, в которой часто повторяется возглас «О Мали!».

Медленно садится солнце за высокие желтые травы саванны, начинает накрапывать дождь, но никто не обращает на это внимания, праздник захватывает всех.

После отдыха главная маска исполняет коронный номер — пантомиму. Сюжет пантомимы прост, но, как говорит Уалеге, носит глубокий философский характер:

торжество жизни над смертью. После этого не осталось никакого сомнения, что под главной маской выступает не только великолепный исполнитель танцев, но и хороший актер. Измученная танцем — его можно понимать как трудовое напряжение человека — главная маска в изнеможении падает на землю. Постепенно затихают движения туловища, ног. Все слабее вращается ее голова; кажется, уже тускнеют большие красные глаза, которые во время танца лукаво блестели. Наконец, безжизненно вытянулись парализованные ноги и корпус, бессильно падает на бок голова.

Но вот издалека доносится тихое мелодичное пение двух молодых женщин с гитами. Их пение выражает, что жизнь прекрасна и за нее надо бороться. Лежащая маска поворачивает голову в сторону женщин, но голова падает. Женщины постепенно приближаются, голоса их становятся громче. Вот они останавливаются напротив маски. Красивая мелодия как бы зовет маску не уходить из этого мира. Трепетное движение проходит по всем членам маски. Слегка вздрагивает голова, кажется, чуть приоткрываются глаза, и рот еле заметно улыбается. Женщины поют, взмахивают гитами. Они помогают маске бороться за жизнь. На помощь приходит хор. И маска борется. Движения ее становятся увереннее. Вначале оживает голова, потом туловище, ноги. Маска делает несколько неудачных попыток подняться. Наконец, полная сил маска под усиливающийся гром тамтамов начинает кружиться в радостном танце. Большая осмысленная голова ее смеется. Танцор великолепно владеет маской. Покачивание головы в такт движению, ее наклоны в стороны и назад, покачивание ушей, потряхивание кудрями создают впечатление смены выражений на лице маски.

Теперь снова все танцуют. В круг врываются мальчишки лет 7—8, но их тут же прогоняют. В танце участвуют и пожилые женщины, у некоторых за спиной покачивается ребенок. Пляшут зрители.

Разгневанный бык с загнутыми подковой рогами продолжает наскакивать на толпу. Летит из-под его задних ног земля, режут, разбегаясь, дети.

Но вот фиолетовая туча затопила небо. Рванул ветер, полил дождь. Мы стали прощаться и заторопились к своим машинам. Зрители и актеры идут нас

Первым, кого я увидел на празднике охотников, был колдун

проводить. Одна из машин никак не хочет заводиться. Наши новые друзья стараются помочь чем могут. Подходят даже старики, которые не выдержали своего нейтралитета. В руках у них фонари. Наконец все улаживается. Мы медленно едем по глинистой раскисшей земле саванны...

Праздник охотников

В Административной школе была организована лекция «Великие охотники Мали». Это был, по существу, праздник охотников, но устроенный для студентов Бамако. По поводу этой лекции газета «Эссор» писала: «Необходимо, чтобы малийцы, и особенно молодежь, освободились от влияния буржуазной колониалистской культуры и открывали основы нашей цивилизации, сокровища нашего прошлого, богатого подвигами... Борьба за признание африканской культуры — благородная борьба».

Праздником охотников руководил мой старый знакомый Мамби Сидибэ. Родился он еще за 7 лет до завоевания Судана французами. За свою долгую жизнь он многое перевидал.

Лекция начиналась в 9 часов вечера. В это время совсем темно. У входа в школу я наткнулся на странно одетого человека. При свете далекого фонаря я разглядел на нем длинную коричневую тунику, расшитую снаружи полосами белых раковин каури. На голове у него была коричневая шапочка, также расшитая каури и отороченная с боков и сзади бахромой из тонких ремешков. В тунике и в феске были вшиты круглые и квадратные зеркала. Он носил белые штаны, свисающие мешком сзади и закрытые пластмассовые сандалеты. На мой вопрос, кто он, незнакомец ответил, что он колдун. Такой ответ меня несколько озадачил, но тут я увидел людей с длинными ружьями и догадался, что это охотники. О колдунах среди охотников я слышал еще раньше от моих студентов.

На асфальте возле входа в школу четырехугольником стояли стулья для приглашенных, в центре была оставлена площадка для выступающих. Вскоре из темноты появляются 34 охотника с длинноствольными ружьями за спиной. Они одеты в темные туники, пере-

поясанные кожаными патронташами, и в узкие белые с черными полосками штаны. На поясах висят охотничьи сумки и ножи. В руках у каждого длинный черный упругий жгут, заканчивающийся толстой кистью из рыжего волоса. Это талисман.

Впереди охотников идут шесть музыкантов. В руках у четверых *коры*. Кора — это музыкальный инструмент вроде мандолины, только с длинной декой. Его круглое основание составляет половина калебасы, обтянутая кожей. На высокой кобылке натянуто на разной высоте несколько нейлоновых струн. Двое музыкантов несут небольшие металлические стержни и полые трубки.

Когда охотники расселись, Мамби начинает рассказ. Он говорит об истории охоты в Африке, говорит, что охотники — первые герои предыстории, основатели деревень и городов, что многие известные цари бамбара, например Битон Кулибали, были охотниками. Мамби рассказывает о знаменитых охотниках, о том, как они выведывали секреты неуязвимости своих противников, о применении магии в борьбе или для обеспечения удачной охоты, о том, что успех охоты зависит от верности жены. Рассказ ведется в лицах, причем говорят не только охотник и его жена, но и животные: собаки, обезьяны. Подчеркивая историческую достоверность, Мамби называет деревни, реки, леса, где происходили события. То и дело возникают то роковые, то курьезные ситуации. Иногда Мамби замолкает, давая молодежи подумать, как поступить в той или иной ситуации. Рассказ пересыпан остротами, шутками, которые вызывают взрывы смеха и восторженные аплодисменты.

Затем выступающие показывают сценки из быта охотников и групповые танцы. Глуховато звучат коры, тихо позванивают стержни о трубки. Во время танца охотники ходят шеренгой, один за другим. Движения их медленны, два коротких шага одной ногой, два — другой. Танец сопровождается ружейными приемами и стрельбой над головами зрителей. Лица охотников бесстрастны, и зритель не знает, чье ружье выпалит следующим. Летят искры, зрителей окутывает дым. Размеренный коллективный танец сменяется легкой пляской музыкантов.

А Мамби говорит, как важно для молодежи быть смелым, не бояться диких зверей, знать жизнь саванны. Затем трое охотников ползут по земле, имитируя подкрадывание. Грохочут выстрелы, охотники вскакивают, добивают топорами раненое животное. После удачной охоты начинается победная пляска. Затем демонстрируется семейный танец мужа, жены и сына. Особенно легко танцует сын. Ноги его едва касаются земли, и весь он кажется невесомым.

Мамби рассказывает об основателе Бамако — знаменитом охотнике Ниаре, который больше всех убил диких зверей. Когда Ниаре появился в тех местах, где теперь стоит Бамако, здесь была маленькая деревушка. Возле слияния трех рек при их впадении в Нигер в болоте жило несколько свирепых кайманов. Они нападали на людей и скот. Особенно жестоким был самый большой кайман. Никто из охотников не мог его убить. Ниаре вступил в борьбу с кайманами и перебил их. Мясо кайманов он раздал жителям деревни. Очень вкусной оказалась спинная часть крокодилов. С тех пор деревушка стала называться Бамако, что на языке бамбара означает «спина каймана». Самый известный в настоящее время ресторан в Бамако, стоящий на берегу Нигера, называется «Три каймана». Его символ — три каймана, изображенные в разных позах.

Теперь выступают двое певцов и хрипылыми напряженными голосами долго прославляют подвиги, бесстрашие, ловкость, удачу других знаменитых охотников. Сзади них появляется огромный детина с деревянной палицей на ремне. Ударом этой палицы он мог бы оглушить и льва. Одет охотник так, что видны его могучие бицепсы. Демонстрируя свою храбрость, он берет пивную бутылку и, отбив горло, начинает зубами откусывать и дробить куски толстого стекла. Глухо звучит музыка, трещит стекло, текут струйки крови из уголков рта бравого охотника. Минут через 10 у него в руках остается только донышко. Праздник охотников продолжается до глубокой ночи.

Во время Недели молодежи я побывал на представлении артистического коллектива области Мопти. Каждое театральное выступление в Мали строится следующим образом. Перед началом и в антрактах скрытый от зрителя женский хор исполняет несколько пе-

Школьницы готовятся к Неделе молодежи

сен. Запевают два перекликающихся голоса — звонкий ближний и глухой дальний. Содержание песен: прославление своей страны, добившейся независимости; гимн труду как источнику удовлетворения и счастья; призыв африканцев к единству.

Затем следует сама пьеса. Та, которую я смотрел, называлась «Рвачи». В ней разоблачалось мошенничество лиц, окопавшихся в государственной торговой организации. После окончания пьесы исполняется несколько хореографических номеров.

Особенно очаровала всех игра на волынке пастуха-фульбе. Сначала волынка звучит в сопровождении тихого пения хора и всплесков ладош, затем хор замолкает и волынку сопровождают редкие хлопки в ладоши, небольшая гитара да глухие удары маленького тамтама. Под конец заунывный, тоскующий голос ее господствует над притихшим залом. Наверно, пастух поет о длинных переходах бесчисленных стад к воде, о зелени сахеля после первых дождей...

Однажды Гаусу Диавара пригласил меня на торжества в Национальный институт искусств. Здесь была организована выставка первых работ будущих художников и скульпторов. Затем посетителей приглашают на концерт студентов-музыкантов. Под открытым небом звучит музыка Брамса, Листа, Шопена. Исполнители держатся застенчиво, манеры и поклоны их угловаты. Но это первые шаги к освоению лучших образцов мирового искусства. Гаусу показывает собранные в институте музыкальные народные инструменты, говорит, что каждый из обрядов требует своего инструмента. При брачной церемонии применяются гита и *шабра* — конусообразная калебаса, обтянутая тонкой веревочной сеткой, в петлях которой укреплены каури. Выход мальчиков при обрезании совершается под стук вассамба. Танцы охотников сопровождают семиструнная кора и металлическая полая трубка со стержнем.

«Ниама» — легенда о Сундиате

Разговаривая со своими студентами, я не раз убеждался, что они очень интересуются прошлым своей страны. Картины старины оживают в легендах про-

фессиональных сказителей — гриотов. Особенно популярна легенда о Сундиате, царе средневекового государства Мали.

Содержание этой легенды мне попытался пересказать мой студент Ибраим Дьяките. Он старался настроиться на эпический лад гриотов, ведь «Ниама» — так называется легенда о Сундиате — не рассказывается, а поется под тамтам. Но это у Дьяките получилось плохо. Он понял, что поэма в его изложении не тронула меня.

И вот как-то вечером после праздника Табаски Ибраим Дьяките заехал за мной и сказал, что в квартале, где он живет, будет петь гриот. Это приглашение нельзя было не оценить: далеко не всех европейцев малийцы зовут на свои представления.

И вот мы на небольшой площади в африканском квартале. На земле стоит «летучая мышь». Возле фонаря на скамеечке перед тамтамом сидит старик лет шестидесяти в белом бубу. Вокруг много зрителей. При моем приближении люди расступаются, давая возможность поближе подойти к гриоту. Видимо, меня ждали, так как даже приготовили стул.

У старика морщинистое лицо, белая узкая, как приклеенная, полоска бороды протянулась через подбородок от одного виска до другого. На голове темный колпак. Он молчит. Почтительно поговорив с гриотом, Ибраим сообщает, что тот будет петь «Ниама». Я оглядываюсь: черная тропическая ночь плотно сомкнулась за спиной зрителей. Это преимущественно мужчины. К фонарю протиснулось несколько малышей, которые ведут себя очень дисциплинированно.

Вот пальцы старика начали вздрагивать на коже тамтама. Но лицо его кажется безразличным, взор обращен в темноту, куда-то вверх голов зрителей. Наконец гриот запел. Голос его то возвышается до крика, то ниспадает до шепота. Время от времени старик совсем замолкает, но его пальцы не перестают тихо тревожить тамтам. «Ниама» исполняется на бамбара, и Ибраим переводит мне ее содержание.

В давние времена жил могущественный царь Наре Фа Магана. Земли его были необозримы, богатства неисчислимы. Его солдаты, питавшиеся мясом львов, были храбры и выносливы. В знак уважения соседи ца-

ря часто навещали его, делали богатые подарки. Великолепны были дворцы царя, хранившие огромные сокровища. Но четыре жены его были прекраснее всех сокровищ. Среди них, как драгоценный камень, блистала самая молодая из жен — красавица Сикеджуку. Царь пылал любовью к ней, он хотел иметь от нее наследника, такого же сильного, смелого, умного, как сам, и такого же прекрасного, как красавица Сикеджуку. Мелание императора осуществилось. Сикеджуку родила мальчика, которого называли Сундиата. Он рос очень быстро и становился таким же мудрым, как и его отец. Но, о несчастье! Позор для рода! Ребенок был болезненным, он не мог даже ходить.

Тамтам звучит глухо, как будто потерял надежду. Певец то негодуяюще вскрикивает, то замолкает.

Черная беда песчаной тучей наполнила сердце красавицы Сикеджуку и ее бедного больного сына. Царь был в ярости и отвернулся от них. Придворные и три жены царя, сердца которых были полны ревности, едва скрывали насмешки над Сикеджуку и Сундиатой. А потом царь совсем выгнал их из дворца. Только простые люди давали приют матери и сыну в тяжелое время испытаний. Они жалели Сундиату, тайком носили ему лакомства и мясо, рассказывали сказки, пели старинные воинственные песни.

Но шакалы никогда не появляются в одиночку, они всегда ходят стаями. Так и беда никогда не приходит одна. Жестокий и опасный враг напал на земли рода. Это был Сумангуру — царь соседней страны Сосо, храбрый воин и кудесник. Его солдаты угоняли скот, отнимали урожай, убивали воинов, похищали детей и женщин. Враг был неумолим и беспощаден. Самые смелые воины теряли мужество, слабели сильнейшие. Сумангуру был неуязвим для них. Стрелы и копья отскакивали от него.

Он разгромил царство Мали, уничтожил всех братьев Сундиаты. Сам Сундиата спасся лишь потому, что не казался опасным завоевателю. Полный разгром и поражение рода Сундиаты казались неминуемыми. Враги овладели землями рода, его стадами, всем имуществом. Они захватили всех женщин, и теперь стало некому рожать новых смелых воинов.

Сундиата к тому времени подрос, но он был не-

мощным калекой и мог только сидеть. Он испытывал глубокую скорбь, и глаза его наполнялись гневом, когда он видел торжествующих врагов. Сундиата яростно сжимал кулаки. Наконец его ненависть к врагам и его боль за судьбу своего рода достигли предела, и произошло чудо. Сундиата сделал нечеловеческое усилие и поднялся.

Тамтам неистово гремит. Голос старика становится все более твердым, уверенным.

Силы рода, отвага его предков передались Сундиате. Никто не узнавал в молодом богатыре немощного калеку. Сундиата вышел в саванну, чтобы попробовать свои силы. Перед ним стоял могучий баобаб. Он схватил его, поднатужился и вырвал с корнем. И вот Сундиата громогласно объявил о своем исцелении. Враги не ожидали этого, они задрожали от страха.

Вернулось мужество к солдатам племени. Они собрались вокруг Сундиаты. Все, кто приближался к Сундиате и касался его своей одеждой, снова становились храбрыми и сильными. В это время из плена бежала невеста Сундиаты, захваченная Сумангуру. Обманом она узнала, как можно победить Сумангуру.

Вскоре возле Куликоро произошло решающее сражение между воинами Сундиаты и Сумангуру. Сумангуру был убит. Враги бросали все, что награбили, бросали оружие, покидали жен, детей, жилища и бежали в зловонные болота, где их ждали ядовитые змеи и крокодилы. Ни один из воинов Сумангуру не спасся.

Победа вновь вернулась в род Сундиаты. Теперь он овладел царством Сумангуру. Наступил день, великий день освобождения. Могущество государства Мали стало расти с каждым днем.

Певец замолк, и только тамтам еще продолжал победоносно греметь. Песня гриота унесла зрителей в героическое прошлое, зачаровала их, и даже аплодисменты раздались не сразу. Так вот она какая знаменитая легенда об основателе государства Мали, Сундиате из рода Кейта. Малийцы знают ее с детства. «Ниама» захватила и меня. Я хотел как-то поблагодарить гриота. Но Ибраим взял меня за руку:

— «Ниама» священна для малийцев, ее не поют за деньги.

ПО ДОРОГАМ СТРАНЫ

От Бамако до Сегу

Вряд ли найдутся люди, сколько-нибудь знающие Африку и не мечтающие побывать в стране догонов. Догоны — это один из немногих африканских народов, который мало подвергся иноземному влиянию и сохранил в почти нетронutom виде старый уклад жизни, обычаи, религию. Я всегда с интересом слушал рассказы моего студента Умара Касоге, догона по происхождению, о жизни этого удивительного народа.

Чтобы добраться от Бамако до страны догонов, надо проехать более 700 километров по областям, населенным бамбара, фульбе, бозо, сомоно, моси, бобо. Дорога идет по сердцу Мали — через старинные центры цивилизации на Нигере, наиболее крупные города страны — Сегу, Сан, Мопти, Бандиагару. Первая поездка к догонам произвела на меня такое сильное впечатление, что я повторил это путешествие и на следующий год. Моими спутниками были советские преподаватели.

Мы отправились в путешествие в конце декабря, за неделю до Нового года. Период с декабря по февраль — самое лучшее время для путешествий по Мали. После окончания сезона дождей неасфальтированные дороги становятся проезжими, в этот период еще нет изнуряющей жары. Запасов продовольствия не берем. Можно пообедать в ресторанах при гостиницах. Иное дело вода. Водопроводы с фильтрованной водой есть лишь в немногих городах. Поэтому делаем большой запас газированной воды и пива. На случай непредвиденной встречи со змеями берем шприц и сыворотку. С нами едет и Умар Касоге, который решил провести каникулы у родителей. Нашего шофера зовут Секу Ту-

ре. Он малинке, работает в профтехцентре. Поездку совершаем на небольшом советском автобусе, уже при-
выкшем к малийским дорогам. Наш путь лежит на се-
веро-восток вдоль течения Нигера.

В десять часов утра въезжаем на красивый желе-
зобетонный мост через Нигер. Длина его около кило-
метра. На мосту из-за застрявшего впереди грузовика
стоим минут десять. Сверху с моста река кажется осо-
бенно величественной. Кое-где на воде застыли одино-
кие черные пироги рыбаков. Недалеко от берега мед-
ленно движется по воде какой-то желтый островок.
Вглядевшись, замечаю, что это пирога, нагруженная с
верхом слоновой травой. Ее обгоняет другая, идущая
с большой скоростью. Двое молодых парней — один на
корме, другой на носу, — ловко работая длинными бам-
буковыми шестами, быстро гонят лодку. В декабре вода
на Нигере уже спала, и здесь мало кто пользуется
веслами.

По обоим берегам Нигера в сероватой дымке ле-
жат отроги древних Мандингских гор. Возраст их гео-
логи определяют миллионами лет. Горы, вершины ко-
торых сглажены погодой и временем, крутым уступом
обрываются к реке. Сейчас они напоминают каких-то
исполинских животных, разомлевших от жары и скло-
нившихся к воде свои лобастые головы.

В Бамако нет промышленных пригородов. Поэтому,
проехав мост, мы сразу попадаем в саванну. По бокам
асфальта красная африканская земля. Эта глинистая
земля в период дождей превращается в густое липкое
тесто. Передвижение по проселочным дорогам стано-
вится невозможным. Сухие толстые стебли трехметро-
вой слоновой травы, чередуясь с кустарниками, вы-
строились по обочине дороги. Полотно дороги приподня-
то над местностью. Дальше по обе стороны рассти-
ляется слегка всхолмленная бескрайняя саванна, по-
крытая низким редколесьем и кустарниками.

Многие участки саванны усыпаны бурыми камня-
ми. Некоторые из них содержат столько руды, что
раньше использовались для выплавки железа. На ка-
менистых участках в сухой сезон даже африканцу
трудно обнаружить следы сельскохозяйственной дея-
тельности. Чтобы обозначить, что поле занято, крестья-
не выкатывают наиболее крупные камни на край по-

ля. Каменные гряды, кроме того, задерживают воду и тормозят вымывание почвы в период тропических ливней. Иногда на полях попадаются соломенные хижины — место отдыха крестьян в период полевых работ и убежище от дождя и солнца.

Изредка встречаются остатки крупных причудливых скал — результаты происходящего сотни миллионов лет выветривания и эрозии. В 20 километрах от Бамако в районе поселка Багинедэ нам встретился настоящий каменный музей. Вдоль дороги на острых каменных наконечниках застыли огромные каменные глыбы. Непропорциональность опоры и удерживаемой ею каменной массы казалась непостижимой. Трудно было поверить, что это результат стихийной работы природы. Как будто циклопы некогда соревновались в искусстве насаживания каменных громад на острия своих копий. Казалось, достаточно малейшего усилия, чтобы глыбы обрушились вниз, на асфальт.

Скопление причудливых скал малийцы называют «хаотическим городком». Местность вокруг него усыпана разного размера камнями и не представляет никакого интереса для крестьян. Этим воспользовалась слоновая трава, заполонившая все вокруг. Раздвигаю плотные жесткие стебли и делаю шагов пятьдесят в сторону от дороги. Желтая стена трав смыкается за мной, и я оказываюсь окруженным миром саванны. Легкие порывы ветра раскачивают высокие желтые стебли, еще выше поднимаются в подернутое дымкой небо зеленые стволы бамбука. Засохшими листьями усыпана вся земля, поэтому здесь невозможно идти бесшумно.

А кругом тишина! Кроме легкого шелеста желтых стеблей да отдаленного воркования небольших диких голубей, не доносится ни единого звука. Эта тишина поражала меня всегда, когда я оказывался в саванне один.

После Багинеды дорогу обступили посадки молодого тэкового дерева. У тэкового дерева необычно прямые для саванны стволы и широкие листья. Мы измерили один лист: ширина и длина его были равны: по 50 сантиметров. Родина тэкового дерева — Азия. Тэк служит прекрасным материалом для изготовления мебели, при строительстве судов. Дерево достигает зре-

лости к 50—60 годам. В это время диаметр его ствола составляет 2,5 метра. Посадки такого дерева в Мали вызываются отсутствием лесов и нехваткой деловой древесины, которая импортируется. Длительный сухой сезон, недостаток влаги, пожары, удаленность деревьев друг от друга — все это приводит к тому, что в саванне большинство деревьев вырастает с искривленными стволами. Так хорошо растет в таких африканских странах, как Дагомея, где сухой сезон не превышает 4—5 месяцев. В районе Бамако сухой сезон длится 7 месяцев. Поэтому посадка така имеет здесь опытный характер. Деревья специально сажают часто, чтобы иметь возможность через каждые 7—8 лет вырубать наиболее слабые.

Вид саванны весьма однообразен. Поэтому всякий раз радуют редкие группы пальм, растущие по берегам небольших, пересыхающих в сухой сезон речушек.

За поворотом мы увидели стадо обезьян. Некоторые сидели на асфальте, другие — на росших возле дороги деревьях. Это были бабуины — крупные собакоподобные обезьяны. Когда мы подъехали ближе, обезьяны как бы нехотя уступили дорогу и с любопытством разглядывали нас. Вожак стада был гораздо крупнее других. Казалось, обезьяны нас не боятся и только для приличия сохраняют дистанцию.

Мы обрадовались, что обезьяны не убегают, и устремились к ним, чтобы сфотографировать с близкого расстояния. Однако бабуины при нашем приближении стали слезать с деревьев. Угрожающе тьякая и оборачиваясь на ходу, они медленно отступали в поросшую высокой травой саванну. Теперь мы их плохо видели, но все еще слышали и не теряли надежды догнать. Бабуины, кажется, это поняли. Раздался повелительный крик вожака, и тьяканье прекратилось. Мы потеряли всякий ориентир и прекратили преследование.

Обезьяны — бич полей проса, арахиса, кукурузы, посадок бананов. При этом они больше ломают и выдергивают растения, чем поедают. Особых средств борьбы с обезьянами у малийцев нет. Их отпугивают криками, стуком, выстрелами. Мне приходилось видеть, как обезьяны развлекаются, пугая пасущийся в саванне скот. Оседлав ишака, один из бабуинов проскакал на нем почти до самой деревни.

Термитники тянутся в саванне на десятки километров

Километрах в ста от Бамако мы заметили возле дороги несколько хижин, едва видневшихся в зарослях слоновой травы. Мы остановились и увидели, что деревня покинута жителями. Стены хижин рухнули, крыши провалились. Огромные травы победоносно разрослись не только на деревенских улицах, но и внутри домов. Вокруг деревни были видны зарастающие поля. На привале к нам робко приближаются два подростка. Через Секу мы узнаем, что жители деревни переселились из-за недостатка воды.

Декабрь — время сбора хлопка. То и дело встречаются хлопковые поля. Крестьянки собирают хлопок в калebasы. Кучки хлопка снежными комьями белеют под деревьями, сушатся на плоских крышах деревенских хижин. Во многих деревнях хлопок сложен вдоль дороги в большие кучи и ждет отправки на хлопкоочистительные заводы.

Мы едем по самому густонаселенному району Мали, где на квадратный километр приходится 18—20 жителей. Быстро проносятся тесно стоящие конусообразные и квадратные хижины: деревни напоминают издали пчелиные соты. Но они все равно редки. Одно селение от другого отделяют десятки километров лесистой саванны. В саванне встречаются множество термитников. Больших двух-трехметровых термитников сравнительно мало, но грибовидные термитники высотой от 40 сантиметров до метра заняли огромное пространство и тянутся буквально на десятки километров. Иногда начинает казаться, что перед нами целые города термитов с четко распланированными улицами и кварталами. Возле одной деревни мы увидели крестьянина, разбивающего термитник. Куски его он бросал курам, которые выклевывали подземных обитателей.

К пяти часам вечера, проделав 240 километров по саванне, мы очутились под зелеными сводами деревьев города Сегу. Сегу — наиболее крупный после Бамако город с 35-тысячным населением. Исторически Сегу — тот центр, вокруг которого группировался самый многочисленный в Мали народ — бамбара. Бамбара считаются одной из наиболее развитых народностей Западной Африки. Их основное занятие — мотыжное земледелие. Часть населения занимается торговлей, кустарными промыслами, рыбной ловлей, охотой.

В XVII—XVIII веках Сегу был столицей королевства бамбара. В середине XIX века город захватил вождь народа тукулёров и проповедник ислама аль-Хадж Омар, который сделал его своей столицей. В 1890 году Сегу приступом взяли французские войска.

После избавления от колониализма Сегу стал административным центром одной из самых богатых сельскохозяйственных областей, населенной в основном бамбара. Однако в самом городе имеются кварталы, где живут тукулёры, сомоно, бозо. С пуском текстильного комбината будет возрастать промышленное значение этого города. По планировке Сегу не похож на другие города Мали. Основу его составляют две центральные улицы, идущие вдоль Нигера, — Бульвар независимости и Бульвар аль-Хадж Омара. Бульвары пересекаются немощеными улицами, один конец которых упирается в Нигер, другой — в саванну.

После небольшого отдыха отправляемся осматривать город. Как и все города, развивавшиеся при колониализме, Сегу делится на европейскую и африканскую части. В европейской части среди зелени белеют прекрасные виллы. Раньше здесь располагалось управление «Оффис дю Нижер», службы колониальной администрации и жили колониальные чиновники.

Сегу — самый зеленый из малийских городов. Мы все время идем под сенью могучих манговых деревьев. Перед виллами — рощи пальм. Стволы их похожи на высокие, хорошо отполированные железобетонные столбы. Ветви на верхушке похожи чем-то на крылья ветряной мельницы. Зреют тяжелые гроздья крупных плодов. Сопровождающие нас мальчишки показывают, как можно быстро забираться на пальму. В небольшом городском парке земля усыпана опавшими лимонами. Никто их не собирает.

Нас тянет к Нигеру, разлившемуся здесь особенно широко среди пологих берегов. Более чем в километре желтеет пустынный противоположный берег с прекрасным пляжем. Двое рыбаков недалеко от берега сбрасывают в воду бесконечную ленту сети. Река спокойна и безмятежна. И кажется, не было недавнего наводнения, когда вода смывала прибрежные деревни и угрожала самому городу. Теперь на удобренной илом земле жители вновь возьмется на своих огородах: дважды в день мужчины носят калесами воду из реки и поливают картофель, лук, помидоры.

Идем к скоплению лодок, где начинаются африканские кварталы. Группа рыбаков меняет прогнивший длинный нос пироги. Он выдолблен из цельного куска дерева. Несколько бурых копен растения *дах* (*ндаду* — на бамбара) плавают возле пирога. Один из рыбаков накладывает на копны тяжелые камни, стараясь утопить их в воде. Вымачивание *дах* необходимо для извлечения волокна, из которого затем делают рыболовные сети, веревки, мешки.

Несколько стариков, одетых в белые бубу, сидят на земле в тени «капокье». Они нас заметили, но не поддают вида.

Приветствуем их на бамбара. Это старикам нравится, и один из них указывает нам на едва заметный проход между домами, побеленными раствором из

жженных костей, воды и гуммиарабика. Вскоре попадаем на местный базарчик. Прямо на земле лежат свежая рыба, фрукты, перец, галеты. По сравнению с Бамако цены на рыбу баснословно дешевы.

Ужинаем в единственной в Сегу небольшой гостинице. Вечером в ресторане появляется группа пожилых европейцев. Это делегация финансовых работников из ФРГ, совершающих поездку по странам Западной Африки.

Тропическая ночь надвигается быстро. Город почти не освещен. Кругом непроглядная тьма, но спать еще рано, и я решил немного посидеть на берегу Нигера.

Мне вспомнилась героическая история первооткрывателя Нигера шотландского хирурга Мунго Парка, который побывал во Внутренней Африке, откуда до него никому из европейцев не удалось вернуться. До его путешествия европейцам было неизвестно даже, в каком направлении течет река. Ее обычно считали притоком Нила. И вот 20 июля 1796 года здесь, в районе Сегу, Мунго Парк впервые увидел величественный Нигер, к которому так долго стремился. Но какой ценой это ему далось! Путешественник был враждебно встречен маврами, не желавшими пропускать чужеземца через свою страну. Негритянское население принимало его за мавра и не всегда относилось доброжелательно. К этому добавлялись лихорадка и грабежи, голод и жажда, не говоря о прочих опасностях, которым подвергался безоружный человек. Достаточно сказать, что до Нигера он добрался совершенно нищим. Король Сегу отказался его принять и приказал покинуть пределы страны. Несмотря на это, путешественник, прежде чем повернуть на запад, собрал наиболее достоверные сведения о реке. Сколько неукротимой энергии, терпения, выносливости надо было иметь, чтобы пройти через все это!

У скотоводов-фульбе

В семь утра следующего дня наш «кар», как называется Секу автобус, снова в пути. Сегодня предстоит добраться до Мопти. Сегу только еще просыпается. Медленно бредут по улицам закутанные фигуры первых прохожих. Казалось, они надели на себя все, что

Нас было четырнадцать, но мы так и не могли обхватить ствол этого гигантского баобаба

было в доме: поверх бубу накинуты на спину и грудь полосатые одеяла, широкие шарфы и просто куски материи. На голове намотан невероятной величины тюрбан или платок, закрывающий шею, уши, нос. Оставлена лишь узкая щелка для глаз. Прохладный сезон — лучшее время для европейцев в Мали. Но для малийцев декабрьские и январские ночи — время испытаний. Они жалуются, что плохо спят из-за холода, кашляют, чихают, болеют гриппом. Чем дальше мы ехали на северо-восток, тем больше попадалось закутанных людей и тем теплее становилась сама одежда.

Сразу за Сегу начинается сахель — переходная область, лежащая между суданской саванной и Сахарой. Для сахеля характерно большое количество баобабов, возвышающихся над остальными деревьями. Внешне баобабы неодинаковы. Некоторые похожи на вкопанные в землю вверх корнями деревья. Их стволы на высоте 20—30 метров разветвляются на короткие толстые отростки, которые, описав полукруг,гибаются к земле. Ветви баобаба покрыты наростами,

делающими их некрасивыми. Стволы некоторых деревьев полые, так что внутри свободно могут поместиться два-три человека.

Встречаются баобабы высокие, одноствольные. Вот прямо на нашем пути высится темно-серая громада баобаба-гиганта: из земли поднимаются сразу несколько стволов. В сравнении с ним вся остальная растительность саванны выглядит мелким кустарником. В автобусе нас четырнадцать. Беремся за руки и пытаемся обнять «часового саванны». Зовем Секу, но все равно не хватает еще человек пяти-шести.

Баобаб увешан «обезьяньим хлебом» — так называют плоды этого дерева. Мы не раз видели, как при приближении людей с дерева проворно спрыгивали крупные рыжие мартышки. Пытаемся сбить несколько плодов. Для этого надо разорвать плотную, крепкую, как веревка, плодоножку метровой длины. Плоды баобаба овальной формы, заостренные на концах. Длина их около 30 сантиметров, вес 1—3 килограмма. Снаружи плод покрыт твердой темно-зеленой бархатистой кожурой, которая при созревании плода становится желтоватой. «Обезьяний хлеб» находится внутри плода и представляет собой беловатую массу с серыми ядрами. Этой массой лакомятся и люди.

Чтобы сфотографировать гигантский баобаб, приходится долго отступать в саванну, натываясь на острые сучки сухого, негниющего валежника. Сероватые шарики растения *крам-крам*, униженные острыми иголками с крючками на конце, впиваются в брюки и начинают колоть ноги. И снова бежит навстречу саванна, белеют в ее бурых травах арбузы и беловатые каленасные тыквы, иногда мелькают бродящие по саванне охотники с длинноствольными ружьями местного производства и узлами на головах.

Наш Секу не любит останавливаться даже перед дорожным знаком, который этого требует. Но зато он тормозит, когда посреди дороги застывают коровы, бродящие по саванне в поисках корма. Малийские шоферы весьма деликатны с животными, не кричат на них, ждут, пока те сами уступят дорогу.

Километра за два до крупного притока Нигера, реки Бани, лесистая саванна сменяется травянистой. Солнце успело выжечь зеленый цвет, и травы теперь

имеют неопределенную серовато-желтоватую окраску. Бани переезжаем по только что построенному мосту. Еще год назад переправа осуществлялась с помощью медлительного парома.

Сразу за рекой начинается самый тяжелый двухсоткилометровый участок неасфальтированной дороги между Сегу и Саном. Колеса машины врезаются в толстый слой красной пыли, плюхаются в ямы. В автобусе висит густое красноватое облако. Ближайшие соседи стали едва различимы. Встречная машина становится наказанием. Пыль в носу, в ушах, на зубах. Разговоры прекращаются, некоторые закрывают глаза. Страдаем не только мы, но и природа. Метров на тридцать вокруг дороги кустарники и деревья густо облеплены пылью. Такая езда длится несколько часов. Ближе к Сану пыли стало меньше, и мы вздохнули с облегчением. Вскоре показались городские кварталы Сана с довольно многочисленными домами европейского типа. В стороне виднеется высокая красивая мечеть — единственная достопримечательность этого города.

Секу останавливает автобус перед низким одноэтажным каменным зданием и объявляет, что это кемпинг. Возле кемпинга под открытым небом возвышается большая печь с куполообразным верхом. Из-под заслонки торчат концы жарящихся бараньих ног. Около печи стоит толстый африканец средних лет в белой рубашке и широких штанах с намотанным на шею красным полосатым шарфом.

Нам предстоит заказать обед. Но хозяин называет слишком высокую цену, и разговоры о том, сколько мы платили в Сегу, не производят на него никакого впечатления. Тогда решаем отправиться в соседнее заведение. Тут хозяин сразу же идет на уступки.

На обеих щеках хозяина от глаз до подбородка проложены две глубокие темные борозды. На висках тоже по пять параллельных шрамов. В Мали до сих пор встречаются люди, даже дети, с различной татуировкой на лице. Особенно эффектны насечки на лицах моси и бобо. Наш хозяин принадлежит к народности бобо. На мой вопрос о происхождении насечек он ответил, что когда-то бобо воевали с другими племенами. Чтобы в бою не перепутать своих с врагами, бобо

стали делать такие насечки. Теперь войн нет, но насечки вошли в традицию. Насечки делают в раннем детстве, и хозяин не помнит, когда это было.

Пока готовится обед, отправляемся осматривать город. В малийских городах существует, так сказать, два центра. Базар — центр торговой и деловой жизни, мечеть — центр религиозной жизни. Направляемся сначала к мечети, которая возвышается на огромной немощенной площади. Высота мечети равна двух-трехэтажному дому. Стены оштукатурены и выбелены.

«Можно ли войти внутрь?» — спрашиваем мы себя, стоя перед узкой деревянной калиткой. Выручает проходящий мимо малиец в коричневом бубу и синей феске. По-французски он не говорит, но показывает, что надо разуться. Оставляем на площади ботинки и переступаем порог. Нас обступает полумрак мусульманского храма. У входа на разостланных циновках молятся два старика сурового вида. Обращаемся к ним. Один из стариков строго, но доброжелательно показывает, куда надо идти. Шагаем по глинобитному полу. Кое-где разостланы циновки, но молящихся не видно. Стены мечети высокие, толстые, небеленые. На потолке мощные деревянные балки перекрытия. Из внутреннего дворика по выдавшей виды глинобитной лестнице со стертыми ступеньками взбираемся на крышу мечети. Она представляет собой большую обмазанную толстым слоем глины галерею, по наружным краям которой сделан высокий, почти в рост человека глинобитный барьер. Вдоль него со всех сторон поднимаются высокие овальные башни с торчащими из них деревянными жердями. Это и своеобразное украшение мечети и способ придать прочность глинобитному сооружению. Башни увенчаны железными крестовинами, украшенными страусиными яйцами. Внутри башен узкие проходы с покатыми глиняными ступеньками. Попытка проникнуть в одну из этих лазеек ничего не дает — отверстие слишком узко.

Сверху открывается великолепный вид на плоские крыши многочисленных одноэтажных глинобитных домов, со всех сторон придвинувшихся к площади.

На базаре множество народа. Отведенное для торговли место всех не вмещает, поэтому торговцы заняли и прилегающие улицы. На краю базара возле ог-

ромных кулей сидят торговцы рисом. Сан — один из рисоводческих районов. Невдалеке торгуют вязанками дров, которые приносят на базар молодые женщины. По центральной торговой улице трудно пройти из-за расставленных на земле тазов с зерном и множества людей. Здесь я встретил нескольких молодых девушек фульбе, на голове которых были надеты красивые диадемы из старинных французских серебряных монет. У некоторых ленточка с такими же монетами ниспадала через весь лоб к переносице, а на шее висели длинные, до пояса, связки бус. Без всяких уговоров они разрешили себя сфотографировать и, кажется, были польщены нашим вниманием.

В кемпинге обед уже готов: жареные куры, огромный, как лопухи, но мягкий и нежный салат с уксусом и чешское пиво. Пока мы обедаем, желающие подработать мальчишки чистят автобус.

И снова в путь по сахелю. Наряду с земледелием скотоводство занимает центральное место в хозяйстве страны. Из всех стран Западной Африки Мали — самая богатая скотом. Он занимает большой удельный вес в малийском экспорте.

На севере сахеля и в присахарской зоне живут мавры и туареги, занимающиеся исключительно скотоводством. В поисках пастбищ и воды они постоянно кочуют со стадами верблюдов и кру чого рогатого скота.

Юг и центр сахеля заселены скотоводами-фульбе (или пель — по местному названию), которые ведут полукочевой и оседлый образ жизни. Оседлые фульбе пасут скот возле своих деревень, что способствует унаживанию почвы и повышению урожайности.

Фульбе — прирожденные скотоводы. Их можно встретить повсюду, где есть скот. Но если в сахеле они хозяева скота, то в суданской саванне работают пастухами у земледельцев. Селясь возле земледельцев, фульбе живут в соломенных хижинах и длительное время сохраняют полукочевой образ жизни.

Едем по округу Масина. Здесь фульбе сами разводят крупный рогатый скот. Их деревни застроены прямоугольными глинобитными домами с плоской крышей и внутренним двором, где отдыхают, спят в жаркие ночи, занимаются ремеслом, ткут, прядут. Возле домов

На базаре в городе Сан

Фульбе разводят горбатых зебу

видны загоны для скота, огороженные вкопанными в землю заостренными кольями.

После первых дождей фульбе начинают передвигаться со своими бесчисленными стадами горбатых зебу на север сахельской зоны. Деревни фульбе пустеют. В них остаются старики и больные. Чтобы жить на пастбищах, фульбе берут с собой циновки, одеяла, посуду. Тяжелый скарб привязывают на спины быков.

Скот находит воду и обильную пищу в быстро покрывающейся травой саванне. Отгон скота на север вызывается и необходимостью сохранить поля от потравы, так как многие семьи фульбе сочетают скотоводство с земледелием.

Считается, что скот у фульбе принадлежит мужчинам, а молоко — женщинам. Выручку от продажи мо-

лока женщины оставляют себе. В тех семьях, где мало мужчин, для присмотра за скотом нанимают пастухов.

В Мали разводят все виды домашних животных. В суданской саванне распространен низкорослый короткорогий скот породы *ндама*. В Масине фульбе разводят горбатых мясных быков зебу с огромными рогами.

Разведение зебу — традиционное занятие фульбе. У них сохранились остатки старых тотемических верований, по которым они рассматривают коров не как собственность и богатство, а как своих родственников, требующих уважения к себе. Об этом поют пастухи-фульбе в своих песнях: .

Пусть смеется, кто хочет,
Его смех не помешает мне сказать:
Самая очаровательная из моих возлюбленных —
Это та, ради которой не перестает биться мое сердце.
Корова-красавица, которая в бургу *
Украшает себя желто-золотистыми и
серебряно-белыми цветами... **

Отгон скота на север — всегда радостное событие в жизни подростков фульбе. Им хочется скорее научиться находить дорогу в саванне, пастбища и воду для скота, испытать разные приключения.

С началом сухого сезона временные водоемы на севере пересыхают, выгорают травы на пастбищах. В это время фульбе направляются со своими стадами обратно — либо в освобождающуюся от паводка Масину, либо к Нигеру и Сенегалу, где много травы и воды. По издавна существующему соглашению между кочевниками и земледельцами, на обратном пути стада пасутся на обрабатываемой земле, с которой уже убран урожай.

Два раза в году у фульбе бывают праздники животных: один в марте, второй в октябре. Во время праздников устраивают смотр всех стад. Хозяева лучшего стада награждаются. Иногда на праздник приезжают руководители республики.

---

* Заросли травы в пойме Нигера.

** Перевод Г. В. Зубко.

Кочевые народы живут почти исключительно за счет доходов от своих стад. Зерновые, животное масло, молоко, мясо коз и баранов составляют основу их питания. Шкуры и шерсть служат для изготовления одежды, палаток и различной утвари. Продажа скота и молочных продуктов дает скотоводам необходимые деньги.

Кочевники-фульбе сыграли немалую роль в истории Судана. В начале XIX века они объединили под своей властью все народы средней дельты Нигера от Сенегала до Томбукту. Захваченных во время войн пленников они обращали в домашних рабов и заставляли смотреть за своими стадами. Их называли *римайбе*. У фульбе была своя знать и свои касты. И сейчас богатые семьи владеют тысячами голов скота.

Вторжение колонизаторов нарушило традиционный быт фульбе. В песнях фульбе поется:

Несчастье пришло, времена изменились
...а правда потеряна...
Образование уменьшилось, лицемерие растет,
Богатство растет, распри растут,
Кражи растут, грабежи растут,
Ложь растет, а сатана смеется от радости*.

В районе сахеля распространены ослы, которые вместе с быками выполняют роль транспортных животных. Выносливые и умеренные в пище, они могли бы облегчить труд крестьян. Разведением лошадей занимаются к югу от внутренней дельты Нигера. Но лошади в Мали немногочисленны и используются исключительно для верховой езды, а не для сельскохозяйственных работ. Они считаются предметом роскоши. В Масине и в стране догонов нам попадались величественного вида всадники в высоких богато расписанных седлах.

Особенно развито в сахеле овцеводство, много коз. Свиной разводят народности бобо и моси, не исповедующие ислам.

Все дальше и дальше углубляемся в сахель. В 110 километрах от Сана слева от дороги появляется большой белый камень. На нем написано: «Дженне».

---

* Перевод Г. В. Зубко.

Женщины по пути на базар

Это поворот к старейшему городу Мали, расположенному в затопляемом районе в 29 километрах от асфальтовой дороги за рекой Бани. В наши планы не входило посещение Дженне, но заманчивая надпись породила раскол в рядах. Вопрос решается самым демократическим образом — открытым голосованием. Едем! Секу не одобряет нашего решения, так как дорога очень плохая, но молчит. Надо сказать, что Секу — молодой парень лет двадцати трех — очень привязан к преподавателям профтехцентра. Девушки-переводчицы то и дело подтрунивают над ним, но он отвечает добродушно и с юмором. Все началось с женитьбы Секу. Как-то он попросил отпуск по случаю бракосочетания. О предстоящей свадьбе вскоре стало известно всем пассажирам автобуса, которых Секу ежедневно возил на работу. Женитьба в Африке —

дело очень дорогое, и поэтому многие парни долгое время остаются холостыми. Накануне свадьбы Секу получил от своих пассажиров подарки и деньги, что ему, выходцу из Гвинеи, не имевшему родственников в Бамако, было весьма кстати.

Свернув с дороги, едем по красноватому проселку среди ощетилившейся шипами кустарниковой саванны. Через три-четыре километра выезжаем на залитую водой равнину. Дорога идет по высокой земляной дамбе. По обеим сторонам, насколько хватает глаз, раскинулись затопленные водой травы. Лишь где-то далеко-далеко у горизонта, обозначая деревни, поднимаются одинокие группы высоких деревьев. В воде плавают розовые, сиреневые и голубые лилии.

Мы попали в царство непуганых птиц. Стаи уток проносятся, едва не задевая крышу автобуса, и в 30—40 метрах от берега совершенно не реагируют на наше появление. Вдоль дороги, как на параде, выстроились группы цапель, пеликанов, марабу, нырков. На краю дамбы много куликов. Рыжие грифы нехотя поднимаются перед самым носом ковыляющего по дорожным ямам автобуса и, отлетев полсотни метров, снова садятся на дорогу.

Рыба то и дело плещется в затопленной граве. Водяная равнина живет своей жизнью. В протоках видны пироги рыбаков. Возле мостов рыбаки развесили свои сети. Тут же сушится на солнце разложенная на земле рыба.

Километров через пятнадцать показывается большая глинобитная деревня. Она расположена на возвышенности, окруженной заливными лугами. Трава здесь такой высоты, что в ней едва видны стада коров, лошадей и ослов. От затопляемой части долины деревня ограждена земляной насыпью. У некоторых хижин растут высокие стройные пальмы. С десятков подростков и молодых жительниц деревни собралось посмотреть на нас. У старосты выясняем, что дальше автомобильной дороги нет. В трех километрах от деревни находится река Бани. Переправиться через нее можно только на пирогах. На противоположном берегу до Дженне надо идти еще девять километров.

Район Дженне — начало огромной постоянно затопляемой зоны. Сам город почти полностью окружен во-

дой в течение всего года. Город невелик — 6—7 тысяч жителей. Этот один из старейших исторических и религиозных центров Мали основан около 800 года. Дженне славится знаменитой мечетью, которая послужила образцом для строительства мечетей в других городах Судана. Пеший путь к Дженне занял бы около суток, а времени у нас мало. Поэтому не без сожаления покидаем страну непуганых птиц и возвращаемся в выжженную солнцем саванну.

Софара

Километрах в шестидесяти от Мопти вдруг выясняется, что родители жены Секу живут недалеко, и теперь он просит разрешения заехать к тестю, чтобы передать поклоны от своей Фаны. Место, где живут родственники Секу, находится в 3—4 километрах от асфальтовой дороги. В сухой сезон съехать с асфальта не страшно. Мы посмотрели немало придорожных деревень, но ни разу не были в глубине саванны. Вдоль проселочной дороги потянулся типичный пейзаж сахеля: одинокие баобабы, на открытом пространстве невысокие колючие кустарники и деревья, возделываемые поля. Малийцы говорят, что в сахеле человек видит далеко впереди себя. Это действительно так. Карите и нере встречаются здесь реже, травянистый покров более низок, чем в суданской саванне. Неизменный спутник сахеля — колючая трава *крам-крам*.

По травянистой долине вдоль дороги не спеша движется стадо. За пастухом бредут козы, а за ними беловатыми комками катятся в пожелтевшей траве бараны. Становясь на задние ноги, козы ловко объедают нижние листья с деревьев.

Пастух одет так, как обычно одеваются фульбе, которым приходится жить в саванне. На нем длинный широкий халат из толстой темно-серой дмотканой шерстяной материи и конусообразная соломенная шляпа, защищающая голову и плечи от солнца. На подбородке шляпа крепится ремешком, и в случае необходимости ее можно передвинуть на спину. На плече пастух держит железное копье, на котором висит жестяной чайник. Копье служит как для защиты от хищников, так и для наведения порядка в стаде.

Мы въезжаем в Софару, расположенную на берегу реки Бани. Кроме оседлых фульбе здесь живут рыбаки бозо и сомоно, есть и земледельцы бамбара. Секу останавливает автобус на краю довольно большого базара и отправляется к родителям жены.

Европейцы, видимо, действительно редко съезжают с асфальта, а местное население не часто бывает в больших городах. В одну минуту автобус окружает толпа мальчишек, которые с молчаливым изумлением разглядывают нас. Взрослые мужчины стоят поодаль. На базаре за каждым из нас идет пять-шесть подростков. По-французски объясниться не удается. На вопросы на бамбара ребята также не отвечают. Здесь распространен язык фульбе.

В прохладное время мужчины носят шерстяные шапочки с острым верхом, которые закрывают уши и шею. У некоторых на голове надеты нарядные высокие синие и зеленые колпаки с красным верхом или цветные тюрбаны со спадающими на плечи концами. На шее у многих черные плетеные шнурки с украшениями.

24 марта 1828 года в Софаре побывал знаменитый исследователь Судана француз Рене Кайе. Это был второй европеец, которому удалось добраться до Томбукту. Передвигался он пешком и на осле. Чтобы не привлекать внимания фанатичных мавров, он выучил арабский язык и выдавал себя за бедного араба, освободившегося из христианской неволи и пробиравшегося на родину, в Александрию. Даже записи о путешествии ему часто приходилось делать тайком. Мимо Софары Рене Кайе плыл в пироге, в которой везли партию рабов. Это путешествие доставило ему немало неудобств, так как хозяин пироги кормил его всего раз в сутки, не делая различия между ним и рабами. В надежде купить что-нибудь на завтрак он и вышел на берег в Софаре. По его оценке, в то время в Софаре жило около 250 человек. Теперь Софара — районный центр, где живет около двух тысяч человек. Здесь два-три одноэтажных административных здания европейского типа.

Мы уже закончили осмотр Софары, когда вернулся Секу Туре и пригласил нас в дом тестя — пожилого степенного бамбара, семья которого занимается земледелием и торговлей и принадлежит к числу зажиточных.

Пастухи

Среди родственников выделяется высокий африканец лет сорока пяти, с открытым мужественным лицом и атлетической фигурой. Он оказывается охотником и приглашает нас к себе. Зовут его Карамоко Дугаре. Мы идем за ним на соседнюю улицу. Он живет с братом, тоже охотником. Во дворе лежит с десятков огромных черепов гиппопотамов. Вдоль стен дома сделаны ниши, в которых выставлены головы больших и малых антилоп с рогами. В одной из ниш лежат две массивные львиные головы, высушенные на солнце. Угадывая наше желание, Карамоко приносит ружье, и оба брата дают запечатлеть себя возле охотничьих трофеев. Объясняться нам помогает Умар Касоге.

Мы просим рассказать об охоте на львов. Карамоко говорит, что львы и люди стараются не трогать друг друга. Крестьяне загоняют скот с заходом солнца в деревню. Для львов достаточно антилоп. Но иногда перемирие нарушается, как это случилось однажды в деревне Бугуба. В этот день коровы, лошади и ослы вернулись раньше времени. Они дрожали, ревели, беспокойно прядали ушами. Возле деревни появился лев. Животные успокоились лишь под утро, когда лев ушел. Но днем он убил корову. Не вернулся домой пастух, отправившийся на поиски скота. В деревне установили ночные дежурства, но вскоре грозный хищник терроризировал всех. Было убито еще несколько животных, вышедших в саванну на поиски корма.

— Нельзя сказать, что в Бугубе не хватало охотников, но никто не решался выступить против царя саванны. Наконец, двое посланцев прибыли за мной,— говорит Карамоко.— Я взял ружье и отправился в Бугубу, чтобы все узнать на месте.

Карамоко рассказывает о том, что снаряжение на охоту — долгая и важная процедура. Охотник надевает рубаху и тунику, на которой есть изображения ящерицы и масок. На шапке укреплены гри-гри—амулеты, раковины каури. Они защищают охотника от злых сил, делают его невидимым и опасным для зверей. На шею, локти, запястья и рубашку охотник также надевает гри-гри, пучки волос, кожи, кореньев и раковины каури. Считается, что кусок веревки, обмотанный вокруг пояса, придает телу упругость. На поясе у охотника висят два ножа. В полном охотничьем облачении и с ружьем на

В прохладный сезон жители сахеля одеваются потеплее

правом плече Карамоко появился перед почтенными людьми деревни, чтобы выслушать последние советы и получить благословение.

В это время лев находился в полукилометре от деревни и спокойно пожирал корову хозяина хижины, где Карамоко снаряжался на опасный подвиг. Обходным путем охотник вышел из деревни.

— Сначала я подбирался ко льву под прикрытием кустарника,— говорит Карамоко,— потом лег на живот и пополз в траве, как солдат. Конечно, я боялся, хотя у меня было надежное европейское ружье. Целиться начал, когда ясно стал слышать хруст костей. После первого выстрела лев взревел так близко от меня, что я сильно испугался, но все же выстрелил еще раз. Потом я услышал крики людей, бежавших от хижин. Вся деревня следила за мной из укрытий. Лев был нашим общим врагом. Меня поздравляли и хвалили за смелость, благодарили за избавление деревни от опасного хищника.

Карамоко рассказывает нам и о бегемотах. В их стаде может быть только один самец. Перед появлением потомства самка уходит из стада. Если на свет появляется новый самец, то она вскармливает его вне стада. Когда он вырастает, то возвращается в стадо. Происходит поединок между двумя самцами за право быть хозяином в стаде. Один из них либо погибает, либо изгоняется.

Из Софары выезжаем в сумерках. Кое-где мелькают тлеющие угли очага да неяркий костер пастухов. Совсем стемнело, когда мы въехали в поселок Севаре, где должны ночевать. Здесь в лицее работают два советских преподавателя — Борис и Лида Нестеровы. Борис преподает математику, физику и рисование, Лида — химию и биологию. В течение девяти месяцев они почти не встречаются с советскими людьми и чрезвычайно рады нашему приезду.

В поисках баранов

После ужина уточняем план на ближайшие дни. Решаем купить двух баранов и зажарить их на вертеле. Затем предстоит осмотреть Мопти и после этого дви-

Малийские охотники хранят в своих дворах черепя убитых животных

нуться в страну догонов. На эгонек заглядывает сосед Нестеровых француз Ив, коллега по лицу. Узнав, что мы собираемся ехать на базар за баранами, Ив просит взять его с собой. Он ждет в гости друзей из других городов и хотел бы тоже купить барана. Он знает деревенский базар, где бараны стоят 2—3 тысячи франков. Только на месте надо быть в семь часов утра, так как деревенские базары начинаются рано.

В половине седьмого мы уже на ногах, будим Ива и выезжаем. Дорога идет среди полей, с которых убран урожай. Солнце еще только встает, утро свежее. Одна из закутанных в покрывало женщин, идущих по дороге, поднимает руку. Подвозим ее, но разговора не получается: французский язык здесь бесполезен. Ив делает знак, и мы сворачиваем в большое село. Это районный центр Фатома, находящийся в 14 километрах от Севаре. Улицы с трех сторон окружают большую базарную площадь. Но на рынке никого нет. Несколько мужчин греются на солнце. Говорят, что базар соберется не ранее девяти часов. Холодно!

В начале десятого мы снова в Фатоме. Солнце уже хорошо прогревает, открылись лавки, на базаре появились связки кур, кислое молоко в калемасах, веревки из коры баобаба, но баранов не видно. Народу на базаре становится все больше, и мы привлекаем всеобщее внимание. Меня заинтересовал невысокий крепкий парень в синем бубу. На шее у него серебряный «секрет» побольше спичечного коробка, на груди на ремешках висят еще две прямоугольные коробочки, какие обычно носят мавры в качестве амулетов. Но по внешности парень не похож на мавра. Спрашиваю, какой он национальности. Он молчит, хотя я перечисляю почти все национальности, проживающие в Мали. Тогда Секу задает вопрос на бамбара.

— Белла,— отвечает парень.

— Но белла — это ведь бывшие рабы?

— Да,— отвечает кто-то из стоящих вокруг африканцев.

В окружающей группе замечаю высокого старика в белом дорогом бубу. У него умное лицо, высокий лоб, на чисто выбритом подбородке как бы приклеена длинная узкая полоска белой бороды. Он знает французский язык, и мы разговорились. Это Муктар Сиссе,

фульбе по национальности, местный марабут. Он рассказывает, что у мусульман-фульбе есть две разновидности марабутов: одни у кочевых фульбе, другие у оседлых. Муктар был марабутом оседлых фульбе. Он наставник в коранической школе, где преподавание ведется на местном языке. В Мали имеются также медресе, где преподают на арабском языке. К моему предложению сфотографироваться Муктар Сиссе относится серьезно. На свой высокий лысый лоб он наматывает белую чалму. По его приказу приносят четки, которые он надевает на грудь. На прощание марабут просит прислать фото и пишет свой адрес.

Рядом с Муктаром стоит молодой африканец со спиленными верхними зубами, от чего рот его похож на белую пилу. Заметив мой интерес к его зубам, африканец смущается, сжимает губы. На мой вопрос он отвечает, что операцию с зубами выполнил кузнец. Это делается не всегда для моды, как говорит парень. При обрядах посвящения спиливание зубов иногда служит испытанием мужества.

Шел уже одиннадцатый час, а бараны все не появлялись. В это время Секу подвел к нам невысокого плотного человека, одетого в черный толстый шерстяной халат с широкими рукавами и выдавшую виды некогда белую чалму. У незнакомца было очень черное обветренное лицо с решительными чертами, орлиным носом и большими черными глазами. В наружности его было что-то от цыгана. Секу представил незнакомца как хозяина бараньего стада, находящегося в пути на базар. Если мы не намерены больше ждать, то надо ехать навстречу стаду.

И вот наш автобус бодро трясется по сносной проселочной дороге. Слева тянется большая луговина, заросшая высокой травой. Параллельно нашей дороге по луговине проходит еще одна дорога, невидимая нам. По ней едут всадники, идут люди, которых мы угадываем лишь по движущимся над травой калебасам. Вскоре на пригорке показывается и баранье стадо.

Наш незнакомец быстро сходит с дороги и скрывается по самый тюрбан в траве. Он двигается наперерез стаду. Нам видно, как он долго объясняется с пастухом. Вернувшись, он говорит, что это не его стадо и нам лучше ехать по дороге, где гонят овец. Вскоре мы ехали

по дороге, по которой шли на базар люди и гнали животных. Казалось, все предвещало удачу. Но владельцы баранов делали свои выводы. Вид нашего автобуса среди саванны изумлял их. Европейцам очень нужны бараны, иначе они сюда бы не приехали. Значит, надо повышать цену! И действительно, запрашивали тройную цену. Наш опыт в африканской торговле тут не помогал. Одним словом, за баранами нам пришлось приехать в Фатому в третий раз. Это было уже к вечеру. Но теперь сами продавцы искали нас, и баранов мы купили самым прозаическим образом и по дешевой цене.

Под вечер улицы Севаре огласились криками и музыкой балафонов и тамтамов. Это праздновали Новый год принявшие христианство малийцы. Минут тридцать они неистово играли и плясали возле виллы Нестеровых.

Танцоры были одеты очень оригинально и казались расписанными белыми квадратами. Их рубашки были похожи на рыболовную сеть с очень крупными ячейками, через которые просвечивало темное тело. К шортам из белой шерсти на длинных бечевках были прикреплены белые шерстяные помпоны, которые во время танца летали в воздухе.

Повеселив нас, христиане двинулись к соседним виллам, и вскоре оттуда понеслись будоражащие звуки тамтама и выкрики. Но на виллах, очевидно, жили малийцы-мусульмане, переживавшие последнюю неделю поста. Возле веселящихся христиан появился разгневанный малиец, который властным голосом стал высказывать свое неудовольствие. Танцующие со смущенным видом стали уходить.

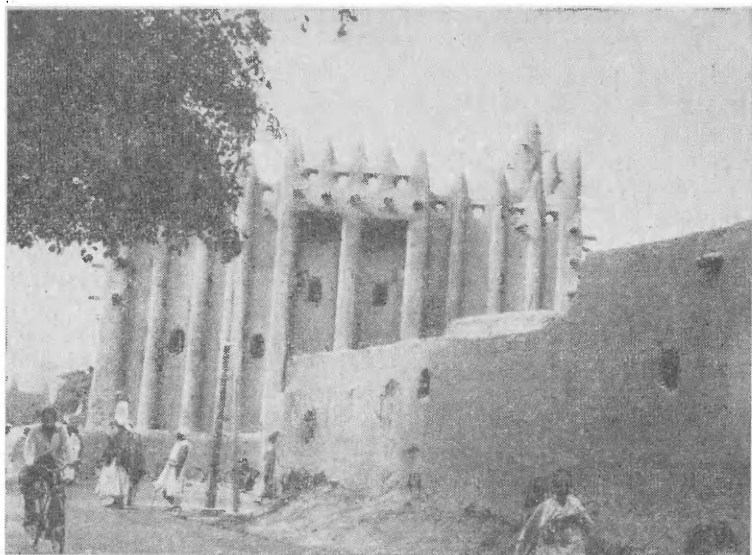
На следующий день вечером у нас состоялся «пир кочевников». На сдвинутых столах лежали туши двух пахнущих дымом, зажаренных на вертеле баранов. В последней поездке в Фатому Ив не участвовал, а гости к нему все же приехали. Поэтому на ужин приглашаем и четырех преподавателей-французов. Они демонстрируют знание русских песен. Переводчицы из профтехцентра знают французские песни. Интернациональный вечер проходит дружно, правда с некоторым перенапряжением голосовых связок с обеих сторон.

Мопти — малийская Венеция

Чтобы увидеть рыбные богатства Мали, надо побывать в «малийской Венеции» — городе Мопти. Город называют так потому, что он расположен на трех островах и значительную часть года почти со всех сторон окружен водой. С одной стороны, это река Бани, с другой — огромные затопляемые рисовые поля. Мы едем в Мопти по узкой тринадцатикилометровой дамбе, соединяющей Мопти с Севаре. По обеим сторонам дамбы крестьяне по колено и по пояс в воде жнут рис, связывают его в пучки и ставят для просушки на свободные от воды островки. По рисовому полю медленно двигаются две пироги. С одной из них рыбак забрасывает сеть. Слева рисовое поле заканчивается озером, ширина которого 3—4 километра. По ту сторону водной глади в утренней дымке разворачивается панорама большого африканского города, не похожего на другие города Мали. Над четкой линией темно-серых домов поднимается красивый зубчатый квадрат мечети.

Проехав под каменной аркой, на которой выложено название города, попадаем на большую людную площадь. Мопти делится на три части: «туземный» город Комогель, административный город Шарлоттвиль и торговый город. Осмотр начинаем с Комогеля, который наиболее красив. В отличие от малопримечательных кварталов других малийских городов Комогель характерен оригинальной архитектурой и добротными массивными постройками. Строители заставили заговорить здесь серую глину и камень, и каждый дом имеет свое лицо, а весь городской ансамбль — свою выразительность. Ни один дом не напоминает о европейском архитектурном влиянии. Дома в Комогеле одно- или двухэтажные, отгороженные от улиц высокими стенами. По городу проходят две довольно широкие асфальтированные улицы, их пересекают слегка изогнутые узенькие улочки, на которых двум автомобилям не разъехаться.

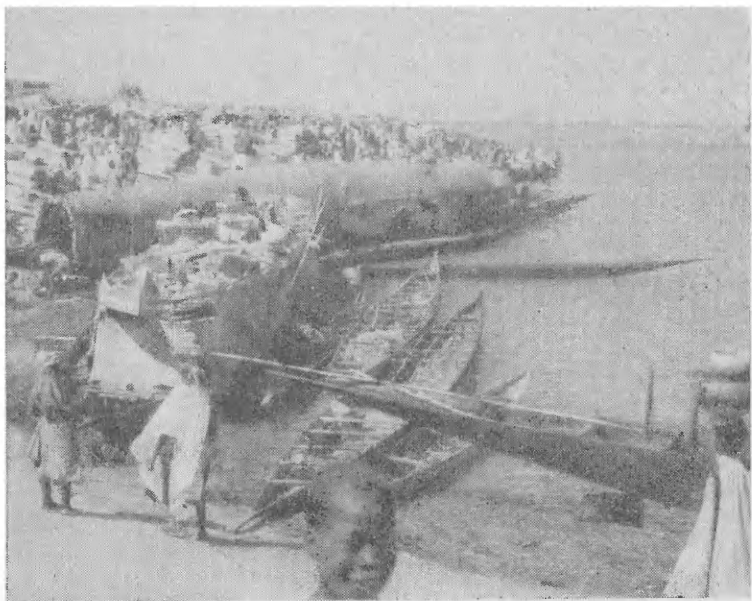
Сначала проезжаем Комогель на автомобиле. Завидя нас, ребяташки хором скандируют: «Тубабу, тубабу!» («Европейцы, белые люди»). Затем отправляемся побродить по городу пешком. Улочки живут своей жизнью: женщины толкут просо, о чем-то беседуют молодые люди, наблюдая за нами.

Старая мечеть в городе Монти

Любуемся видом города со стен мечети. Хотя город и представляется сплошным полем плоских глинобитных крыш, но здесь нет того однообразия, которое характерно для Сана. Архитектура каждого дома оригинальна и достаточно сложна. Часть здания сделана одноэтажной, часть двухэтажной, много различных пристроек, выступающих башенок. Крыши некоторых домов обнесены балюстрадой. Женщины тщательно сметают с них пыль. Здесь сушат зерно, спят или отдыхают. Из дворигов на крыши ведут красивые лестницы.

Двигаясь вместе с живописной толпой, пересекаем земляную дамбу, соединяющую Комогель с остальными частями города, и оказываемся на огромном рыбном базаре. Он отделен от административного города широким языком глубокого залива Бани. У берегов залива, касаясь бортами друг друга, стоят большие моторные пироги. Они имеют крытый верх, внутри вдоль бортов сделаны скамейки для пассажиров, середина предназначена для грузов.

Речной порт в Мопти

Реки и озера Мали очень богаты рыбой. Здесь встречаются нильский окунь, сом, карп, угорь.

На левом берегу залива стоят большие каменные лабазы, забитые тюками сушеной и вяленой рыбы. Между пирогами и лабазами тесно от торговцев рыбой. Сушеная и копченая рыба всевозможных размеров большими и малыми кучками разложена на подстилках и прямо на земле. Рыбы так много, что порой некуда поставить ногу.

Ежегодно в Мали вылавливается около 100 тысяч тонн рыбы. Большая часть ее потребляется на месте. Экспортируется около 6 тысяч тонн в год. Для оптовой торговли рыбу выкладывают своеобразными штабелями: метр в длину и высоту и полметра в ширину. Затем эти штабели обшивают рогожей и готовят для от-

правки в соседние африканские страны, где малийская рыба пользуется большим спросом.

Рыбной ловлей занимаются все жители Мали, живущие по берегам рек. Но для 80 тысяч бозо и сомоно рыбный промысел издавна был главным занятием. Они же сушат и коптят рыбу, торгуют ею. Рыба служит доходной статьёй, некоторые рыбаки разбогатели, имеют несколько пирог, которые используют сами и сдают в аренду. Бозо и сомоно занимаются предпринимательской деятельностью, перевозя грузы и пассажиров по Бани и Нигеру.

С трудом пробравшись через тесный рыбный базар, я выхожу на берег Бани. Вдоль него тянутся легкие навесы, откуда доносится визг пил и стук топоров. Часть бозо и сомоно специализировалась на строительстве пирог, которые делают из теса, привезенного из Берега Слоновой Кости. Рядом с навесами судостроителей в легких хижинах из соломенных матов, которые вяжут прямо на базаре, работают кузнецы. Один из них с помощью ручного горна нагревает докрасна металл, другие превращают его в четырехгранные гвозди. Кузнецы в основном из народа сорко.

Возле строящихся пирог два могучих рыбака-бозо просят меня их сфотографировать. Они надевают длинные черные тоги и забираются в стоящую на воде пирогу. Затем один из них спрашивает, не нужен ли мне крокодил. Я уже знаю, что ловля маленьких крокодильчиков для изготовления чучел приносит рыбакам известный доход. Им можно заказать крокодила любых размеров. Я предлагаю рыбакам сигареты и прошу рассказать об охоте на крокодилов. Они говорят, что при этой охоте сомоно и бозо не пользуются ружьями. Удача достигается знанием особых секретов. Охота на крокодила начинается с того, что на железный крюк насаживают кусок пахучего бараньего или собачьего мяса. К крюку привязывают толстую веревку и забрасывают его в воду. Второй конец веревки прикрепляют к дереву и уходят. Жадный крокодил заглатывает приманку вместе с крюком. Почувствовав себя пойманным, он начинает метаться, пытаясь оборвать веревку или оторвать приманку вместе с крюком.

Через день-два рыбаки возвращаются к месту охоты на пироггах. Убедившись, что добыча на крючке, они

отвязывают веревку от дерева и прикрепляют ее к одной из пирог. Теперь наступает заключительная и самая опасная часть охоты. Рыбаки начинают подтягивать крокодила на поверхность. Почувствовав опасность, он делает новые попытки сорваться с крюка, пускает в ход свои страшные челюсти. Голова крокодила скользит вдоль бортов пироги, он старается схватить людей. Если крокодилу удастся схватить человека за ногу, то это будет мертвая хватка. Чтобы освободить ногу, надо убить крокодила и отрезать ему голову. Охотники вооружены только крепким двойным гарпуном, похожим на железную скобу, края у которой покрыты большими зубринами. Выбрав удобный момент, один из рыбаков с силой вонзает гарпун в бок крокодила. Крокодил приходит в бешенство, вода окрашивается кровью. Могучие челюсти крошат борта пироги, кипит вода под ударами хвоста. Ярости и силе животного противостоят ловкость и смелость потомственных рыбаков.

Самый ответственный момент — извлечение раненого крокодила из воды. Когда крокодил оказывается в лодке, ему скручивают веревкой страшные челюсти. Чтобы крокодил не поднялся, одновременно связывают обе пары его лап, причем их растягивают в разные стороны так, чтобы веревка проходила через спину. Затем доставляют крокодила в деревню. Мясо его съедобно, лучший кусок предназначается самому старому рыбаку деревни. Остальное идет в пищу участникам охоты и членам их семей. Шкура крокодила достается тому, кто поразил животное гарпуном. Уничтожению подлежат прежде всего крокодилы, поселяющиеся возле деревень и нападающие на проходящий на водопой скот и собак, а иногда и на людей.

В тени невысокого склада замечаю изготовителя амулетов гри-гри. Он делает их из блестящей черной кожи и очень искусно сшивает. Я наблюдаю за его работой, но сфотографировать его с инструментами он не разрешает.

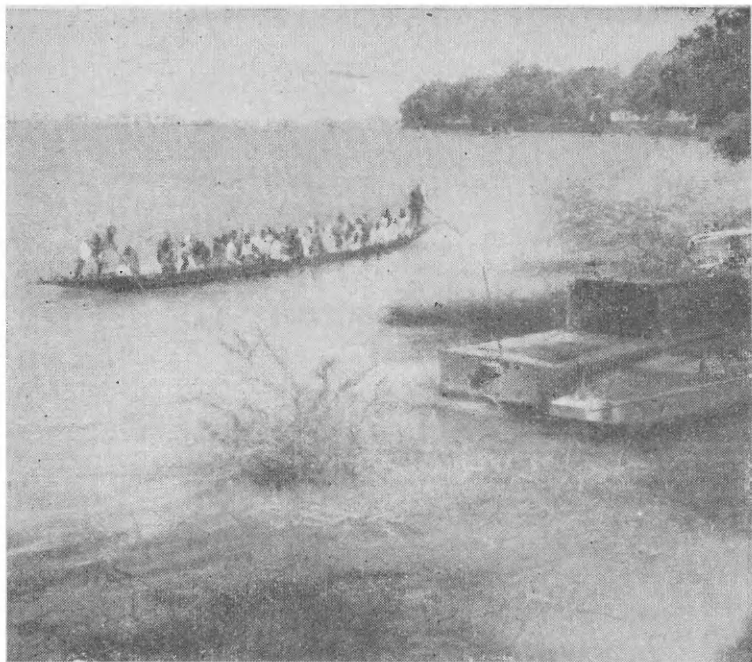
Гуляя по городу, видим много местных красавиц, одетых по случаю базарного дня во все самое лучшее. То и дело на солнце вспыхивают золотые украшения. Женщины-фульбе носят огромные золотые серьги и золотые кольца в носу и в ноздре. У некоторых жен-

*Золотые серьги у богатых женщин-фульбе
огромны и тяжелы*

щин серьги настолько велики, что почти касаются плеч. Такие серьги напоминают золотые раковины с вывернутыми створками. Верхние края раковины соединены толстым дугообразным жгутом, проходящим через мочку уха. Под тяжестью золота дыра в мочке настолько удлиняется, что кажется, мочка вот-вот разорвется. Для поддержания тяжелых серег оба жгута соединены бечевкой, искусно скрытой под платком и волосами. Ближе к вискам на подвеске женщины носят крупные белые камни. Руки их украшены браслетами — серебряными или кожаными, обшитыми бисером.

У торговцев я узнал, что цена золотой серьги равна стоимости быка. Сфотографировать носительниц огромных золотых серег не просто. При нашем приближении они стараются скрыться. Однако на помощь нам почти всегда приходят мужчины, которые принимаются уго-

Доставка крестьян на базар на пирогах — объект местного предпринимательства

варивать красавиц. В конце концов они соглашаются за плату попозировать, но при этом нетерпеливы и не задерживаются ни одной лишней минуты.

Встречаются и женщины-мавританки. Золота они не носят. Их главное украшение — красивая прическа из длинных волос, к которым прикреплены два очень крупных белых камня. Носить украшения из золота принято не у всех народов Мали. Например, у народа сенуфо считалось, что золото — священный металл и его хранение может навлечь беду.

Идем по красивой набережной города. Она обсажена большими тенистыми деревьями. Здесь находятся мэрия, городской суд, госпиталь, полицейское управление и тюрьма. По реке, отталкиваясь о дно шестами, быстро проносятся длинные черные пироги, как бы реч-

ные трамвайчики, доставляющие крестьян на базар. В этой части города находится большой базар гончарных изделий. На обширном поле разложены горы глиняных горшков, кувшинов, жаровен, цветных жбанов с ручками. Расписанные полосами розовой и белой краски кувшины играют роль своеобразных холодильников. Через пористые стенки вода попадает на поверхность горшка и испаряется. От этого стенки кувшина всегда влажные и холодные.

На базарах Мопти большой выбор домотканых одеял с разнообразными узорами, высоких седел и красиво расписанных кожаных карманов к ним. Здесь продаются железные копья, стрелы, дротики, медные колокольчики, которые пришивают к поясам и надевают во время плясок.

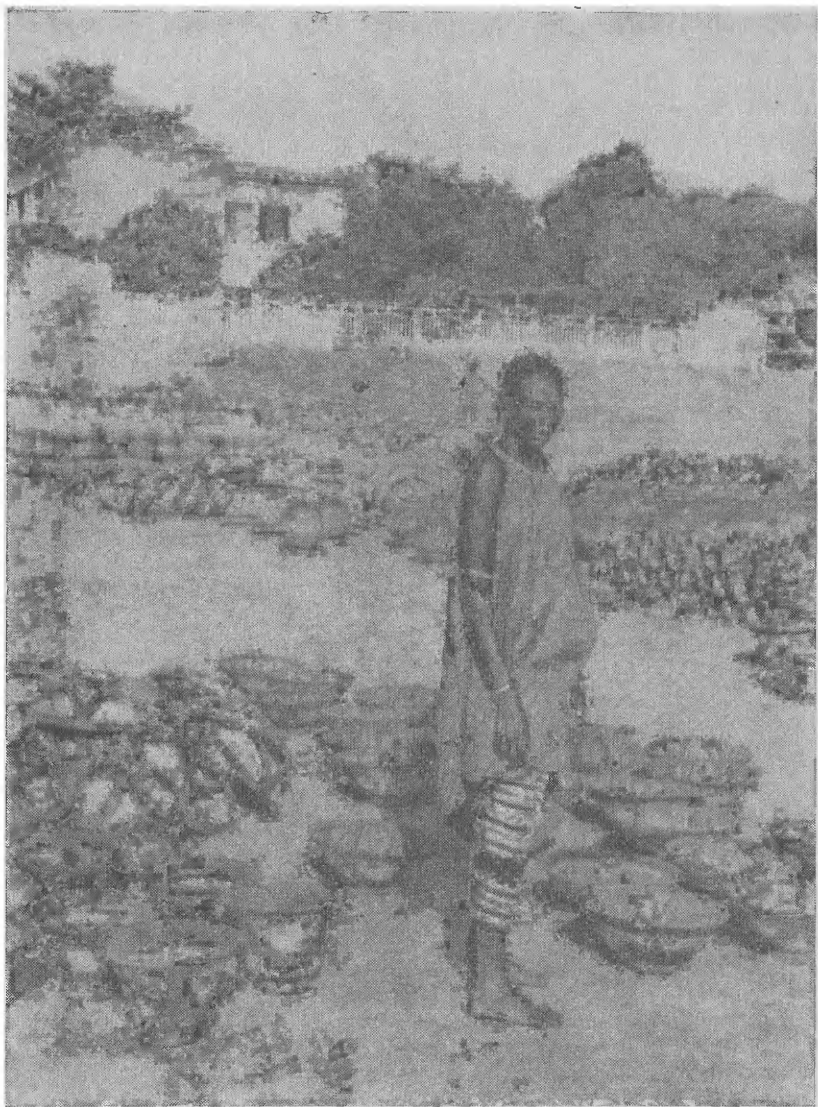
Обедаем в Комогеле в ресторане без вывески. Как и в Сане, здесь подают жареных кур, салат и чешское пиво.

В стране догонов

Выезжаем ночью. Вначале наш путь лежит в окружной центр догонов Бандиагару, находящийся примерно в семидесяти километрах от Мопти. Хорошо укатанная дорога все время идет по саванне. То и дело дорогу перебегают зайцы, иногда в свете фар мелькают антилопы. Вокруг ни звука, ни огонька.

В Бандиагару — небольшой городок на границе равнины Масины и гористого плато догонов — въезжаем до рассвета. Ни единого фонаря, ни указателя дорог. Свет фар вырывает из темноты одинокие закутанные фигуры, похожие на призраки. Это мусульмане спешат на утреннюю молитву. Они показывают нам поворот на Сангу — один из районных центров догонов.

Когда рассвело, наш автобус переваливался по каменистому плато. Дорога угадывалась лишь по прямым клочкам сухих трав да по слегка потертым автомобильными скатами камням. Мы ехали по удивительной стране камней. Как будто некогда разбушевался океан жидкого камня и вдруг застыл, оставив каменные гребни волн и провалы между ними. Лишь редкие деревья и пучки низких желтых трав поднимались из рас-

Базар гончарных изделий

селин. Иногда мы проезжали мимо деревень, напоминающих средневековые крепости. Деревни обнесены высокими каменными стенами, из-за которых наподобие сторожевых башен выглядывали какие-то узкие сооружения с островерхой крышей. И кругом все камни, камни.

Что же привело людей в этот бесплодный и печальный край? Настоящая родина догонов, по их легендам, находилась в стране Манде, в районе, где живут народы малинке и бамбара. Причина ухода догонов, по одним их легендам, — натиск более сильного народа, по другим — отказ принять ислам. Возможно, существовали обе причины. Переселение догонов произошло между X и XIII веками еще во времена империи Сундиаты. Догоны принесли с собой и свои алтари.

Новую родину догоны нашли в стране, бедной водой и плодородными землями, возле огромного каменного уступа Бандиагара, протянувшегося более чем на сто километров с юга на северо-восток. У догонов до сих пор существует запрет охотиться на крокодилов и черепаха, которые якобы в период переселения помогли вождям догонов найти воду в этих местах.

До прихода догонов здесь обитал народ курумба, переселившийся в более плодородную долину. Первое время догоны жили в тесном соседстве с курумба. Но все же приход догонов способствовал окончательному выселению курумба из этих мест. До сих пор в районе плато на неприступных скалах сохраняются их глинобитные жилища, амбары, алтари, деревянные статуэтки религиозного назначения.

Благодаря добровольной изоляции от внешнего мира догоны меньше других народов подверглись влиянию колонизации, сохранили старинные обычаи и традиционную религию.

Правда, и на новом месте у догонов появились враги из числа более сильных народов: сонгаи Гао, бамбара Сегу, фульбе Масины, тукулёры. Особенно длительную борьбу они вели с кочевниками-фульбе из Масины, которые вторгались со своими стадами на их поля. Это заставило догонов строить дома в труднодоступных местах, на скалах возле уступа Бандиагары, с тем чтобы было легче скрываться от неприятеля и отражать его набеги. Кроме того, возле уступа было больше

источников воды, такой редкой и высокоценимой в этих местах. У догонов до сих пор существует обычай угощать путников пивом или подносить им воду.

Четыре племени догонов — дион, ару, оно и домно — поселились на каменистом плато и на плодородной равнине. Их объединял верховный вождь *огон*, соединявший в своих руках религиозную, политическую и юридическую власть. Жил он обособленно от остальных, и в его хижину могли входить только мужчины. В 1893 году колониальные войска под руководством генерала Аршинара захватили город Бандиагару, затем Сангу. По приказу огона население Санги сопротивлялось три дня. Французские власти не могли окончательно покорить районы обитания догонов вплоть до 1921 года.

Догоны — земледельцы. Они отличаются большим трудолюбием. Догоны выращивают просо, сорго, фолио, кукурузу, арахис, рис, хлопок, лук, табак, фасоль, щавель. Если в долине достаточно плодородных земель, то в районе каменного уступа возделывается каждый клочок земли. Огороды создают на искусственных террасах, скатах, принося землю в корзинах из долины. Чтобы ливневые дожди не смыли землю, террасы окружают каменной стеной. Плужное земледелие не применяется. Как и другие народы Судана, догоны возделывают землю мотыгой.

Климат в стране догонов засушливый. Сухой и жаркий период длится с февраля — марта до июня, сухой и холодный сезон — с декабря до конца февраля. В это время температура по ночам опускается иногда до $+15^{\circ}$. Сезон дождей начинается в середине июня и заканчивается в середине октября. В стране догонов нет рек с постоянным течением. С первыми дождями наполняются водой болотистые долины и природные водохранилища — каменные котловины и ямы. В это время начинаются сельскохозяйственные работы.

В сезон дождей все, кроме ремесленников, работают в поле. Просо и сорго сеют в середине июня. Мужчины выкапывают мотыгой неглубокие ямки, женщины и подростки кладут в них зерна и засыпают землей. Даже самые младшие имеют свои обязанности — охраняют поля от набегов многочисленных врагов: обезьян, птиц, саранчи. Прополку производят все члены

семьи. Урожай собирают в октябре. Мужчины срезают колосья, женщины и дети связывают стебли в снопы и переносят в деревню. Месяц спустя в затопляемых местах сажают рис. В это же время сажают лук, который растет с октября по март. Лук требует ежедневной поливки, но он играет важную роль в экономике догонов. Лук продают скупщикам, а те перепродают его в Мопти бозо, которые на пирогах развозят по рынкам страны или отправляют на экспорт.

Догоны имеют свой календарь. Год по нему начинается с половины октября и состоит из тринадцати месяцев по двадцать восемь дней. Неделя имеет пять дней. Догоны делят год на четыре сезона: начало сухого сезона, полный сухой сезон, период последней луны перед дождями и сезон дождей. В середине октября догоны отмечают праздник урожая.

Во время сухого сезона догоны чинят жилища, готовя их к сезону дождей, занимаются отхожими промыслами, торговлей (особенно те, кто сумел скопить деньги), пасут скот. Скота у догонов мало, поэтому пригляд за ним считается почетным делом.

Общество догонов до недавнего времени было разделено на многочисленные группы. Так, мужчины делились на прошедших посвящение и не прошедших, существовали различные возрастные классы. У догонов, живущих в долине, различались земледельцы и люди каст — кузнецы, сапожники, гриоты. Кроме того, в деревнях имелись различные общества: масок, пастухов, прорицателей, колдунов.

В деревнях представители родов живут в отдельных кварталах и образуют большие семьи, называемые *гинна*. Большая семья делится на малые семьи, группирующиеся вокруг большого дома и зависимые от него. Управляет гинной патриарх, наследник общего предка. В своих решениях он должен учитывать мнение членов рода, но его авторитет неоспорим. Патриарх распоряжается имуществом семьи, он же — жрец семейного культа. Он дает имена новорожденным, руководит ритуалом сельскохозяйственных праздников, церемонией погребения, осуществляет необходимые жертвоприношения в честь предков, следит за соблюдением запретов. Патриарх принимает участие в заседании деревенского совета. Когда дело касается нескольких семей,

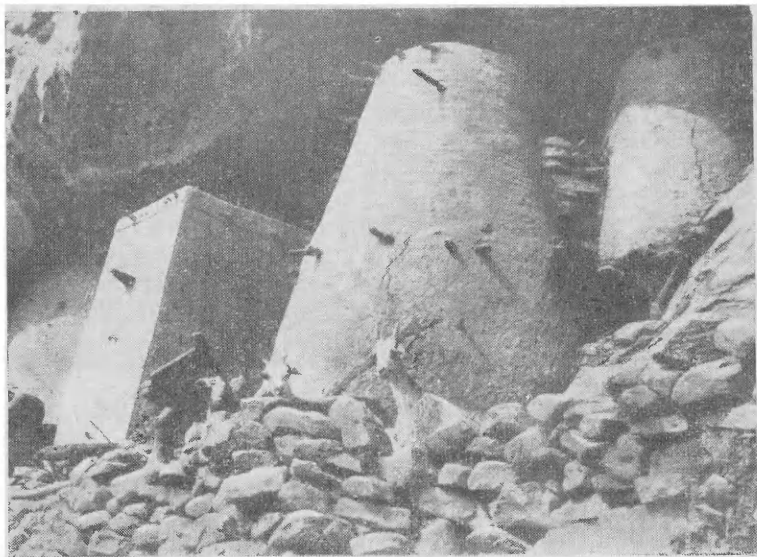
то оно коллективно обсуждается представителями этих семей. Большая семья может разделиться. В этом случае делятся и ритуальные принадлежности, строится новый алтарь, но все старые запреты соблюдаются.

Работы по железу, меди и дереву в традиционном обществе догонов выполняли люди каст. Кузнецы жили в особых кварталах на краю деревни или отдельно от основного населения. Ремесленники сами не возделывали полей, но они изготавливали необходимый сельскохозяйственный инвентарь, оружие для охотников и рыболовные снасти, а также ритуальные предметы. Кузнецы занимают важное место в обществе догонов, как, впрочем, и у других суданских народов.

Главная продовольственная культура у догонов — просо. Для его хранения делают два вида глинобитных амбаров. Одни, называемые *гэ*, устраивают во дворе хижин. Из этих амбаров зерно берут для ежедневного потребления. Другие, большие амбары *гэна*, строят на высоком месте возле самого каменного уступа, подальше от муравьев и термитов. Это амбары большой семьи, где хранятся ее резервы. Догоны пользуются амбарами *гэна*, когда пустеют домашние. Обычно это случается в жаркий период.

По обычаю догонов, если женится один из мужчин, то ему не выделяют особого участка до тех пор, пока у него не появляются дети. Как и раньше, он должен работать на общем семейном поле.

Помолвка у догонов ранняя, и жених задолго до свадьбы делает подношения в натуре и помогает обрабатывать поле семьи невесты. Чтобы объявить о помолвке, мальчик кладет перед дверью своей невесты две вязанки дров. Когда невеста становится взрослой, ее семья получает крупные подарки от жениха, но специального выкупа он не платит. Особой церемонии свадьбы нет. Просто возрастная группа жениха приводит к нему невесту, несмотря на мнимое или искреннее ее сопротивление. Утром она возвращается в дом отца. После этого она открыто приходит к своему жениху, но продолжает жить в доме отца. Она может перейти к мужу окончательно теперь чаще всего после рождения первого ребенка, а по старому обычаю — только после рождения третьего, причем она должна оставить в доме родителей своего первого ребенка.

Гэна — зернохранилище большой семьи догонов

На торжествах перед переселением молодой жены в дом к мужу присутствуют лишь друзья мужа и жены. На следующий день она идет за водой вместе с женщинами семьи мужа и готовит вместе с ними пищу как младшая хозяйка. У догонов мало женщин, и поэтому считается, что если у мужчины две жены, то он имеет идеальную семью.

Есть у догонов и другой вид брака, получающий все большее распространение, когда девушка уходит из дома к тому, кто ей нравится, чтобы избежать брака по воле родителей. В этом случае она сразу поселяется у мужа. Однако стабильная семья у догонов возникает лишь с появлением ребенка. Никаких препятствий к разводу нет.

У догонов существует разделение труда между мужчиной и женщиной. Мужчины строят дома, занимаются портняжничеством, ткачеством, плетением корзин. Женщины ведут домашнее хозяйство, делают глиняную посуду, прядут хлопок, красят ткани, собирают дрова. Но во многих работах мужчина и женщина участвуют

вместе. Это прежде всего полевые работы, торговля на базаре. В семье существует разделение собственности. Считается, что мужчине принадлежит зерно, а женщина — собственница приправ. Женщины изготавливают для продажи пиво и своеобразное пирожное из проса, что часто дает женщине более высокий доход, чем мужчине.

Большую роль в жизни догонов играют будущие работники — дети. Если у женщины дети от мужа не родятся, ей не возбраняется иметь их от другого. Если и в этом случае женщина остается бездетной, то судьба ее печальна. Отсутствие детей у женщины считается большим несчастьем.

...С восходом солнца на дороге, ведущей в Бандигару, нам стали попадаться люди. Женщины, одетые в темно-синие домотканые одежды, несли на головах большие плетеные корзины. Они имели четырехугольную форму снизу и круглую сверху. Эта форма корзин у догонов символическая. По мифам, в корзинах такой формы восемь бессмертных предков догонов доставили на землю всех животных, растения, все сорта зерна. Глинобитные амбары догонов также имеют четырехугольную форму.

Часть дороги проходит возле небольшой болотистой речки. Мужчины носят кalebасами воду и поливают изумрудные грядки лука. Наконец дорога с каменистого плато спускается в долину, на которой расположена Санга. Въезжаем на большую площадь, на которой растут могучие сейбы с доскообразными корнями-подпорками. На одной стороне площади десятка два женщин и молодых девушек толкут просо.

За Сангой автомобильной дороги нет. Дальнейшее путешествие предстоит совершить пешком. Надо представиться местному начальнику и получить гида. В десять часов утра мы сидим в кабинете коменданта района Санги. Комендант, Мамаду Сиссе, молодой мужчина в униформе, рассказывает, что в уезде есть одна начальная школа на 5—6 деревень, что раньше население лечилось у деревенских знахарей, а теперь строятся медицинские пункты. Большинство догонов — анимисты. Мусульман и протестантов в Санге мало.

Комендант представляет нам гида Ама Серу — местного статистика. Должность гида он выполняет по со-

вместительству. Ама Серу лет тридцать, он худ, легок, одет в белое рабочее бубу. У него приятное лицо. Перед отправкой он говорит, что мы должны посетить четыре деревни догонов — Тирели, Гоголи, Банани и Бонго, пройти около 20 километров очень трудного пути. Решаем взять с собой воду. Пока мы думаем, как ее разместить, Ама Серу манит подростка, и тот ловко ставит себе на голову картонный ящик с бутылками, как будто всю жизнь занимался этим.

От самой Санги дорога идет по пустынному каменистому плато. По дороге расспрашиваю Ама Серу о верованиях догонов. Он рассказывает, что главным богом у догонов считается Амма. Это бог-создатель. У догонов существует система мифов, объясняющих происхождение людей, животных, растений. Они поклоняются мифическим сподвижникам Аммы, а также силам природы — богу дождя Ана, богу солнца Най и богу огня Няу. Общение с богами происходит через посредство фетишей — деревянных статуэток, масок, ритуальной глиняной посуды, секретного языка *сиги со*. Фетиши каждой большой семьи находятся в семейном алтаре, стоящем во дворе патриарха и представляющем собой особую хижину, которую строят в первую очередь при основании деревни. Есть семейные алтари предков. Существует также общий алтарь для всей деревни, который устраивается обычно в пещере. Туда имеют право входить только жрец и вместе с ним самые старые мужчины. Догоны поклоняются священным местам и священным деревьям, посаженным либо предками, либо в их честь. На них живут духи — покровители деревни. Люди должны приближаться к священным местам, сняв обувь. Возле этих мест не разрешается веселиться.

Причиной для обращения к богу Амме и предкам бывает забота об урожае, желание помочь кому-либо избавиться от болезни. После первого дождя крестьяне просят бога продлить дождь, в период чрезмерных дождей они просят прекратить их, иначе погибнет просо. Если урожай богатый, бога благодарят.

Обращение к Амме и душам предков сопровождается жертвоприношением. Чаще всего режут кур, коз, собаку, баранов, в особо важных случаях — корову. Жертва эта велика, так как догоны почти не держат коров, а покупка ее обходится крестьянину необычайно

дорого. Жертвы приносят также по случаю начала или окончания охоты, путешествия. Часто богам наливают пива, в глиняные тарелки, стоящие в алтаре, кладут кашу из проса.

Количество и вид жертвенных животных определяет жрец. Зарезанных животных держат так, чтобы кровь стекала на фетиш. Мне приходилось держать в руках эти темно-коричневые, шершавые от высохшей крови статуэтки. Некоторые предприимчивые французы тайно вывозят их из Мали и выгодно продают американским и французским коллекционерам.

Километрах в четырех от Санги дорога спускается с плато в неглубокое ущелье. Справа тянется поросшая невысокими баобабами и кустарниками каменная расселина, над которой поднимается отвесный уступ Бандиагара, имеющий вид каменной стены; его высота от 450 до 950 метров.

В нескольких десятках метров от земли в стене имеются большие продольные ниши. Невооруженным глазом в этих нишах видны полуразрушенные глиняные хижины и амбары. Это и есть остатки поселений народа курумба, или телем, как называют их догоны. Природные ниши недоступны дождю, и поэтому сооружения сохранились до сих пор. Вероятно, жители могли забираться в свои дома только с помощью веревок. Мне интересно, что знает об этих домиках Ама Серу. Он говорит, что здесь жили пигмеи, потом они ушли.

В 1964 году в этом районе работала экспедиция этнографов и антропологов, которые с помощью подвесных кабин сумели попасть в ниши, где жили курумба. Здесь они обнаружили обширные некрополи, полные скелетов. И хотя курумба были невысокого роста, но предположение о том, что они были пигмеями, не подтверждается. Исследования о происхождении курумба говорят о том, что они также переселились из страны Манде, но раньше, чем догоны.

В момент прихода догонов курумба жили наверху, догоны же обосновались у подножия уступа. Курумба не противились поселению догонов, но и не стремились к общению с ними. Однако со временем у догонов появились друзья среди курумба, которые стали их приглашать к себе наверх. По преданиям, догоны переняли у курумба способы обработки железа и дерева, а

также много секретов, касавшихся приготовления лекарств, магии и колдовства. Хорошие отношения между курумба и догонами вошли в традицию. Когда курумба видит обедающего догона, он садится к нему, не дожидаясь приглашения. Считается, что, если догон откажется дать проса по просьбе курумба, его поле перестанет родить. Но, несмотря на дружбу, догон не мог жениться на женщине-курумба. Последнее время молодежь перестает соблюдать эти обычаи.

Дорога по камням становится все труднее. Сначала она шла вверх, теперь начинается очень крутой и опасный спуск. Иногда он прерывается обрывами. В этих местах приходится спускаться по почти вертикально поставленным бревнам с вырубленными на них неглубокими ступеньками, скользкими и отшлифованными до блеска ногами путников. Надо соблюдать величайшую осторожность, чтобы не свалиться вниз. Часть дороги идет по узкому карнизу отвесного обрыва. Внизу, метрах в семидесяти, шумит невидимый за скалами поток, оттуда слышны голоса набирающих воду женщин. Они, наверно, комментируют наш спуск. Очевидно, спускаемся мы не очень красиво, так как скалолазов среди нас нет. Как горная серна, прыгает лишь подросток с ящиком газированной воды на голове. Ама Серу останавливается на особо опасных участках и подает женщинам руку. Дрожат уставшие от непривычного напряжения ноги. Падение с обрыва будет, вероятно, смертельным или в лучшем случае кончится увечьем.

С крутого обрыва открывается перед нами удивительная, незабываемая картина. Внизу расстилается огромная равнина с редкими деревьями, уходящая вдаль. Сверху хорошо видна деревня Тирели, прилепившаяся к крутому каменистому подножию уступа Бандиагары. Дома слеплены среди валунов и скал на крутом каменистом склоне. Дворы домов похожи на крепости: они обнесены высоким каменным забором сухой кладки. Из-за стен поднимаются многочисленные узкие остроконечные хранилища проса, которые издали можно принять за сторожевые башни. Улицы деревни кривые, извилистые, в некоторых местах впору пройти лишь одному человеку.

Спустившись с обрыва, устраиваем привал у первой же хижины. Чуть выше хижины почти вплотную к ка-

менной стене стоят массивные амбары больших семей. Среди камней видны рогатые головы пасущихся коз и баранов. Мимо нас проходят женщины, несущие на голове глиняные горшки с водой. Одеты они только в юбки.

Нам хорошо видна часть деревни. Жилище догонской семьи обычно состоит из двух небольших домов прямоугольной формы, стоящих друг против друга, и круглого помещения для очага. Крыша дома сделана в виде террасы, на которую забираются по приставной лестнице. Вода с крыши стекает по деревянным желобам. Дома и очаг соединены высокой стеной. Жилища, амбары и алтари догоны делают из глиняных кирпичей, смешанных с соломой и высушенных на солнце. Сверху стены штукатурят глиной.

К главному дому прилегает двор, где находятся амбары, стойла для скота, запасные помещения. Амбары догонов имеют высоту 5—6 метров. Верхняя часть амбара — это особое отделение, где хранятся глиняная посуда и вещи, представляющие ценность для хозяев. Есть амбары, принадлежащие мужчинам и женщинам. Хотя у догонов воровство сурово карается, амбары закрываются деревянным замком.

В деревнях каждый сам строит себе жилище. Но обычно это коллективное дело молодежи квартала. Когда молодой человек решает построить себе дом, глава семьи дает ему место.

Мне хочется побывать в одном из домов догонов. За дощатой калиткой вижу мужчину, подхожу ближе и прошу показать мне дом. Он молчит, может быть не понимая, а может быть не желая меня впускать. Предлагаю хозяину деньги. В это время мне на помощь приходит Секу, которому я объясняю свое намерение. Секу несколько раз что-то говорит хозяину, тот берет деньги и открывает калитку.

Входим во двор. Справа из земли наклонно поднимается большая каменная плита. Под ней в естественной нише, где разложен костер, в окружении калebas сидит пожилая женщина. Увидев меня, она молча наливает воду в калebasу и протягивает мне. От этого подношения отказываться нельзя. Прошу у хозяина разрешения войти в дом. Пол таков, каким создала его природа. В углу насыпана широкая грядка мягкой земли. Постелив шкуру или циновку, здесь спит хозяин.

На улице в тени дома стоит группа мужчин и женщин. Я обратил внимание на молодую красивую маму лет пятнадцати, с ребенком за спиной. Раковины ее ушей унизаны алюминиевыми колечками. Небольшое алюминиевое колечко продето и в нижней губе. На мой вопрос Ама Серу отвечает, что кольца в ушах защищают женщину от дурных слов.

Во время привала, который затянулся после трудного перехода, Ама Серу рассказал нам немало интересного о догонах.

Раз в 60 лет догоны отмечают праздник масок Сиги, посвященный памяти первого догона, умершего на новом месте после переселения из страны Манде. Смысл ритуальных плясок при праздновании Сиги состоит в том, чтобы выразить почтение душе первого предка-покойника. По преданиям догонов, раньше люди были бессмертны, но один из их предков нарушил запрет и умер. С тех пор смерть появилась на земле и среди людей. Последний раз догоны праздновали Сиги в 1968 году. Следующий праздник они отметят в 2028 году.

Сиги занимает большое место в духовной жизни догонов, и ему предшествует серьезная подготовка. В конце сухого сезона деревня, желающая отметить Сиги, объявляет об этом через своих представителей на центральной площади Санги. В этот год каждый должен возделывать проса больше, чем обычно. Часть урожая предназначена для стариков и тех, кто будет занят подготовкой к празднику и не сможет участвовать в сельскохозяйственных работах. С этой целью обрабатывают дальние поля или просят часть земли у жителей соседних деревень, которые в этот год не отмечают Сиги.

За четыре месяца до праздника в деревне начинают изготавливать большую маску. Ее вырезают один раз в 60 лет. С этой целью 12 человек идут в саванну, ищут подходящее дерево и рубят его. Работой руководят старики, присутствовавшие на последнем Сиги. По преданиям догонов, первый человек умер в облике змеи. Поэтому во всю длину ствола делают плоскую змею, голова которой имеет форму прямоугольника. Длина маски достигает 4—10 метров. На мачте маски вырезают отверстия в форме равнобедренного треугольника.

Отверстия облегчают маску. Догоны говорят, что через них проходит ветер, который может опрокинуть маску, когда она ставится на церемонии погребения возле дома покойника.

На лбу маски вбивают железный крючок, который должен придать ей дополнительную силу. Во время этой операции старик читает часть мифа о первом покойнике. Треугольники маски красятся черным и красным цветом. К красной краске добавляют немного красной земли, смоченной кровью жертвенного животного.

Следующий этап — переселение души предка из старой, уже разрушившейся маски в новую. С этой целью новую маску несут в хранилище и кладут рядом со старой маской на специально подготовленный алтарь. Возле масок ставят две глиняные тарелки, чтобы душа предка-змеи могла пить. Переселение души предка из старой маски в новую обеспечивают жертвоприношением. Убивают собаку, курицу, иногда ящерицу, имеющую, по представлению догонов, большую жизненную силу. Во время жертвоприношения самый старый догон на секретном ритуальном языке сиги со читает молитву, в которой просит душу предка — хозяина саванны — переселиться из одной маски в другую.

Одновременно идет подготовка подростков, которые будут обслуживать маску во время праздника. Старики, присутствовавшие на последнем Сиги, отбирают десять подростков из всех четырех племен догонов. Об этом подростки узнают лишь в самый последний момент перед выходом в саванну. Там они должны жить в течение трех месяцев в пещере, изучать под руководством стариков секретный язык сиги со и заучивать наизусть мифы. С собой разрешается брать только кожаные сандалии и шкуры коз и баранов. Это делается для того, чтобы напомнить время, когда люди не знали ткачества. Во время обучения подростки носят специальный костюм и не должны видеть других людей. Жителям деревни запрещается выходить в саванну.

К празднику масок все мужчины делают из деревянной рогульки особые «стулья масок» на одной ножке в виде буквы «Т». Стулья представляют одного из предков догонов с раскинутыми руками. На них мужчины садятся, когда пьют пиво.

Праздник начинается по сигналу барабана деревни,

открывающей торжество. Ему вторят барабаны других деревень. В это время старик, уже видевший Сиги, поднимается на террасу дома и бросает призыв на ритуальном языке сиги со. По его сигналу все мужчины деревни моются, бреют голову, смазывают голову и тело маслом и одеваются в праздничные одежды. Затем они отправляются к хранилищу масок, откуда посвященные выносят новую большую маску, которая воплощает первого мифического покойника.

Замена маски обозначает объединение всех мужчин, не присутствовавших на первом Сиги. Жертвоприношение дереву не только обеспечивает переселение души предка, но и связывает живущих до следующего Сиги.

Праздник Сиги длится три месяца. В это время догоны прославляют бога Амму, большую маску, рассказывают мифы о сотворении мира, пляшут, едят мясо, рисовую и просяную кашу, пьют много пива, причем начинает старший и заканчивает младший. Однако бывают дни, когда старики угощают пивом молодых. Подростки, прошедшие посвящение, имеют право на дополнительное диво. Руководят праздником старики, уже видевшие Сиги. Каждый вечер они делают круг, выступают гуськом друг за другом, звонят в колокольчики, поют песни в честь тех, кто умер и кого нет на празднике. На протяжении всего праздника старики, уже присутствовавшие на празднике масок, остаются ночевать около большой маски.

Во время праздника мужчины наносят визиты в соседние деревни, где их угощают пивом, пляшут там на ритуальном поле, принимают гостей у себя. Женщинам участвовать в праздновании Сиги запрещено.

В каждой деревне есть общество масок, которое образуют взрослые мужчины, прошедшие обряд обрезания. Во главе этого общества стоят старики, и авторитет его членов зависит от возраста. Каждая возрастная группа вырезает свою маску. Каждая маска — плод собственной фантазии, но соблюдаются определенные каноны. В настоящее время появились мастерские, где режут маски.

Танец в маске требует умения, и этому надо учиться. Масок у догонов много, и они разнообразны: есть маски животных, птиц, маски представителей определенного ремесла. Но мужчины никогда не танцуют в

масках, изображающих животных, старую женщину, черный знак. Под этими масками танцуют подростки. Посторонним не разрешается видеть, как надеваются и снимаются маски.

Каждая деревня или группа деревень имеет несколько больших масок (высотой до 4—6 метров), которые хранятся в особых убежищах возле деревень. Женщинам и детям запрещается приближаться к этим укрытиям. Мальчикам до обрезания ничего не говорят о масках. Ама Серу рассказывает, что в деревне Гоголи большая маска хранится на подставке из черепов. Есть маски, вырезанные в 1725 и 1730 годах.

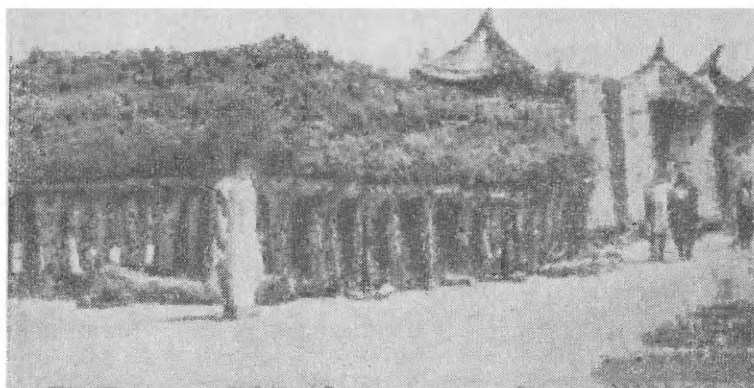
В обществе масок старики за плату, вносимую раковинами каури, обучают молодежь языку сиги со. Обучению предшествует специальный ритуал, состоящий в том, что учитель и ученик пьют из одной калебасы пиво, смешанное с кунжутным маслом.

...Наконец мы трогаемся в путь. Ама Серу уверенно находит дорогу в лабиринте деревенских улиц. В деревне Гоголи мы услышали звуки барабана, крики, плач и стрельбу. Вскоре показалась группа мужчин и женщин, которые почти бежали. На носилках, сделанных из веток, мужчины несли умершего человека, возвращенного в белый саван. Люди двигались как-то странно: сначала шли вперед, потом делали попытку пойти назад. Затем покойника положили посередине деревенской площади и стали приносить жертвы. Седобородый старик в это время читал молитвы. Это был один из элементов похоронной церемонии догонов, которая весьма оригинальна.

Ритуал погребения у них складывается из двух частей. Это церемония погребения непосредственно после смерти, длящаяся неделю, и *дамá* — пышный ритуал по истечении некоторого срока. Для женщин *дамá* проводится через три недели после смерти, для мужчин — через год, а иногда через три.

Ама Серу рассказывает, что умершему мужчине бреют голову, а волосы собирают в калебасу, которую ставят в некрополь в момент погребения. Затем тело через деревенскую площадь несут на семейное кладбище, находящееся обычно в пещере. По ритуалу, люди должны двигаться вперед и назад, как бы не желая отдавать покойника. На кладбище в течение недели

*Тогуна — место, где собирается деревенский совет догонов
и отдыхают старики*

тело покойника охраняют, чтобы избежать злых козней колдунов. Во время церемонии погребения жители деревни не могут заниматься обычными делами. В день смерти, вечером, мужчины из рода умершего под руководством самого старого, вооружившись ружьями и пиками, поднимаются на террасу дома покойного и в присутствии жителей деревни бряцают оружием, стреляют. Старший сын в это время произносит похвалу покойному, благодарит его «за воду, за галеты из проса, за вчерашние благодеяния». Родственники покойного остаются на террасе до утра.

В последующие дни женщины оплакивают покойного возле его дома, скребут осколками калebasы землю. Все мужское население деревни, вооружившись ружьями и пиками, разделяется на два лагеря и имитирует сцену боя, который начинают самые старые. В ритуал похорон мужчины входит также разыгрывание ночных сцен нападения и преследования, а также охоты. Всю ночь в деревне играет оркестр из флейт, рогов и барабанов, звучат погребальные песни. При похоронах взрослого мужчины на церемонии дама́ устраивают пляски масок, в которых участвуют все мужчины, способные носить маски. Если смерть произошла во время Сиги, то во двор покойного вносят большую маску.

Во время недели траура в дом умершего приходят друзья и родственники из многих деревень. Их угощают просяной кашей и пивом. При церемонии погребения устанавливают глиняную тарелку для покойного в семейном алтаре. Это означает его переход в разряд предков. После окончания траура деревня принимается за свои обычные дела, но семья усопшего обязана долго соблюдать определенные запреты, в частности она не должна работать в поле, а вдова или вдовец — выходить замуж или жениться.

В деревне Гоголи останавливаемся, чтобы полюбоваться массивным сооружением, называемым *тогуна*. В этом месте собираются мужчины для обсуждения всех деревенских дел. Оно состоит из нескольких рядов неотесанных каменных столбов и очень толстой крыши из стеблей проса. Внутри сделаны скамейки из бревен. Тогуна стоит на возвышенном месте. Здесь всегда царит густая тень и продувает ветерок. Возле тогуны находятся общие алтари деревни. Мне хочется как можно лучше сфотографировать место «деревенской мудрости». Но мои топтания с фотоаппаратом вызывают протест старца, до того незаметно сидевшего в тени дома. Старец вскакивает, машет руками, что-то кричит.

Пройдя Гоголи, спускаемся на равнину. Это сплошь возделанное поле, на котором оставлены редкие деревья. Перевалило за полдень, и солнце немилосердно жжет. Идем по утомительной песчаной дороге. Сходить с нее нельзя. Во-первых, энергично протестует Ама Серу, во-вторых, колючки крам-крам тут же впиваются в ноги. По дороге попадает несколько молодых баобабов, у которых кольцами срезана кора, идущая на изготовление веревок. Мы быстро устаем, и группа растягивается.

Вдруг наш гид, который только что оживленно разговаривал с нами, замолкает. Он выглядит серьезным и испуганным. Я смотрю вокруг, пытаюсь понять причину перемены, происшедшей с Ама Серу. Впереди метрах в тридцати от дороги стоит баобаб, кора с которого не срезана. По обеим сторонам баобаба в землю воткнуты высокие колья, на концах которых укреплены пучки какого-то растения. Баобаб — священное дерево в деревне Гоголи, на нем живут духи — покровители деревни. Шуметь здесь нельзя, чтобы не потревожить

и не разгневать могущественных духов. Глядя на Ама Серу, примолкли и мы.

Проходим еще километров пять по тяжелой дороге вдоль купающейся в знойном мареве высокой каменной стены Бандиагары. Наконец Ама Серу объявляет привал под баобабом, который в сухой сезон стоит без листьев и не дает тени. Ама Серу что-то говорит мальчику, который несет воду. Тот сбивает несколько низко висящих плодов баобаба, раскальвает их и протягивает нам. Внутри плода мучнистая беловатая масса, сладкая и приятная на вкус.

К нам подходят трое молодых парней, очевидно направлявшихся из деревни в саванну. В руках у них длинные ножи, которыми они как-то полувоенно играют, поглядывая на наших девушек. Один из них понимает по-французски. Спрашиваю, какие крупные города он знает. Называю Париж, Лондон, Москву. Парень отрицательно качает головой. Тогда прошу назвать города, которые ему знакомы. Парень называет Абиджан, Дакар. Туда он ходит на заработки.

Чтобы вернуться в Сангу, надо подняться на каменный уступ, с которого мы с таким трудом спустились. Но подъем оказался гораздо сложнее. Карабкаемся по крутому узкому каменистому коридору. Гулко стучит сердце, с трудом ступают ноги. Вода уже вся. Пересохла она и в колодце, который попадает на нашем пути. Наконец мы наверху. Вокруг застывшая каменная лава. Возле деревни Бонго нас поджидают человек десять мужчин и подростков, которые предлагают тамтамы, деревянные замки, стилизованные статуэтки, календарные тыквы, расписанные символическими фигурками животных. Торг идет в подземном туннеле. Сюда не проникают лучи солнца, поэтому здесь прохладно.

Пора отправляться в обратный путь, но вставать очень трудно: сказалось напряжение сегодняшнего дня. Один из наших товарищей не может подняться. Приходится сидеть в туннеле еще около часа. На обратном пути ничто уже не радует и не удивляет. Приходим в себя лишь в Санте, когда сидим в каменном помещении бара и пьем холодное пиво.

Солнце начало склоняться на запад, и длинные тени могучих сейб протянулись по площади Санги, когда Ама Серу возвестил, что скоро начнутся пляски дого-

Догон-танцор

нов, организованные комендантом по нашей просьбе. Мы пересекли площадь, где женщины толкли просо на ужин, и направились к дому коменданта. Возле каменного сарайчика мы увидели какие-то странные фигуры. Догадываемся, что это танцоры одеваются в своей «артистической уборной».

Минут через двадцать на площади появляются двое тамтамщиков. Один ставит на землю тамтам в форме ступы, обтянутый с одной стороны кожей. Второй тамтам похож на широкий низкий бочонок. Он обтянут кожей с двух сторон и висит на ремне, перекинутом через плечо. Тамтамщики условными сигналами вызывают танцоров и возвещают о начале представления. Появляются маски, о которых мы немало слышали. Одежда танцоров поражает своей живописностью. На лицах надеты маски, сделанные из белых раковин кау-

ри с черными проемами глазниц. Все танцоры — мужчины, но у некоторых из них на обнаженной груди надеты лифчики, обшитые каури. К ним прикреплены черные деревянные конусы, имитирующие женскую грудь. Это маски, изображающие женщин-фульбе. От пояса к коленям наподобие верхней юбки свисает толстая бахрома из волокон сизаля, окрашенных в ярко-розовый цвет. Такая же бахрома, только короткая, охватывает руки танцоров у локтей и у запястья. Под сизалевой юбкой до щиколоток свисает более редкая бахрома из черных как смоль блестящих волокон, напоминающих обрезанные конские хвосты. Обуви на танцорах нет. В руках у них коровьи хвосты. На головах укреплены деревянные маски.

Впереди выступает главная маска. На деревянной основе, имеющей отверстия для глаз и три параллельные полосы, означающие нос и щеки, возвышается восьмиметровая планка, раскрашенная в белый и розовый цвет. У остальных танцоров на деревянных масках своеобразные двойные кресты высотой более метра. Это стилизованное изображение крокодила.

Зрелище танцующих догонов необычайно красочно. Во время танцев догоны двигаются по кругу на некотором расстоянии друг от друга. Движения сопровождаются выпадами то в правую, то в левую сторону. Ритм тамтамов нарастает. Развевается черная бахрома, вздрагивают ярко-розовые юбки, мелькают, покачиваясь, белые кресты и белые маски с черными глазницами, хлопают коровьи хвосты, раздаются глухие гортанные выкрики. Выпады и наклоны становятся все стремительнее. Теперь танцоры на ходу быстро откидывают корпус назад и так же быстро наклоняются вперед, от чего кресты описывают в воздухе дугу и, поднимая пыль, касаются земли.

В заключение главная маска высоко подпрыгивает и демонстрирует искусство управления своей «антенной». Закончив танец, догоны издают гортанные крики и бросаются преследовать собравшихся вокруг деревенских ребятишек. Ребятишки с воплем удирают. Зазевавшихся хлещут коровьими хвостами.

Обратно выезжаем, когда солнце начинает садиться. От Бандиагары до Севаре большинство из нас дремлет после трудного дня. Вдруг автобус резко прыгает

вперед, затем дергается и останавливается. Сидевшие впереди малийцы, которых мы взялись подвезти, что-то кричат и выскакивают из машины. Секу тоже как ветром сдуло из-за руля. Разбуженные криками, минуты две мы недоумеваем, но вот появляется Секу с малийцами, волоча что-то тяжелое. Стараясь скрыть торжество в голосе, он сообщает, что сбил автобусом антилопу.

Малийцы теперь уже по-французски стали рассказывать, как это произошло. Свет фар ослепил антилопу, стоявшую на обочине. Не видя перед собой дороги, животное не двигалось. В это время Секу прибавил газ. Напуганная шумом мотора антилопа все же побежала, но не в спасительную саванну, а через дорогу, тут и настигли ее колеса автобуса. Убитую антилопу вечером освеживали, и она пошла в общий котел. Секу как охотник забрал себе шкуру и голову. Грациозную голову животного он укрепил на моторе и открыл капот. Теперь каждый мог видеть, что за рулем сидит лихой шофер.

Когда на обратном пути в Бамако наш автобус безнадежно сломался, мы шутя говорили Секу, что он сбил священную антилопу и духи догонов мстят ему за это. Секу промолчал, но голову с мотора снял.

СТАРОЕ И НОВОЕ

Табаски — самый большой праздник

Я приехал в Мали в разгар мусульманского поста, который длится месяц. Во время поста люди едят только ночью. В течение дня в рот не должно попасть и маковой росинки: не разрешается ни пить, ни курить, нельзя глотать даже собственную слюну. В это время ослабленный организм легче поддается заболеваниям. Студенты мои стали хуже заниматься.

Дом служащих стоит в километре от главной городской мечети, но ежедневно задолго до рассвета я просыпаюсь от голоса муэдзина, призывающего к утренней молитве. Вечером возле квартальных мечетей можно видеть белые фигуры молящихся, освещенные редкими керосиновыми фонарями.

В день окончания поста с утра устраивается грандиозное молебствие на огромной немощеной площади возле главной мечети Бамако. Однако и эта площадь не в состоянии вместить всех желающих. Перед аллахом равны богатые и бедные, но к мечети одни приезжают на шикарных автомобилях, другие на мопедах и велосипедах, большинство же скромно приходит пешком.

На молебне присутствуют в основном мужчины. Женщин допускают только пожилых. Их очень немного, и сидят они сзади молящихся мужчин в тени деревьев. Люди сходятся на площадь задолго до начала молитвы. Разостлав циновки, они молча усаживаются на них. К началу молебна вся площадь бывает покрыта ровными шеренгами длиной 200—300 метров каждая.

Вот через установленные на площади динамики звучит голос имама, и молебен начинается. Тысячи людей одновременно делают одни и те же движения: прости-

Конец мусульманского поста отмечается грандиозным молебном

рают вперед руки, касаются ими лица, сгибаются для поклона, становятся на колени, падают ниц, касаясь лбом земли. Молебен длится полчаса. Затем ряды смешиваются. Верующие свертывают коврики и начинают расходиться. От шаркания тысяч ног над немощеной площадью поднимается облако красной пыли. Последними важно и медленно уходят немногочисленные женщины. Одеты они в белоснежные кофты с длинными рукавами и длинные платья. Поверх платьев у некоторых прозрачные нейлоновые накидки, на головах белые платки. У других поверх платков надето украшение в виде четырехугольной золотистой короны.

Затем начинается веселье. На улицах появляются гриоты со своими музыкальными инструментами. До глубокой ночи малийки темпераментно пляшут под звуки тамтама. Для танца характерен резкий наклон

корпуса. Вытянутые руки то стремительно опускаются до земли, то взмывают в ночное небо.

Пляшут обычно девушки лет двенадцати-шестнадцати. Быстрота — главное в танце. Происходит своеобразное соревнование возможностей барабана и человека. Пляски под тамтам часто парные. Я пытаюсь определить продолжительность пребывания в круге. Получается не более полутора-двух минут. Чтобы ничто не мешало движениям, девушки перед выходом в круг сбрасывают обувь. Над танцующими висит облако пыли, но никто этого не замечает.

Место пляски сдавил круг зрителей. Дети особенно сильно поддаются магическому действию тамтама. Их глазенки горят, они зачарованы происходящим. Днем, вооружившись старой кастрюлей или бидоном, они подражают взрослым.

Быстрые парные пляски сменяются коллективными. Теперь в круг вступают замужние женщины. Они выстраиваются цепочкой и ритмичными плавными движениями взмахивают широкими нейлоновыми накидками.

Самый большой праздник малийских мусульман — Табаски, или праздник Барана. Бывает он обычно в апреле, через 70 дней после окончания поста. Но точная дата его определяется положением луны на небе. Даже накануне до захода солнца никто определенно не может сказать, будет ли завтра праздничный день. В день Табаски глава каждой семьи обязан зарезать несколько баранов. Хотя дата праздника известна лишь приблизительно, население начинает готовиться к нему заранее. На улицах Бамако появляются одетые в белое мавры со стадами овец. Из дворов доносится бляение уже приобретенных баранов. Под деревьями вдоль тротуаров устроились парикмахеры, которые без мыла, с помощью одной только воды ловко бреют головы. Женщины шьют наряды. В день Табаски все хотят быть красивыми и нарядными. Табаски — нерабочий день.

Табаски начинается с еще более грандиозного молебна, чем в день окончания поста. На площади возле мечети не хватает места. Молящимися заполнены все прилегающие к площади улицы и переулки. Подъезд к площади регулирует полиция. И снова шеренги людей, одетых в белые и синие бубу, волнами падают ниц, простирают руки.

В конце молебна на помосте, установленном на площади, закалывают жертвенного барана. В этот праздник овца может быть заколота за грехи одного человека, корова или бык — за семерых, верблюды — за десятиерых, причем жертва должна быть однолетней. Бараны туши тут же свежуют, набивают просом и поджаривают на вертеле.

Приносить жертвы нужно, чтобы попасть в рай. Лишь тот попадет в рай, кто сумеет на жертвенных животных переехать перекинутый над адом мост Сират. Мост этот тоньше женского волоса, острее лезвия меча и горячее пламени. У входа на Сират мусульманина будут ждать бараны, коровы и верблюды, заколотые верующим в праздник Табаски. Тот, кто не закалывал животных, не сможет переехать по этому мосту. Он не удержится на нем и упадет в ад.

Эту мусульманскую легенду рассказывает мне Драман, правоверный мусульманин. Закалывать баранов могут не все. Овца стоит почти целую месячную зарплату неквалифицированного рабочего государственного предприятия.

Ислам — религия классового общества. Еще в XI—XIV веках он способствовал сплочению разрозненных племен Западной Африки, поклонявшихся различным местным божествам. Ислам служил прежде всего интересам родовой знати и богатых торговцев, которые первыми приняли новую религию. Став мусульманами, феодальные правители обязались совершать паломничество в святые места — Мекку и Медину. Эта традиция жива и сейчас, но путешествуют теперь не на верблюдах, а на комфортабельных реактивных самолетах. Такое паломничество по карману далеко не многим малийцам. Для мусульман, оставшихся дома, показывают цветной фильм о святых местах. На демонстрацию таких фильмов верующие приходят как на праздник — в лучших одеждах. Появление на экране Каабы, которую целуют верующие, встречается аплодисментами.

Третий праздник малийских мусульман — Маулюд, день рождения пророка. Начинается он необычно: глубокой ночью европейцы, живущие в африканских кварталах, бывают разбужены грохотом кастрюль, сковород и других металлических предметов. Этот грохот обозначает вознесение Мухаммеда, который, по преданию, ле-

тел на молнии и успел совершить свое путешествие так быстро, что, когда вернулся на землю, постель его еще не успела остыть.

Кроме праздников мне пришлось присутствовать и на похоронах: умерла жена моего студента Майга. Раньше она училась в Административной школе. С Фофаной и еще одним малийским преподавателем едем в госпиталь. В палате — сам Майга, сестра покойницы и несколько студентов. Сестра несколько раз пытается заголосить, но ее всякий раз быстро успокаивают. Громкое причитание не принято.

Похороны состоялись в тот же день. После обеда приезжаем в квартальную мечеть. Человек сорок мужчин уже выстроились в шеренги для молитвы. Фофана увлекает меня туда же.

— Я же не мусульманин, молиться не умею.

— Просто стой, так надо.

В составе длинного автомобильного кортежа медленно едем на кладбище. Женщин нет ни одной, они остались дома. Могила уже готова. Несколько человек роют боковую нишу. Затем родственники встают на колени вокруг носилок, молятся, обратясь лицом на восток, и укладывают покойницу в нишу так, чтобы она лежала лицом к Мекке. Нишу закладывают камнями, отверстия замазывают глиной и засыпают могилу. Все делается очень быстро.

Похороны завершаются большим молебном возле дома Майги. На нем присутствует по крайней мере человек сто пятьдесят. Майге все время говорят одну и ту же фразу: «Пусть бог даст тебе силу перенести твою печаль».

По дороге домой Фофана рассказывает, что до провозглашения независимости похороны были очень разорительны для семьи усопшего. Они продолжались несколько дней. Все это время надо было содержать многочисленных родственников, друзей семьи, вознаграждать гриотов, раздавать раковины каури. На похороны собирались сотни людей. Чтобы справить приличные похороны, надо было иметь полные закрома проса, забить много скота, раздать много денег и каури. Если семья не располагала достаточными ресурсами, церемония похорон откладывалась до следующего более благоприятного года. Теперь срок похорон определен в одни

сутки. Это сделало ритуал похорон не столь обременительным.

В обычное время религиозный день недели — пятница с обязательной полуденной молитвой в главной мечети. Ислам предписывает верующим пятикратную ежедневную молитву, однако это требование соблюдается немногими.

Поскольку молитва начинается в строго определенные часы, некоторые бросают на это время работу и выходят на улицу, чтобы помолиться. Однажды во время поездки по стране, совпавшей с постом, в 7 часов вечера наш шофер Секу Туре без предупреждения выбежал из машины и куда-то исчез. Забеспокоившись, мы вышли на розыски и увидели его склонившимся в молитве.

Пятница считается днем подаваний. Множество неизвестно откуда взявшихся калек, нищих, слепых появляется в этот день возле главной мечети. Владелец лавки сказал мне однажды, что, подавая в пятницу, он надеется через год удвоить свой капитал. Аллах помогает тому, кто не забывает ближнего.

Студенты говорили мне, что мусульман, уклоняющихся от молитвы, осуждают родственники и соседи. На площади во время молебна мне приходилось видеть государственных деятелей и руководителей Административной школы, по пять лет проучившихся в западноевропейских странах. Ислам оказывает большое влияние на все стороны жизни малийского общества.

Ислам исповедует примерно 60% малийцев, проживающих в основном на севере страны, где арабское влияние было сильнее. Как правило, жители малийских городов — мусульмане. Пропаганду ислама в стране ведут различные мусульманские ордена и секты, имеющие печатные издания. Дети многих мусульман обучаются в коранических школах.

Советский врач Г. А. Леонов рассказывал мне о главе одной из мусульманских сект, жившем около Ниоро. Он имел влияние в Мали, Мавритании и Сенегале. Посоветоваться с ним приезжал бывший президент Мали, подаривший ему автомобиль. «Шериф», то есть потомок пророка, каким считало «святого» местное население, жил отшельником в трех километрах от Ниоро и уже двадцать лет не был в городе. Слово его почиталось как закон. Первое время мусульмане посещали

врача-европейца только с разрешения «шерифа». Посредником при этом был местный марабут.

Однако, после того как Г. А. Леонов сделал успешные операции брату и жене «шерифа», к русскому доктору можно было ходить без разрешения. Дважды в месяц «шериф» сам приглашал доктора, чтобы проверить кровяное давление. Обычно посетители разувались за сто метров от дома «шерифа» и шли босиком, а последние метры ползли на коленях. Свою руку «шериф» подавал не каждому. Для «доктора Жоржа» было сделано исключение.

Переводчик Умар говорил, что «шериф» знает десять языков, в том числе английский, французский и языки многих суданских народов. Возле дома стояли плетеные хижины, в которых жили ученики и бои «шерифа».

Большинство моих студентов исповедовали ислам, но были и фетишисты. Я поинтересовался у Саму Кулибали, почему он перешел в ислам.

— В городе как-то неудобно говорить, что ты поклонник многих богов.

А Ламисса Байоко из народа сенуфо, казалось, намеренно подчеркивал, что он фетишист. С Ламиссой Байоко интересно поговорить, так как его дипломная работа посвящена социально-экономической организации его родной деревни Занферебугу, находящейся в 52 километрах от Сикасо и насчитывающей 1300 жителей.

— По верованиям анимистов,— говорит Ламисса,— в природе и обществе существует высший порядок, установленный творцом. Человек не может изменить мир. Его задача состоит в том, чтобы жить в согласии с установленным порядком. Каждая деревня находится под защитой духов-покровителей. Имеются также фетиши — покровители семьи.

В Занферебугу есть тайное общество анимистов. При вступлении в него проходят особый обряд посвящения. За последние двадцать лет две трети деревни Занферебугу стали мусульманами. Но если в деревне возникают трудности, крестьяне вновь обращаются к прежним богам.

Как-то во время беседы об африканских религиях староста одной из групп Мамаду Черо сказал:

— Религия, может быть, и вымысел, но наука тоже не раскрыла тайну возникновения мира.

Теория эволюции Мамаду Черно не удовлетворяет. Он серьезно говорит о существовании дьявола, даже знает несколько способов увидеть его. Я не прочь посмотреть малийского дьявола. Черно обещает помочь мне в этом, но предупреждает, что за последствия не отвечает. Я спрашиваю, что может случиться.

— Психическое расстройство, сумасшествие, мало ли что еще. Дьявол не прощает тому, кто пытается его увидеть.

Мамаду рассказывает, что он родился в деревне. Туда действительно проникает не много сведений из внешнего мира. А кругом саванна, населенная добрыми и злыми духами. Именно здесь рождаются и поддерживаются фантастические представления о мире, о необыкновенной силе колдунов и знахарей, способных превратиться в льва, заставить рыбу выскочить на берег, а дичь — бежать навстречу охотнику, одним взглядом заломить занесенную руку с ножом, с помощью принесения жертвы исцелить больного, которому не смогли помочь врачи, получившие образование в Европе.

Среди деревенских охотников были главные колдуны. Не подчинившемуся их власти охотнику грозила опасность остаться без дичи. К колдовству прибегали женщины, если они страдали бесплодием или если их переставали любить мужья. Герои малийских легенд всегда наделяются способностью к колдовству.

В деревнях есть ведуны и знахари, изготавливающие фетиши, обереги — гри-гри, противоядия против укусов змей и лекарства от болезней. Это делается за плату, способы изготовления лекарств держатся в секрете и передаются по наследству. Среди знахарей, безусловно, встречаются неплохие знатоки целебных трав и растений. Умар Касоге, мой студент из народа догон, рассказывал о происхождении противоядия от укусов змей. Однажды охотник увидел дерущихся змей. Затаившись, он стал наблюдать. Одна из змей получила несколько укусов и уползла. Заметив, какими растениями она лечит свои раны, охотник стал делать из них противоядие.

При этом мне снова вспомнился разговор с Г. А. Леоновым. Однажды ночью его вызвали в больни-

цу, сказав, что привезли важного человека. Им оказался известный местный колдун. Его укусила заползшая в хижину змея. Несколько дней колдун лечился собственными средствами, но, увидев, что они не помогают, велел доставить себя в больницу.

У малийцев-мусульман изготовлением оберегов занимается марабут. Обычно с просьбой об изготовлении гри-гри обращается мать заболевшего ребенка. Марабут пишет на клочке бумаги или пергамента изречение из Корана на арабском языке. Затем магическая бумажка (но это может быть и священный порошок, взятый у знахаря) попадает в руки шорника, который зашивает ее в черный блестящий квадратик кожи, называемый гри-гри. Гри-гри сохраняются, передаются по наследству. Их носят на кожаном ремешке на шее, поясе, подвешивают к локтю и ноге. Наш дворник Яя Дигиба носил не меньше десяти гри-гри, а в торжественные дни надевал и больше.

Пришлось мне послушать и о пережитках тотемизма. Дядя Умара Касоге, работавший на железной дороге и происходящий из народа сараколе, рассказывал, что у его народа священным считается удав, которого нельзя убивать. По преданию, однажды мальчик сараколе заблудился в саванне. Выбившись из сил, он забрался в пещеру и уснул. Проснувшись, мальчик увидел, что у входа в пещеру, свернувшись, лежит огромный удав. В это время к пещере приблизилась гиена, которая хотела напасть на беззащитного ребенка. Но удав преградил путь гиене и прогнал ее. Когда к пещере пришли люди и увидели лежащую у входа змею, они решили ее убить. Однако мальчик рассказал, что змея спасла его. С тех пор удав стал священным для всех сараколе. Люди из рода Траоре, по словам Драмана, не могли есть мясо крокодила, ибо один из их предков превратился в крокодила и шесть лет во время голода кормил людей рыбой. В роде Диарра чтят льва, имя которого они носят.

Кроме мусульман и анимистов среди малийцев есть христиане. Их немного, около тридцати тысяч. На улицах Бамако можно встретить белого патера с крестом и темнокожих монахинь.

Правительство Мали проводит мероприятия, направленные на борьбу с невежеством и суеверием. Это

строительство в деревнях школ и медицинских пунктов, пропаганда медицинских знаний среди населения, борьба с эпидемиями. Но это только первые шаги. Потребуется еще немало времени, прежде чем удастся ослабить позиции религии, чрезвычайно сильные среди основных слоев населения.

Кто знает добро и зло...

В Бамако мне часто приходилось проезжать мимо детского сада, где сотни две темнокожих ребятишек занимаются под руководством своих воспитательниц. Это новое явление в общественной жизни Мали. Но пока в большинстве случаев воспитание ребенка в малийской семье целиком ложится на мать. Всего лишь раз я видел ребенка, которого нес отец. Дети очень привязаны к матери. Малийская пословица гласит: «Бей меня, но не ругай мою мать».

Мальчики, подрастая, стараются научиться у отца искусству охоты, ремесла, земледелия. Девочки лет с пяти-шести уже начинают носить за спиной своих младших братьев и сестреночек. В городах по поручению матери они занимаются торговлей. Участие в хозяйственных делах семьи часто служит препятствием для посещения школы.

Африканские дети развиваются быстро. Родители внушают им почтение к предкам, знакомят с основными традициями и верованиями.

Порядок и дисциплина в малийской семье основываются на уважении младших к старшим. Считается, что все, кто родился позже, должны чтить тех, кто родился раньше. Тот, кто долго жил — много видел и испытал, — знает, как говорят малийцы, добро и зло. Старики могут многое рассказать и многому научить. Мне не раз приходилось видеть, как достаточно было одного-двух слов старика, чтобы остановить ссору детей или подростков.

По старым обычаям, накануне обряда посвящения в разряд взрослых юноши в составе возрастных групп проходят суровый и систематический курс обучения вдали от деревни под руководством стариков, играющих роль духовных наставников. Юноши воспитываются в духе трудолюбия, уважения к старикам, повиновения

родителям и родственникам. Они должны быть храбрыми и сильными, довольствоваться минимумом пищи, почти не спать. Цель такого воспитания — сделать из подростка настоящего мужчину, верного защитника и последователя традиций рода и общины.

Каждый горожанин обязан делить кров и пищу с приехавшими из деревни родственниками, если даже они у него будут жить много месяцев. Когда на иждивении находится близкий родственник, например брат, ищущий работу, то помощь ему оказывается до первого предложения работы. Если он от нее отказывается, то помощь может прекратиться.

На улицах Бамако редко можно встретить юношу и девушку, идущих рядом: нет обычая приглашать девушку в кино или на прогулку. Исключения составляют вечера и балы в лицаех. Но тогда девушки получают пригласительный билет. Обычаями также не поощряется ношение коротких юбок или платьев. Считается, что женщина прежде всего должна закрывать ноги.

Своеобразен свадебный обряд малийцев. Впервые закон о браке появился в Мали в 1962 году. До этого брачные отношения регулировались обычаями и были очень сложными.

Теперь по кодексу о браке считается достаточным внести родителям невесты обусловленный законом денежный подарок (20 тысяч малийских франков). Раньше сумма была гораздо больше. Эти деньги рассматриваются как компенсация за потерю рабочих рук в семье. Их обычно не тратят. Если глава семьи получил деньги за уход дочери, то он платит их при женитьбе сына. В случае женитьбы на разведенной размер денежного подарка уменьшается наполовину.

Обязательное условие теперешнего брака — согласие жениха и невесты. Церемония вступления в брак начинается в мэрии, куда приходит большое число приглашенных. Приглашения рассылаются заранее. Церемонии открывает заместитель мэра города. После речи по случаю бракосочетания он вызывает к столу жениха, невесту, затем двух посаженных отцов, которые исполняют роль родителей. Жених и невеста одеты в белые национальные одежды. Лицо невесты закрыто прозрачной тканью.

Мэр спрашивает жениха о согласии взять в жены

такую-то и уплатить родителям невесты предусмотренную законом сумму. Потом задаются вопросы невесте. Затем следуют наставления посаженных отцов. После объявления жениха и невесты мужем и женой начинаются поздравления.

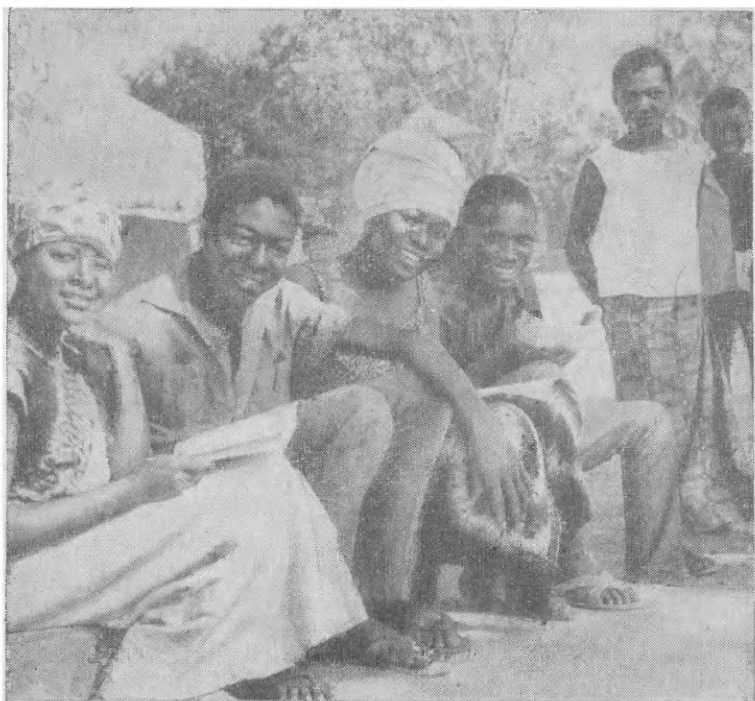
Из мэрии жених и невеста едут по своим домам. Вечером в мечети происходит религиозная церемония в присутствии родственников и друзей новобрачных, но без них самих. В течение нескольких дней жених не видит невесту, которую в это время почти не кормят якобы для того, чтобы первым родился мальчик. Через неделю устраивается свадьба, на которую приглашаются многочисленные гости.

Торжество начинается после захода солнца. Невесту отводят в хижину, где пожилые женщины наряжают ее в белое платье и закутывают с головы до ног в покрывало. Она выслушивает от них наставления, как вести себя в новом положении. Эти наставления часто прерываются песнями и плясками молодых девушек. В это время жених угощает гостей ужином, орехами кола, лимонадом. Родственники принимают подарки. До рассвета продолжаются песни и пляски. В деревне около полуночи женщины отводят новобрачную в ту хижину, которая должна стать ее жилищем. Затем жених оставляет гостей и идет к невесте. В городе жених снимает дом, куда после свадьбы родственники приводят невесту. Неделю молодожены живут вместе, навещаемые родственниками и друзьями, а потом расходятся по своим домам. В течение недели каждый из молодоженов покупает баранов и по очереди приглашает к себе друзей и близких, которых угощают под веселые песни гриотов. Отказываться от таких приглашений нельзя, будет кровная обида.

Лишь после этого жених приводит невесту к себе в дом. Сестры жениха учат ее вести хозяйство, нянчить детей. Когда старшая сестра убеждается, что молодая жена умеет все делать самостоятельно, она оставляет ее одну.

При рождении ребенка на седьмой или восьмой день марабут дает ему имя, но, если отец не согласен, оно может быть изменено.

Еще и теперь бывают случаи, когда понравившиеся друг другу юноша и девушка не могут пожениться по

Учащиеся лицея

религиозным причинам. Так, ислам не разрешает браки между мусульманами и анимистами, а в присахарских районах, где особенно сильны старые обычаи, бывший раб не смеет жениться на дочери хозяина.

Малийская женщина — великая труженица. Она готовит пищу, нянчит детей, ухаживает за огородом, собирает плоды диких растений. Она же с тяжелыми тазами, полными фруктов и овощей, идет на базар, чтобы добавить немного денег к скромному доходу главы семьи. В саванне можно встретить женщину с огромной вязанкой дров на голове и с ребенком за спиной.

Уважением мужа пользуется та жена, которая родила ему наибольшее количество детей — будущих работников. Однако четверть родившихся детей умирает, не дожив до года. Главная причина высокой смерт-

ности — плохие санитарно-гигиенические условия, недостаток квалифицированной медицинской помощи.

И все же женщины в Мали имеют гораздо бóльшую свободу, чем у других мусульманских народов. В стране существуют различные женские организации, в частности занимающиеся пропагандой санитарии и гигиены, коллективы самодеятельности.

За годы независимости были созданы условия для расширения женского образования. В городах многие девочки посещают школы, лицеи, девушки учатся в высших учебных заведениях. Существуют курсы, окончив которые женщина может стать служащей в какой-либо конторе. В государственных магазинах появились продавцы-женщины. После создания в Мали промышленных предприятий впервые сотни женщин получили возможность работать на производстве. Многие молодые мужчины тоже по-новому стали смотреть на положение женщины. Некоторые мои студенты говорят, что они отошли от старых обычаев, едят с женой за одним столом и намерены придерживаться единобрачия.

Учиться должны все

Как-то раз на одной из улиц в африканском квартале Бамако я обратил внимание на пожилого грузного человека. Он сидел на табурете около дома с книгой на коленях и, придерживая очки в железной оправе, напряженно шевелил губами. Рядом стоял молодой малиец, приветливо улыбнувшийся при моем приближении. Я заговорил с ним и узнал, что его зовут Усман Дамбеле. Он моторист на одном из небольших предприятий. Старик с книгой оказался отцом Усмана. Он учится читать. Усман с гордостью рассказал, что все его дети ходят в школу. Да, детям надо учиться. Чтобы стать квалифицированным рабочим, надо знать французский язык. На нем написаны все учебники, так как у народов Мали еще нет общепринятой письменности.

Колониальные власти мало заботились о просвещении народов Судана, ибо языковая дробность создавала хорошие условия для политики «разделяй и властвуй!». Французский язык знали очень немногие — интеллигенция, рабочие, бывшие солдаты французской армии.

Развитие народного образования пришлось начинать не только со строительства школ, надо было перестраивать всю школьную систему.

Мне пришлось присутствовать на лекции, которую читал министр национального образования в Административной школе. Он говорил, что в стране проводится реформа образования. Главная ее цель — сделать образование массовым, обязательным, бесплатным. Для этого надо увеличить число учащихся путем расширения сети школ и усиления работы по набору в школы. Я уже слышал от Мамби Сидибе, что в период колониализма родители неохотно отправляли детей в школу, так как, получив образование, человек уже не возвращался в деревню и по своему положению становился выше родственников.

Сотни малийцев обучаются в высших учебных заведениях как социалистических, так и капиталистических стран. Особенно это касается инженерных кадров, для подготовки которых в стране пока не имеется своей материально-технической базы и преподавательского состава.

Во время моей работы Административная школа выпустила первых специалистов. Это событие было торжественно отмечено малийскими руководителями и общественностью.

Один малийский преподаватель рассказывал мне, что, когда в лицее, где он работает, учащимся задали сочинение на тему «Человек и машина», все описали труд портного. Большинство учеников других машин не видели. Мои студенты тоже имели слабое представление о современных станках и машинах и просили организовать экскурсию в Центр профессионально-технического обучения.

И вот теперь советник профтехцентра В. Колесников рассказывает моим студентам о структуре, оборудовании профтехцентра, его задачах и роли в развитии экономики Мали. Затем директор профтехцентра господин Ли проводит экскурсантов по учебным цехам. В слесарном цехе одетые в легкую униформу юноши сосредоточенно работают над изготовлением молотков.

— Это учащиеся второго курса,— говорит директор.— Они выполняют самостоятельные задания — дела-

ют молотки, лопаты. В столярном цехе их насаживают на рукоятки — и инструмент готов.

Особый интерес вызывает кузнечный цех. Кузнец — изготовитель мотыг, топоров, ружей, ножей — всегда пользовался почетом у малийцев. Но здесь они видят не кустаря, а мастера, вооруженного могучим механическим молотом. Ученики пока еще делают простую работу. Но мои студенты не скрывают чувства гордости. Идет формирование малийского рабочего класса.

Заинтересовала всех и электрическая плавильная печь. Директор объясняет, как готовится земля для формовки, как делаются формы и ведется их заливка.

— Чугун мы пока ввозим из Советского Союза, — говорит директор. — Это далеко, но мы надеемся, что у нас тоже будет свой металлургический завод.

Мы в сварочном цехе.

— Сварщик — это новая для нас профессия. Она нам очень нужна, — говорит директор.

Маска, прикрывающая глаза сварщика во время работы, идет по рукам слушателей. Советский мастер тут же демонстрирует точечную автоматическую сварку. И хотя на платья студенток сыплются искры, девушки не отходят от мастера — они хотят видеть, как работает промышленное электричество. Раз в Бамако лопнула водопроводная труба, оставив без воды несколько районов. Она была восстановлена электросварщиками. Ученики впервые увидели огромную силу того огня, который они держали в руках.

В механическом цехе будущие токари, фрезеровщики, строгальщики не реагируют на то, что станок плотно окружен экскурсантами, жадно следящими за каждым их движением. Стоит своеобразная тишина механического цеха — нет посторонних звуков, кроме ровного гудения машин. Студенты мои заметно взволнованы. Они впервые увидели зачатки той индустрии, о которой много говорят в стране.

В профтехцентре, работающем с 1963 года, уже было несколько выпусков. Немало его воспитанников стало техническими руководителями. В адрес преподавателей и мастеров идут письма. Бывшие ученики рассказывают о новой работе, о планах на будущее, благодарят.

При посещении керамического завода, построенного КНДР в дар Республике Мали, я довольно долго бесе-

довал с директором. Он откровенно рассказывал о трудностях в работе предприятия: низка производительность труда, нет квалифицированных кадров по учету, действует уравнительная система оплаты труда. Директор понимает, что это ненормально, так как один рабочий изготавливает за смену 120 изделий, а второй — 80, но без согласия центрального профсоюзного органа республики предприятие не может изменять зарплату. Рабочие по уровню квалификации делятся на три категории, или разряда, но повышение квалификации пока не проводится. Директор показывает отчет о работе предприятия. Здесь наряду с калькуляцией есть и нормы выработки, составленные самим директором. Пока они выполняются не всеми рабочими.

Директор — единственный на заводе человек с высшим образованием. Ему приходится заниматься многими вопросами. Из дипломированных специалистов есть еще два техника по обжигу керамики. В качестве топлива применяются дрова, что мешает поддерживать постоянную температуру в печи и сказывается на качестве изделий. Одним словом, мы узнали о первых, очень трудных шагах становления национальной промышленности.

О чем мечтает молодежь

Когда я спрашивал того или иного студента, к какой народности он принадлежит, мне обычно отвечали: «малиец». Хотя у малийцев еще не сложилась единая нация, для молодежи характерно стремление к внутреннему сплочению разных народностей для решения общих задач.

И на деревенском празднике в глухой деревне, и по столичному радио на разных языках — бамбара, фульбе, тамашек, сонгай — я неоднократно слышал песню, в которой повторялись слова «О Мали!». Эта песня — символ, волнующий призыв к единению всех народностей, населяющих страну, без чего немислимо национальное возрождение.

Особую роль в развитии страны должна сыграть молодежь, составляющая больше половины населения страны. По горячим дискуссиям, которые развертыва-

лись в Административной школе, было видно, что молодежь понимает свое назначение.

Я спрашиваю Ибраима Дьяките, о чем мечтает малийская молодежь.

— Это зависит от прослойки. В профтехцентре учился мой брат. Там была проведена анкета о мотивах поступления на учебу. Одни ученики ответили, что мечтают иметь техническую специальность и работать на промышленном предприятии, другие хотят стать хозяевами мастерских, купить автомобиль, иметь несколько жен.

— Ну а молодежь, получившая образование?

— Конечно, о прогрессе, о том, чтобы вывести страну из отсталости, чтобы у нас была своя литература, свои писатели, поэты, композиторы, чтобы было бесплатное лечение. Сейчас африканцы ходят в учениках. Но у нас тоже есть свои ценности. Их надо собрать. Африканцы могут кое-что сказать миру. У нас много трудностей: языковая и религиозная раздробленность, недостаток средств. Вот вы приехали в Мали на короткий срок и успели всю страну посмотреть. А у многих из нас нет средств на путешествия. Поэтому жизнь соседних областей мы знаем только по слухам.

В Административной школе преподавали представители двух противоположных социальных систем. Я заинтересовался у Дьяките, как студенты ориентируются в разных идейных направлениях.

— Мы хотим знать опыт социалистических и капиталистических стран, чтобы отобрать лучшее.

Сегодня Ибраим Дьяките необычно разговорчив, и я слушаю его с удовольствием.

— Ленин призывал изучать и распространять новое, иметь конкретный план развития. К этому мы тоже стремимся, но пока не хватает грамотных кадров на местах. Нам надо начинать с сельского хозяйства. Здесь много проблем. Крестьянин привык производить столько, чтобы хватило до следующего урожая. С дабой расширить производство трудно, надо переходить на плужное земледелие. Тракторы мы пока делать не можем, у нас есть железо, но нет ни угля, ни нефти. Не сбросишь со счетов и неграмотность крестьян, и жсла-ние молодежи уйти из деревни в город. Все эти вопросы мы должны решить.

Малийская молодежь очень любит спорт, и мы с Ибраимом Дьяките иногда вместе отправляемся на стадион.

При технической помощи Советского Союза в Бамако был построен один из лучших стадионов в Западной Африке, вмещающий 25 тысяч зрителей. Особенно красива белая железобетонная чаша стадиона с зеленеющим полем и голубыми окнами плавательного бассейна. Здесь работает много секций, в которых занимаются не только учащиеся, но и рабочая молодежь Бамако.

По воскресеньям, когда спадает полуденный зной, на стадионе малийские спортсмены встречаются с гостями из африканских и европейских стран. В дни интересных матчей трибуны заполняются до отказа. Жители Бамако — темпераментные зрители. В острые моменты игры многотысячные возгласы сотрясают соседние кварталы города.

Здесь, на стадионе, я был во время празднования VII Недели молодежи. Это смотр творческих сил и спортивных достижений всех шести экономических районов за год.

Я пришел на стадион за полчаса до начала, но на трибунах уже яблоку было негде упасть. Все проходы были забиты зрителями. Они усеяли даже рядом стоящую гору.

Праздник открывается выходом колонн, представляющих каждый район. Впереди — музыкально-танцевальная группа. Танцоры — мужчины и женщины, одетые в легкие яркие костюмы, на ходу исполняют разнообразные танцы, слегка задерживаясь перед центральной трибуной.

За танцевальной группой идут спортсмены. Каждая колонна обходит весь стадион. Затем поле стадиона заполняют школьники.

В этот день все остальные стадионы и спортивные площадки также забиты зрителями. Театральные представления проходят в переполненных залах, где часть публики стоит. Но это никого не обижает. Главное — зрители получили возможность увидеть искусство жителей Гао, Мопти, Каеса, Сикасо, искусство старого и нового Мали, которое они любят и которым гордятся.

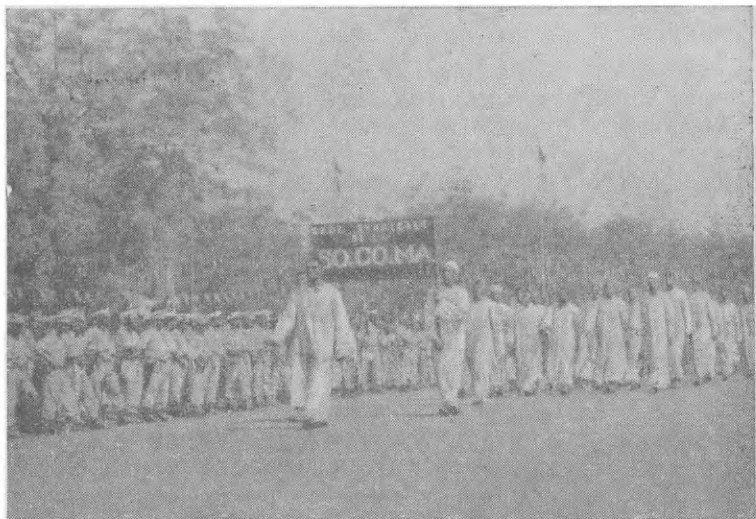
Первые годы независимого развития Мали отмечены на географической карте. Появились новые названия, новый смысл приобрели старые. В прошлом многие ничем не примечательные населенные пункты, такие, как Диаму, Багинедда, Джикорони, стали центрами крупных новостроек.

На западе Мали, на реке Сенегал в районе деревни Диаму, закончено строительство первого в стране цементного завода. Строительство крупного промышленного предприятия в условиях Мали — дело весьма трудное. За тысячи километров приходится возить все необходимое. Теперь трудности позади. Малийские рабочие под руководством советских специалистов завершили строительство первенца тяжелой промышленности. Рядом с заводом сооружен поселок для рабочих и служащих. В поселке есть школа, которую советские специалисты строили в свободное от работы время.

Теперь у Мали есть свой цемент. Республика может не ввозить его из-за границы. В стране разворачивается промышленное, жилищное и дорожное строительство. И Диаму теперь — мирный центр наступления на вековую отсталость страны.

На окраине города Сегу введен в строй крупный текстильный комбинат, где уже в момент пуска было занято свыше тысячи человек, треть из которых составляют женщины.

В районе порогов Сотуба построена вторая в Мали гидроэлектростанция, дающая 3500 тысяч квт·ч в год, что позволило удовлетворить основные потребности в электроэнергии Бамако. Со строительством сигаретной и спичечной фабрик Мали значительно сократило импорт табачных изделий. Продукция фабрики овощных консервов Багинеды пользуется большим спросом на внутреннем рынке. Керамический завод в Джикорони обеспечивает строительные организации санитарно-техническим оборудованием. Строительство сахарного завода в Н'Дебугу положило начало развитию сахарной промышленности. В Бамако построена современная бойня. Успешно развивается государственное сельскохозяйственное предприятие «Оффис дю Нижер». Построено много аэродромов и посадочных площадок, связавших

Первомайская демонстрация в Бамако

столицу с далекими уголками страны. В древнем городе Томбукту сооружена электростанция. На улицах его зажглись фонари, и забывается старая легенда о белом всаднике, появляющемся по ночам на улицах города.

Большую роль в сплочении трудящихся Мали играют профсоюзы. Особенно внушителен смотр трудовых сил Мали в день Первомая. Празднование происходит на огромной вытянутой в длину площади, отделяющей квартал Болибана от города.

Праздник начинается речью профсоюзного лидера страны. Затем на площадь въезжают разукрашенные грузовики. На одном — продукция первого в стране завода овощных консервов Багинеды, на другом — изделия тоже первого керамического завода. Продукция эта, может быть, и несложна, но она уже делается руками малийцев. Третий грузовик везет геологическое оборудование. Только после завоевания независимости страна приступила к систематическим геологическим исследованиям своих недр, к составлению геологических карт. Большую роль в этом деле играет помощь Советского Союза.

Потом по площади проходят колонны демонстрантов. Все идут в ногу, соблюдая строгое равнение в рядах. Ни единого возгласа, ни взгляда на трибуну, даже если зрители награждают колонну аплодисментами.

Вот, вызывая оживление среди зрителей, идет отряд в белых высоких колпаках и белых куртках. Это работники пекарен. За ними следуют железнодорожники в черных форменных фуражках. В тяжелых резиновых сапогах, больших черных фартуках и с длинными ножами в ножнах идут мясники бойни Бамако. Рабочие сборочного предприятия СОКОРАМ гордо несут поднятые вверх включенные транзисторы. Вселяя в зрителей бодрый дух, сверкая белоснежными халатами, проходит внушительная группа работниц лечебных учреждений. На боку у них санитарные сумки. Проходят рабочие государственной строительной организации СОНАРЕМ, рабочие предприятия «Судан металл», в голубых фартука идут рабочие завода фруктовых вод «Лидо». Подняв над головой деревянные маски, с тяжелыми слоновыми бивнями на плечах движутся ремесленники, объединенные в кооператив.

Государственное торговое общество СОМИЭКС представлено колонной одних только женщин, одетых в зеленый нейлон. Они идут четким спортивным шагом с идеальным равнением в рядах. Впереди колонны государственной авиационной компании «Эр-Мали» шеренга стюардесс. За ними идут летчики. Большинство ветеранов войны—в белых касках, некоторые из них прихрамывают, у многих на груди французские награды.

Почти каждая колонна несет лозунги: «Империализм, прочь из Вьетнама!», «Долой империализм, колониализм и неоколониализм!» Одна из колонн запускает в небо голубые шары. Шествие замыкается колонной музыкантов и руженых танцоров.

Нам, советским людям, близки и понятны те проблемы, которые волнуют всех малийских тружеников, в том числе и моих знакомых — молодого учителя Драма-на Траоре, и директора керамического завода в Джикорони, и студента Ибраима Дьяките, и ищущего работу крестьянина Усени Кунаре. Мы хотим, чтобы народ Мали разрешил многочисленные проблемы в развитии страны, чтобы каждый малиец нашел свое место в жизни и мог заниматься радостным, свободным трудом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. <i>Встреча с Мали</i> . . .	3
Глава 2. <i>Будни в Бамако</i> . . .	27
Глава 3. <i>Саванна</i> . . .	57
Глава 4. <i>В деревне</i> . . .	68
Глава 5. <i>Народные развлечения</i> . . .	97
Глава 6. <i>По дорогам страны</i> . . .	112
Глава 7. <i>Старое и новое</i> . . .	170

Василий Селиверстович Светлов

В КРАЮ САВАНН

*Утверждено к печати Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Н. Н. Водинская*

Художник *А. Яковлев*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Ш. Берславская*

Корректор *А. И. Киселева*

Сдано в набор 21/VII 1971 г. Подписано к печати 17/XI 1971 г. А-12403.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага № 1 Печ. л. 6,0. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,32
Тираж 15 000 экз. Изд. № 2844 Зак. № 790. Цена 55 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука».
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 55 коп.